

Бель

НОВАЯ, МРАЧНАЯ НОВЕЛЛА ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

ЛАУРА БЕЛЛЬ ПЭТЭРС

Глава 1

Каждое вытянутое из меня слово подобно пытке. Бывали дни, когда казалось, что эти страдания не стоили получения идиотской степени, и мне хотелось только одного — свалить из дома своего отца. Но я должна была оставаться здесь, правила мне были известны.

Каждый раз, когда я пыталась выбраться из нищеты и перебраться в другой мир, то попадала в неприятности, сталкивалась с отсутствием диплома или друзей.

Какой смысл заканчивать это эссе кое-как? Оно все равно вернется обратно, возможно, с двойкой, возможно, даже непрочитанным, с милой рекомендацией от администрации кампуса сосредоточиться. Профессор сказал мне в лицо: эссе было настолько плохим, что они не потрудились разобрать его, чтобы понять мои рассуждения.

Все действия преподавателей были далеки от того, чтобы поставить мне удовлетворительную оценку.

Один особенно обаятельный и тактичный человек спросил меня, как я вообще попала в колледж.

Я была не создана для учебы.

Я была полностью, абсолютно обречена.

— Либо это, либо остаться здесь рядом с этим мудаком, — сказала я себе. Я вздохнула и нахмурилась, играя со скотчем, который скреплял разбитый корпус моего ноутбука. Верхний уголок отклеивался, и у меня была плохая привычка тянуть за него вверх, а затем приклеивать обратно вниз, снова и снова. Теперь он вряд ли будет держаться вообще.

Колледж или мой папаша. Это означало, что никакого выбора не было и в помине.

От резкого хлопка входной двери я вздрогнула.

Мне необходимо было это напоминание, потому что я быстро уходила в свои мысли и пропускала целые абзацы.

Это было... Это казалось правильным для меня, но будет ли этого достаточно, чтобы наскрести на тройку, даже если этот новый профессор окажется самым хорошим из всех.

Тяжелые шаги протопали вверх по лестнице, мимо моей двери.

Я почувствовала привкус крови, слишком сильно прикусив щеку. Бл*дь. Это было плохо. Он вернулся слишком рано. Если он не захочет меня увидеть, тогда все будет отлично.

Пять слов.

Я была такой, такой обреченной.

Не стоило даже заморачиваться, чтобы попытаться продолжить писать. Я уже знала, что любое эссе, написанное в доме рядом с моим отцом, удостоится лишь двойки, точка. Бестолковое и бессвязное.

Я переключилась на электронную почту. Ничего нового. Я до сих пор не ответила на последнее сообщение своего профессора. Что, черт возьми, я могу сказать ему? «Нет, видите ли, я не могу приехать в учебный центр. Мне разрешено быть на территории университета, только чтобы посещать занятия. Если я задержусь там, где есть люди моего возраста, то знаю, что столкнусь с гневом своего отца».

Они подумают, что я сумасшедшая, или сообщат об этом в полицию, так что, в любом случае, я... обречена.

Кроме того, я всегда выглядела потрепанной. Мой отец позволял мне покупать одежду только несколько раз в год. Он высаживал меня у «Гудвила» с двадцатью долларами и

десятью минутами. Я шгопала и латала все, что могла, но... Я никогда не выглядела хорошо.

Пока мне не исполнилось восемнадцать, отец следил за тем, чтобы у меня было много хорошей одежды, он даже платил за мою стрижку.

После того, как по закону он больше не был обязан покупать мне одежду, отец прекратил это делать.

Бл*дь.

Нет никакого смысла об этом думать. Мне нужно с этим смириться. Найти способ, как написать лучше это дурацкое эссе. У меня достаточно времени, чтобы закончить работу, но не слишком много, чтобы изучить тонкости английского языка. Я пыталась посмотреть некоторые ролики на YouTube, но они не помогли.

Я закрыла ноутбук и осторожно отодвинулась от стола, помня о шатающейся ножке своего стула. Работать дальше бессмысленно. Лучше было заняться тем, что мне действительно нравилось.

Развалившись поверх одеяла на своей кровати, я вытащила из кармана телефон и нажала на приложение с читалкой, которое открыло последнюю книгу, которую я читала. Вернувшись на несколько страниц назад, я попыталась уловить сюжет и убедиться, что не пропустила ни единого слова.

Читать перед сном было замечательно, черт, это был единственный способ заснуть, но это означало, что иногда я пропускала отрывки текста.

Я погрузилась в роман. Моими фаворитами были вестерны о ковбоях и невестах, которые я заказывала по почте, но читала я все подряд.

Входная дверь хлопнула снова, и я в ожидании задержала дыхание. Я не слышала шагов, которые прошли мимо моей двери. Другой хлопок. Визг. Маленькие ножки затопали по лестнице. Я выдохнула.

Через несколько секунд дверь распахнулась, и две маленькие девочки забежали в мою комнату, запрыгивая на кровать со всем задором нападающих хищников.

— Уф! Откуда пришли эти слонята? Я знаю, что это не могут быть две маленькие девочки. Маленькие девочки стучат, когда хотят зайти в комнату кого-то другого, только слоны — большие, громкие и невоспитанные.

— Папочка тоже громкий, — сказала Карла. — Топает, топает, топает. Он никогда не снимает обувь!

— Тише, — остановила ее я. — Папа может делать все, что захочет.

— Это верно, — глубокий голос прозвучал около моей двери. Мы втроем перепугались. Я прижала своих сестер поближе на долю секунды, прежде чем заставила себя отпустить их. Они начали ослаблять захват и с воплями радости побежали к двери, распахнув свои объятия для нашего отца. — Ха! Папа не всегда громкий, да? Папа может быть хитрым.

Он встретился со мной взглядом поверх их голов, и я отвернулась.

Они двинулись на кухню веселой кучей, которая излучала радость от своего единения.

Я сосчитала до десяти, прежде чем пошла за ними.

Когда я зашла в гостиную, то прищурилась.

— Ох, привет, Кэнди, — сказала я, изо всех сил стараясь, чтобы мои слова звучали весело.

— Ты не должна стараться разыгрывать радость. Ты не имеешь право голоса по вопросу моего пребывания здесь. Твой отец и я пытаемся разобраться во всем ради девочек. Он предложил мне остаться на ужин, — сообщила она. — Мы еще не вместе, но, надеюсь, что

будем.

Я приклеила к своему лицу слабую улыбку.

— Это замечательно, — произнесла я. — В доме одиноко без тебя. Всем без исключения.

Она вытащила из сумочки сигарету и закатила глаза.

— Ты еще большая лгунья, чем твой отец, — сказала Кэнди, прикурив сигарету и сжав ее губами. Мне хотелось встряхнуть ее. Она думала, что так хорошо разбиралась в людях, так хорошо понимала, как устроен мир.

Мой отец был поразительным лгуном.

Мы направились в большую открытую кухню на его зов, стремясь к теплу и свету этих двух маленьких девочек, которые сидели за столом.

Остальные взрослые игнорировали меня до конца трапезы, что идеально мне подходило. Я обменивалась улыбками со своими сестрами, которые болтали снова и снова, пока все мы терпеливо слушали.

— Как продвигается твое эссе? — спросил папаша, когда передал последнее пюре Карле, изобразив обеспокоенного отца.

— Хорошо, — ответила я. Я подумывала добавить еще что-то, возможно он хотел от меня именно это. Рассказ о том, каким замечательным был колледж, или насколько он казался мне ужасным?

Пауза затянулась.

— Девочки, — произнесла моя мачеха, — вы же не будете тратить впустую свое время в колледже, правда? Посмотрите, как упорно работает Табита, а она даже не прошла. Она тратит свое время и деньги своего отца. Она совсем не благодарна ему за это.

Я прикусила щеку, и снова знакомый вкус крови наполнил мой рот, пока я пыталась промолчать, глядя на пустую тарелку.

— Сейчас, Кэнди, — произнес мой отец, снисходительно улыбнувшись, но не с таким уж и добрым взглядом, — она прошла. С трудом. Некоторым людям просто нужно немного больше времени.

Я сглотнула. Меня затопило чувство стыда, от него я сгорала изнутри.

— Мне жаль, — прошептала я. — Я стараюсь, правда.

По крайней мере, теперь мне известно, в каком виде он хотел, чтобы я предстала. С этим я могла бы работать. Взгляд в пол. Выставленные на показ позор и страдания, которые я чувствовала, вместо того, чтобы скрывать их.

— Мне нужно, чтобы ты взяла себя в руки, — сказал он. — Есть ли что-нибудь еще, что ты можешь сделать, чтобы улучшить свои оценки?

Я увидела свой шанс и должна была его получить.

Я слегка пожала плечами, потом прикусила губу и подняла широко раскрытые глаза, надеясь встретиться с холодным взглядом отца, который сидел во главе стола.

— Есть учебный центр, — сказал я. — В кампусе. Один из моих профессоров порекомендовал его.

Отец подмигнул маленьким девочкам, сидящим за столом напротив меня.

— И сколько это стоит? — спросил он, сделав большое шоу, пока вытаскивал свой кошелек из заднего кармана свободных джинсов, от чего девочки захихикали, а Кэнди снисходительно улыбнулась.

— Хм, на самом деле, это бесплатно, — почти прошептала я.

Я не смотрела на Кэнди или своего отца.

— Бесплатно? — спросил он. — Проклятье, почему в таком случае ты еще не там?

— Я чувствую себя плохо от того, что тебе приходится возить меня до кампуса. Я не хочу, чтобы тебе пришлось еще и ждать меня, — произнесла я, все еще глядя в свою тарелку.

— Сейчас, это еще больше кажется пустой тратой моего времени, если ты не получаешь хорошие оценки, верно? — спросил он.

Я слегка кивнула. Крошечное движение головой.

Я не понимала, к чему он меня этим подводил, и в чем я должна была признаться. Мне был крайне необходим небольшой судорожный вдох.

— Почему бы мне не высаживать тебя перед работой по вторникам, а забирать после работы, когда я все закончу? — спросил он. — Что даст тебе полный рабочий день раз в неделю. Как тебе такой вариант?

Слишком хорошо, чтобы быть правдой. Но кто я такая, чтобы отказываться?

— Это было бы замечательно, спасибо, сэр, — произнесла я.

— Называй меня папочкой, — сказал он.

— Спасибо тебе, папочка, — повторила я слова, ощутив во рту привкус пепла.

— Это отлично сработает, — произнес он. — Я буду забирать тебя после окончания занятий, и ты сможешь ездить со мной на один или два последних вызова. Возможно, ты сможешь протянуть мне руку помощи, а так же займешься честным трудом.

— Спасибо, — прошептала я, — папочка.

— Электрик никогда не останется без света, — пошутил он и с широкой улыбкой подмигнул всем за столом. Кэнди рассмеялись, а девочки захихикали, повторив за своими родителями.

Я не смогла улыбнуться. Я едва могла двигаться. Он хотел, чтобы я снова поехала с ним.

Должно быть, он хорошо потратился, если собирался снова продать меня.

— Кстати говоря, — сказал он, достав из кармана мобильный телефон, — я обещал не отвлекаться на работу во время ужина, но ужин закончен, верно? Похоже, мне придется отлучиться. Очень срочно. Я вернусь через часок, а может и раньше.

— Папочка, мы просто посидим тут, — заскулила Кристал. — Я ненавижу, когда тебе приходится уходить на работу.

Она нахмурилась и пнула ножку стола.

— Я знаю, — сказал он, как будто это происходило с ним впервые, — я привезу всем угощение. Для всех. Что бы ты хотела, Кристал?

— Шоколадные батончики, — ответила она, с выражением радости на лице.

— Мороженое, — закричала Карла, не дождавшись вопроса.

— Просто что-то маленькое для меня, — попросила Кэнди. — Подходящее к моим бедрам, и то, что ты не захочешь съесть.

— Правильно, — сказал он. — Моя Кэнди достаточно сладкая и без сахара. Посмотрим, смогу ли я уговорить тебя на что-то позже. Или может из чего-то.

Я улыбалась своим сестрам, которые излучали энтузиазм и игнорировали флирт родителей.

— Табита? — спросил он.

Они все в ожидании посмотрели на меня.

— Я ничего не хочу, спасибо, — произнесла я.

— Твой отец хорошо относится к тебе, — сказала Кэнди. — Отказываться невежливо.

Ты не должна быть такой угрюмой все время.

— Я ценю это, действительно, — сказал я, понутив плечи. — Я просто... я не знаю, чего хочу. Трудно выбрать.

— Почему бы мне не удивить тебя, милая? — спросил он.

Я кивнула.

— Конечно, — сказала я.

— Мы можем пойти посмотреть «Софию»? — спросила Карла.

Ничего на этой земле не делало моих сестер счастливее, чем очередной просмотр «Софии». Мультфильм о принцессе был тем, в чем они всегда были единодушны. Для Кристал это была отдельная маленькая жизнь, хотя обе девочки весело бегали по дому и притворялись принцессами.

Никто не мешал им. Это единственная вещь, о которой мы договорились, чтобы сделать девочек счастливыми, хоть и по разным причинам.

Кэнди и я сидели на противоположных сторонах дивана, с девочками находящимися между нами. Отец ушел, но я держала рот на замке.

Пока мы смотрели, Карла прижалась к моему боку и облокотилась на меня, обращаясь, каждый раз, когда хотела показать мне что-то, на что я ДОЛЖНА была обратить внимание.

Так как ей было всего шесть, это происходило довольно часто. Она хотела обсудить каждую минуту глупого мультика. Кристал пыталась проделать то же самое со своей матерью, но Кэнди в основном игнорировала ее, пока копалась в телефоне. Я старалась не смотреть на эту женщину. Кэнди была довольно хорошей мамой. У нее была работа, своя личная жизнь, и иногда она хотела получить несколько свободных минут от болтовни детей.

Я попыталась сделать вид, что не почувствовала стойкий запах сигарет, которым пропахли волосы Карлы. Пока они жили с нами, Кэнди, по крайней мере, не курила в доме.

В этот раз это не заняло у моего отца много времени.

Что... не утешало.

Он был на нуле некоторое время. Я имею в виду, что отец оплачивал свет и еду, которая стояла на столе, когда приезжали девочки, в этом плане он был крайне щепетилен, но кое-что осталось. Он не потрудился убрать пустые обертки из-под фастфуда в своей машине и не подмел пепел, что покрывал крыльцо. Это было последним в списке его дел, который я не видела уже несколько недель.

Не то, чтобы мне было до этого какое-то дело.

Моя жизнь была только моей жизнью, и это было неизменно.

Отец ворвался через дверь с взрывной энергетикой, которую так любила остальная троица. Они повскакивали со своих мест, чтобы столпиться вокруг него, обнимать и нежиться в лучах его очарования и энергии, которые он излучал. Хотела бы я сделать то же самое, но... я устала. Просто... устала. Я никак не могла собраться с силами, которые требовались для того, чтобы встать и начать притворяться.

— Я не хотел скупить весь магазин, так что... — отец медлил, а девочки смотрели широко распахнутыми глазами, как он копается в пакете из продуктового магазина. — Я купил мороженое в батончиках. Как вам такое? Это то, что удовлетворит каждого?

Карла и Кристал побежали на кухню, их светлые волосы развивались за спинами. Кристал была старше, ее волосы соломенного цвета с темными прядями, почти доставали ей до пяток. Карла остановилась и нахмурилась, а затем тяжело вздохнула и встряхнула блондинистой гривой.

— Не справедливо, — сказала она. — Ты всегда побеждаешь.

Я встретила глазами со старшей из сестер и послала ей взгляд, говорящий: «Будь умницей».

— Я не могу дотянуться до тарелок, — сказал Кристал. — Но если я посажу тебя немного, мы сможем сделать это вместе, договорились?

Как только они достали миски, а Карла побежала отнести их родителям, Кристал взглянула на меня и ухмыльнулась. Я отвесила ей поклон и подняла вверх большие пальцы. Последний раз, когда мы виделись, у нас состоялся долгий, личный разговор о том, что Кристал должна помогать младшей сестре в некоторых делах, чтобы позволить ей почувствовать, что она способна на большее.

Тяжело быть шестилеткой.

— А что ты принес Табби? Табби тоже нужно угощение! — настаивала Карла.

Мое уныние ни в коей мере не могло противостоять обожанию и заботе со стороны моей младшей сестры. Я встала.

— Я в порядке, однако, спасибо.

— Я купил ей немного леденцов, — произнес отец. — Новый сорт. Вот, малышка, лови.

Я поймала их на автомате, пока продолжала стоять на месте и тупо смотреть на него. Он купил что-то и для меня тоже? Действительно?

— Они розовые, — закричали девчонки. — Розовые, розовые, розовые! Конфеты принцессы! Можно, мы тоже будем их есть?

— Нет, извините, — ответила я. Ну, конечно. «Плохим парнем» должна стать я. — Они для взрослых. Леденцы... кушать трудно! Вы можете подавиться, если засмеетесь, пока у вас во рту будет конфетка или попытаетесь раскусить и сломаете об нее свои зубки. С леденцами нужно быть очень осторожным.

— Не справедливо, — выдала Кристал. — Она даже ничего не просила. Почему ты принес ей то, чем она не может поделиться?

Неожиданно на мою защиту встала Кэнди, пока я прятала конфеты в карман.

— Табби — твоя сестра, но она на десять лет старше, — сказала мачеха. — Пусть Табита ест некоторые вещи, которые предназначены только для взрослых. Когда ты здесь, она играет с тобой в игры по десять часов в день. Дай ей, черт возьми, передохнуть.

Я улыбнулась своей мачехе.

— Спасибо, — спокойно сказала я. На полном серьезе.

Она не смотрела на меня.

Не знаю, чем было вызвано внезапное сочувствие с ее стороны, но я боялась сказать что-нибудь еще, что нарушило бы хрупкое перемирие.

Когда отец добрался до кухни, то остановился.

— Ты оставила посуду для меня? — крикнул он через плечо.

Я знала этот тон.

Дерьмо.

— Нет, сэр, — сказала я.

— Для Кэнди, что ли? Или для Карлы? — прокричал папаша.

Я покачала головой.

— Нет, сэр, — повторила я.

Я хотела посмотреть телевизор со своими сестрами. Разве это было чем-то, черт возьми, ненормальным?

— Табита, иди за мной, — приказал он. — Мы должны поговорить об уважении. Я достаточно уважаю тебя, чтобы поговорить об этом наедине.

Я посмотрела на своих сестер, подарив им лучезарную улыбку. Она не коснулась моих глаз, но я подумала, что они еще слишком малы, чтобы понять это. По крайней мере, я на это надеялась.

Ноги несли меня вслед за отцом вверх по лестнице, к огромному окну над парадной дверью, из которого лился свет.

Как только мы вошли в мою спальню, язык его тела не изменился. Было бы легче, если бы он хоть как-то подсказал мне, чего стоит ожидать, чтобы я не пропустила сигнал об опасности. Отец выглядел расслабленным, а его глаза искрились от той же игривой нотки, что присутствовала внизу. Холодность не увеличивалась на задворках его хорошего настроения. Оно просто... было.

Он все еще выглядел как отец, который обожал своих маленьких дочек, но я знала, что этот человек собирался причинить мне боль.

— Дай мне это дерьмо обратно, — приказал он.

Я протянула ему упаковку.

Напряженная как натянутая тетива, я была бы рада избавиться от него.

— Ты живешь на халяву, — произнес папаша. — Помой чертову посуду. Конец дискуссии.

Я кивнула.

— Да, сэр.

Он не двинулся к выходу, так же как и я. Просто продолжал стоять и осматривать меня. От пяток до кончиков волос.

— Как только Кэнди уедет, я свалю, — предупредил отец. — Я вернусь в воскресенье. Скажи им, что видела меня утром, или другое подобное дерьмо.

Я кивнула.

— Да, сэр.

Я впилась своими острыми ногтями в ладони. Было так... очень... чертовски важно, чтобы я не выглядела слишком счастливой от этого, или он остался бы просто мне назло. Мне было необходимо знать, что он уедет. Мы повеселимся без него. У нас не было выходных без отца уже несколько месяцев.

Он кивнул, повернулся и вышел из комнаты, затопав вниз по лестнице.

Прежде чем присоединиться к ним внизу, я села на край своей кровати, дрожа и едва не рыдая. Я не знала, что будет во вторник: очередной приступ страха или свобода.

Глава 2

Во вторник утром я проснулась от того, что отец тряс меня за плечо, и я знала, что у меня в запасе лишь две минуты на то, чтобы успеть собраться.

Он выглядел полностью собранным, а его брови были приподняты в насмешливом вызове.

Я даже не дождалась, когда за ним закроется дверь, сразу помчалась к своему шкафу, на ходу стаскивая с себя тонкую майку, в которой спала.

Заставляя свое тело проснуться, чтобы пальцы двигались проворнее, я теряла драгоценные секунды, пока доставала бюстгальтер. Времени на то, чтобы сменить пижамные трусики-шортики, не было. Я буквально сдернула с вешалки платье, которое

выбрала в понедельник, и натянула его через голову.

Босиком я понеслась по лестнице, несколько раз споткнувшись и хватаясь за перила, чтобы предотвратить падение. Последнее, что мне было нужно, — это подвернуть лодыжку.

У меня едва хватило времени схватить сумку, которую я оставила в шкафу в прихожей, до того, как отец успел выехать из гаража, и осторожно открыть дверь, чтобы запрыгнуть в машину, пока папаша не проехался колесами мне по ногам в предрассветных утренних лучах.

У моего отца был белый грузовик с логотипом его фирмы — «Лоу Корп.: сервис, который заботится» — на обеих дверях и задней панели. Отец говорил, что грузовик был его лицом, который он демонстрировал миру, и в этом вопросе он был фанатичен.

Каждое утро понедельника он загонял его на профессиональную автомойку, и каждый четверг он протирал диски, когда заправлял бензин. Каждый вечер, как бы поздно он не возвращался домой, я прислушивалась, когда же откроется дверь гаража, а затем, понурившись, послушно шла пылесосить салон.

Однажды, когда я попыталась пропустить ежедневную уборку с пылесосом, он избил меня проводом так, что пошла кровь.

Я поежилась.

Я ненавидела эту машину.

Даже когда мы медленно доехали до кампуса, это ощущалось как трюк.

Мой день начался за три часа до того, как открылось одно из зданий, и от этого было еще хуже.

Здесь не было места, где я могла бы посидеть или свернуться калачиком, чтобы подремать. Я планировала сделать это в библиотеке. Мне следовало знать, что она не откроется раньше девяти.

Одно небольшое здание действительно открывалось в восемь, но когда я двинулась туда с другими студентами с заспанными глазами, то быстро поняла, что это было место, где они собирались на утренние занятия, и именно для этого его и открыли.

Ни открытых офисов, ни студенческих аудиторий, ни торговых автоматов.

Прошло два часа, а я уже выпила свою бутылку воды, поэтому мне пришлось отправиться наполнить ее в фонтанчике, затем я заглянула в туалет, но когда дело было сделано, я ушла. Все классы были заполнены студентами. На меня начали странно поглядывать.

Поэтому я вышла наружу к холодным каменным скамейкам, от которых у меня затекала задница.

Я съела половину своей еды, но не двинулась с места: сначала было слишком темно, сейчас чертовски неудобно, и у меня все еще было в запасе десять часов пребывания на территории кампуса.

Возможно, мой отец и не должен был делать ничего сверх того, что уже делал, чтобы я чувствовала себя полной дурой. Держу пари, что он тоже это знал.

Если бы он был таким отцом, образ которого пытался создать, то проехался бы по первым вызовам и посадил бы меня у университетского городка в девять или в десять, а не в шесть гребаных утра. У него было много свободного времени в течение дня, ведь он регулярно возвращался домой, чтобы накуриться, вздремнуть или просто проверить меня.

К тому времени, когда я добралась до учебного центра, я еле волочила ноги, живот урчал, а в голове пульсировала сильная боль.

Я ждала приблизительно десять минут, пока снова наполняла бутылку водой. Мне не хотелось появляться там ровно в девять, это был не тот способ, которым ты мог понравиться профессору.

Но когда я вошла и быстро просканировала учебный класс, то поняла, что совершила ужасную ошибку.

Никто из присутствующих, что сидели за столами или на диванах, не был значительно старше меня.

Как же я сразу не догадалась, что у колледжа не было достаточно средств, чтобы оплачивать дополнительные рабочие часы профессорам.

Просто... студенты.

Другие студенты.

Я хотела развернуться и убраться оттуда, но я будто приросла к месту. Мышцы моих ног, напряженные и вопящие, казалось, кричали мне: «Мы ждали этого часами, мы никуда не пойдём».

Моим ногам тоже должна быть чужда грамматика. Я обречена.

Я должна просто уйти, сейчас же.

Парень с вьющимися светлыми волосами толкнул девушку, которая сидела рядом с ним на диване. Она посмотрела на меня и бодро улыбнулась. Когда девушка поднялась с дивана, то фиолетовая рубашка, заправленная в джинсы, вылезла из-за пояса и образовала складки вокруг ее тонкой талии. Она заправила ее обратно, пока приближалась ко мне, а затем весело помахала рукой в знак приветствия, так, что мне захотелось ответить ей тем же.

— Нужна помощь при написании? — спросила она.

Я осторожно кивнула.

— Сдача эссе? Или просто готовишься заранее?

— Сдача эссе, — призналась я. — Завтра.

Она громко рассмеялась.

— По крайней мере, его не нужно было сдать вчера! Вот, что я привыкла слышать.

Я колебалась, уставившись в пол.

У этой девушки руки не были замерзшими и обветренными как мои. Они были гладкими и без морщинок, просто слегка пухленькими. Ее ногти были очень чистыми. Они не были длинными, без покрытия, но блестели и ничего не скрывали.

Однако это было тем, что сказали мне сделать профессора.

Это было тем, что, как они предполагали, поможет мне.

— Я, правда, не могу написать, — сказала я. — Мои преподаватели постоянно говорят, что если бы они сели и поговорили со мной, то поставили бы удовлетворительную оценку, но мое эссе...

— Не так красноречиво? — спросила девушка.

Я кивнула.

Точно. Красноречиво. Потому что именно это слово они и использовали.

— Хорошо, с другой стороны у нас есть комнаты для занятий. Итак, тебе нужно распечатать эссе, чтобы потом встретиться с нами здесь?

— Ох, эм, секундочку, — сказал я. Положив свой лимонно-зеленый рюкзак на стол, я осторожно открыла самый большой карман так, чтобы не разошлась молния, а зубчики подходили друг другу, и остановила собачку перед скотчем. Что предоставило мне достаточно пространства, чтобы немного помять, но вытянуть скрепленные вместе листы.

— Это должно занимать четыре страницы, — печально произнесла я.

— Окей, круто, похоже, у тебя тут есть то, над чем надо поработать, — сказала она, листая страницы. — Здесь, что, дюжина листов?

Я кивнула.

Иногда я надеялась, что если смогу доказать своим профессорам, что я действительно чего-то стою, то на самом деле смогу найти выход.

Другая девушка, Миранда, махнула мне, приглашая идти впереди нее, и загнала меня в небольшую комнату как овчарка своего щенка. Я почти столкнулась с тремя встречными людьми и кофеваркой, пока быстро поворачивала по коридорам, следуя ее указаниям.

Маленькая комната была унылой. Практически голая лампочка и пыль, но немного лучше, чем я себе представляла.

— Хорошо, что ж, давай начинать, — сказала она. — Хочешь, чтобы я прочитала вместе с тобой или вместо тебя?

— Я не знаю, — призналась я. — А как, ты думаешь, будет лучше?

— Давай попробуем вместе! — воскликнула она. — Если это не сработает, то мы можем начать все сначала и придумать что-нибудь другое!

Она была одной из самых энергичных людей, которых я только встречала. Успокаивалась ли она когда-нибудь? Как она вообще спала?

Не успели мы прочитать и трех строчек, как она положила листы на стол.

— Хорошо, пожалуйста, не пойми меня не правильно, но ты никогда не... изучала грамматику? — спросила она. — Черт, это было не слишком тактично. Кто-нибудь, когда-либо учил тебя...

Она замолчала.

Я заметила, как часть ее чрезмерного энтузиазма, казалось, отключилась.

— Нет, — сказала я. — В первый же год в средней школе мой учитель английского разрыдался и ушел. У нас была замена до конца года. Я была единственной, кто прошел итоговый годовой тест... с трудом.

— Дерьмо, — произнесла она.

Миранда откинулась на спинку стула и чуть-чуть расслабилась.

— Хорошо, ты же не собираешься сказать мне, что я маленький бурундук, правда?

— Ни за что, — сказала я.

— Мило. Тогда мне доставит огромное удовольствие помочь тебе.

— Ох, спасибо, Господи, — с облегчением выдохнула я.

От ее прекрасных чистых ногтей и сияющих (благодаря профессиональному шампуню) волос, мне уже было плохо, но от ее стеклянной улыбки я была почти готова сбежать. На минутку Миранда исчезла, а когда вернулась, то в руках у нее оказались маленькая доска и куча маркеров.

Большими красными буквами она написала на доске: ОНИ / ТАМ / ИХ.

— Давай начнем отсюда, — сказала она. — Мы поговорим о различиях, а потом возьмем твоё эссе и проверим его вместе. Только эту часть. Рим тоже построили не за один день (Прим. аналог поговорки: «Москва не сразу строилась»).

Мы потратили много времени, склонившись с красным маркером над моим эссе, от чего я почти опоздала на свою первую пару. Мне пришлось записывать свою работу в рюкзак настолько быстро, что я даже порвала некоторые страницы. Миранда вырвала из блокнота листок и написала свой номер телефона, подтолкнув бумажку ко мне.

— Мы не закончили, — сказала она. — Мы проделали отличную работу, но даже не поговорили о самой структуре твоего эссе, ясно? Может, ты придешь завтра?

Я покачала головой. У меня не было времени об этом говорить.

— Ты сможешь написать мне? Летняя сессия будет короткой, она пройдет быстро.

Я кивнула.

— Ты **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** напишешь мне? — спросила девушка. — Ты же не трусишь да? Это было намного веселее, чем общаться с психующими людьми, которые получили А-, а не А+. (Прим. пятерку с минусом, а не пятерку с плюсом) Это то, на что я, на самом деле соглашалась. Дай мне свой номер или поклянись, что напишешь мне.

— Я клянусь, — я почти выбежала за дверь. — Мне пора бежать, извини.

Между следующими парами у меня оказалось окно в сорок минут. Первые двадцать минут, я обдумывала, что могла бы сказать Миранде, а затем отправила ей сообщение, поблагодарив девушку за помощь. Она ответила почти сразу, спросив, какое у меня расписание и когда я смогу снова с ней встретиться. Как я могла кому-то объяснить, что находилась на территории кампуса тогда, когда мне позволял отец?

«Я не уверена», — написала я. — «Полный завал. Извини. Может, в четверг?».

«Тогда увидимся, если получится».

Глава 3

Ничто за весь день не смогло подготовить меня к тому ужасу, который я ощутила после окончания занятий, когда садилась в грузовик своего отца.

Он просигналил мне, несмотря на то, что, заведя его, я встала со скамейки, которая находилась на расстоянии в десять футов, и направилась к машине. Я осмотрелась вокруг в надежде, что ни один из моих одноклассников — или, что еще хуже, преподавателей — не находился рядом, чтобы стать свидетелем моего позора. Он делал это каждый раз, даже если парковался ровно в том месте, где я стояла и терпеливо ждала его. Меня всегда убивала его грубость, а привычное высокомерие обычно порождало внутри меня беспомощную злость.

Он подзывал меня как собаку. Хотя и так знал, что я подойду.

Но этим вечером я не могла позволить себе злиться.

Горячий плотный узел страха скрутил мои внутренности, от чего у меня пересохло во рту.

Отец даже не дал мне шанс пристегнуться, мы отъехали, пока я все еще сражалась с ремнем и сумкой.

Я молча сидела на неудобном сидении, вытянувшись в струнку, и сжимала лежащую на коленях сумку так сильно, что костяшки моих пальцев побелели. Я наблюдала в окно за проплывающими мимо огнями города, пока старалась не заплакать, чтобы он не обратил на меня внимания.

Это не закончится ни чем хорошим.

Я это знала.

Судя по ликованию на лице моего отца, так и будет. Должно быть, он получит за это что-то стоящее.

Единственная черта, которую он никогда не пересекал, — он никогда не насиловал меня сам. Никогда, словно не получил бы от этого никакого удовольствия. Может быть, во всем этом было бы больше смысла, если бы он это сделал. Его просто... не волновало, насиловали ли меня, пока с ним расплачивались наличными, наркотой и одолжениями... за

это.

Это было тем, что я для него делала. Я убирала его дом, помогала ему выглядеть респектабельно и заботилась о своих сестрах так, чтобы отцу не приходилось заниматься ими больше десяти минут за раз... ведь, в конце концов, он знал много мужчин, которые с удовольствием заплатили бы ему за возможность полчаса побыть наедине с девочкой-подростком.

Действительно, я была многофункциональной инвестицией.

К несчастью для него, его друзьям было не интересно трахать восемнадцатилетнюю. Им нравились помоложе. Ему пришлось искать новых людей, которые захотели бы обычную шлюху.

Сейчас он не выглядел таким же взволнованным, как в прошлый раз, когда забирал меня обратно. Меня едва не пришлось поместить в больницу.

Что, вероятно, он должен был сделать.

Мы ехали все дальше; миновали город, проехали тихий пригород, где мы жили, дома на окраине города остались позади.

В темный лес.

Он не говорил о работе месяцами, но это было не из-за того, что он не доверял мне или кому бы то ни было еще. Он упоминал о работе, когда сердился, или просто хотел произвести впечатление на Кэнди.

Я не смогла сдержать дрожь, когда услышала, как он усмехнулся с соседнего сидения грузовика.

На одно мгновение ненависть перевесила страх, окутав черной дымкой так, что я едва не задохнулась. Мне пришлось затолкнуть ее обратно, как можно глубже, а затем сесть на нее сверху, чтобы не позволить ей выбраться.

Он не включил сигнал поворота, когда резко нажал на тормоз и неожиданно свернул вправо к обочине, засыпанной гравием, от чего камни едва не полетели в стекло двери с пассажирской стороны.

— Не сиди так, будто тебе лом в задницу вставили, — сказал он, а я поморщилась. — Расслабься хоть немного, в ближайшие дни этого не произойдет.

— Да, сэр.

— Выходи из машины, — сказал он.

— Но... здесь? Я не вижу ни одного дома.

— Да. Мне нужно вернуться. Шевелись.

— Что я должна делать?

— Что угодно, что скажет тебе Зверь. Это не аэрокосмическое исследование. Вероятно, он захочет, чтобы ты просто отсосала ему или раздвинула ноги.

Я ничего не ответила, когда открыла дверь и осторожно выскользнула из машины, чтобы ни на минуту не выпустить сумку из рук. Грубый холст под моими пальцами действовал почти как успокоительное.

То, что казалось сумерками в освещенном фонарем кампусе, откуда он забрал меня, было настоящей темнотой здесь, среди деревьев. Она простирались надо мной, черно-серая и зловещая, похожая на густой лес, в котором мог бы скрываться кто угодно. Грузовик моего отца выехал на главную дорогу и исчез в ночи с громким ревом, и единственным досупным мне источником света был мой сотовый телефон, с его помощью я хоть немного могла разобрать, куда идти.

Из меня едва не вырвался крик, но я затолкала его обратно туда, где прятала свои страхи, ненависть и гнев, которые никогда не могла продемонстрировать.

Мне ничего не оставалось, как двинуться вперед, так что я по очереди переставляла ноги одну за другой.

Время от времени я поглядывала на часы в своем телефоне.

Десять минут.

Я была не уверена, насколько далеко ушла. Обычно у меня занимало, по крайней мере, десять минут, чтобы пройти полмили, но, черт, я не могла определить, насколько медленно двигалась в темноте, пока шла, спотыкаясь о корни деревьев.

Пятнадцать минут.

Двадцать.

Наконец, за углом показался какой-то проблеск.

Я увидела свет, который просачивался сквозь деревья, затем смогла различить очертания дома.

Я замедлила шаг и задалась вопросом, как далеко смогла бы уйти, если бы просто развернулась и медленно пошла обратно к дороге. Возможно, я бы нашла другой дом, возможно, добралась бы домой автостопом или отправилась бы в другой город, и никогда не вернулась бы к своему отцу.

Я уже знала, почему не стала бы этого делать.

Мои сестры.

Я бы никогда не увидела их снова, и это было бы не самым худшим из событий. То, что отказалась делать я, приходилось бы делать моим сестрам. Это было правилом.

Если бы я отказалась закрывать рот и раздвигать ноги для того, на кого мой отец хотел произвести впечатление, то он нашел бы кого-то, кому понравился бы ребенок, каким и я была раньше, и отдал бы ему одну из моих сестер — других вариантов не было.

Я не ускорила, но и не развернулась в другую сторону.

Под гнетом долга я ссутулилась, и у меня задрожали руки.

Мое первое впечатление о доме было, будто он весь светился желтым светом, но недостаточно ярко, чтобы я могла хорошо его рассмотреть.

Рядом стоял автомобиль с блестящим капотом, вероятно, новый. По крайней мере, достаточно новый. У него не было смелых классических линий и дребезжащих неэлегантных частей, что были характерны моделям 80-х или 90-х годов.

На входной двери дома был только глазок. Ни адреса, ни венка, никакого художественного оформления вообще. Просто совершенно белая входная дверь. Казалось, кирпичный дом в стиле ранчо располагался прямо в центре большой поляны. Я видела только лишь припаркованный перед ним автомобиль и несколько темных неясных силуэтов, которые вблизи были, вероятно, намного больше.

Сейчас все, что я должна была сделать — это закончить свою долгую прогулку. И ее завершение уже было в поле зрения.

Мне как никогда было трудно заставить свои ноги двигаться.

К тому времени, когда я оказалась в двух шагах от входной двери, у меня стучали зубы и тряслись руки.

Единственное, что заставило меня протянуть руку и постучать, была мысль о моих маленьких сестрах.

Никто, кроме меня, не позаботился бы о них.

В этом мире от меня зависело немного, но, по крайней мере, позаботиться о сестрах я могла.

Я постучала и сделала несколько шагов назад, к краю крыльца. Шагни я дальше — свалилась бы со ступенек.

Никто не ответил.

Я переступила с одной ноги на другую, интересно, хватит у меня мужества, чтобы постучать еще раз, или мне просто надо... уйти.

Куда? В крошечную темноту позади меня? Преодолеть мили и мили, что находились между мной и ближайшим городом? Чтобы вернуться к своему отцу, который избьет меня за непослушание?

Я осталась стоять на месте.

Дверь тихо открылась после моего пятого болезненного вдоха. На одно короткое мгновение, я увидела силуэт огромного человека, который встал в дверях, загородив собой свет и напугав меня до ужаса.

А потом, вдруг свет, яркий и четкий, ударил мне в глаза, и я подняла вверх руку, чтобы прикрыть его, отшатнувшись назад в пустоту.

— Черт, — произнес глубокий голос, и огромный силуэт превратился в мужчину, который потянулся ко мне, поймал за руку и затащил обратно на крыльцо.

Когда я снова крепко стояла на ногах, то вырвала руку из захвата, вздрогнула и поморщилась.

— Спасибо, — сказала я через мгновение, поняв, что это была очень плохая идея — обидеть этого человека, кем бы он ни был.

— Без проблем, — сказал он.

Когда глаза привыкли к свету, я смогла разглядеть мрачного мужчину с угрожающими габаритами, который стоял перед открытой дверью.

Не таким я себе его представляла. Он был всего на несколько лет старше меня, с густыми каштановыми волосами и полными губами.

Он был чертовой горой. Мужчина выглядел так, будто мог поднять грузовик. Неудивительно, что он так легко меня поймал, вероятно, этот качок мог бы поднять меня над головой одной рукой. С блестящими мышцами и щетиной, он мог бы показаться потрясающе красивым, если бы не шрамы.

Ожоги, старые и зажившие, но до сих пор шокирующие, они легко светились в серебристом полумраке и исчезали за линией роста волос.

Я старалась не пялиться, но поняла, что не могу оторвать от них взгляда.

Я посмотрела вверх и встретилась с его штормовыми сине-зелеными глазами. Что-то в них привлекло мое внимание и удерживало, заполняя мой мир.

Это были те глаза, в которые в любой другой день я могла бы влюбиться и не захотела бы уезжать.

В другой жизни.

— Заходи, — наконец сказал он, развернулся и повел меня в дом.

Это было довольно обычное место. Вовсе не голые стены и заваленный мусором пол, как я опасалась. Здесь был телевизор с плоским экраном, который стоял на старом журнальном столике, а несколько проводов, подключенных к нему, подсказали мне, что кто-то играл в видеоигры, сидя на старом диване.

Сброшенное покрывало, старое одеяло, картины на стене... это место не выглядело

опасным, как и любое из мест, куда отправлял меня отец.

Это место вообще не выглядело плохо. На самом деле, тут даже уютно. Не внушало ужас, как обшитый пластиковыми панелями дом моего отца. Он и Кэнди любили Макмэншн (Прим. «Макмэншн» (англ. McMansion) — ироничное название домов, которые строят для среднего класса, но с претензией на роскошь семейного особняка), с блестящими огнями и кирпичным фасадами, выполненными в стиле Лоры Эшли (Прим. Марка Лора Эшли работает в области дизайна одежды и интерьера). Глядя на такой дом, вы бы никогда не подумали, что в нем жил метамфетаминщик.

Что, черт возьми, происходило?

— Табита? — спросил молодой человек.

Я кивнула, стараясь не смотреть на него. Не знаю, чего я избегала, тех шрамов или тех пленительных глаз.

— Не знаю, кем еще ты могла бы быть, но... хорошо. Хорошо. Эй, — произнес он. — Меня зовут Кори.

— Мне сказали спросить Зверя?

— Да, это мое прозвище. Я — Кори Питтмэн, но... все называют меня Зверь.

Я кивнула, уставившись на свои ноги. Я стояла рядом с бейсбольной битой, которая была прислонена к стене возле двери. Старая краска облазила с древесины.

— Давай, я принесу тебе стакан воды, прежде чем мы начнем, — сказал он.

Я кивнула и подняла своими все еще трясущимися руками подол своей рубашки.

Когда он вернулся из кухни, я была голой, но по-прежнему смотрела себе под ноги.

— Эй, — возмутился он. — Какого хрена, Табита?

Я взглянула вверх и снова встретила с его глазами, в которых было только замешательство.

— Я думала, ты хотел... — начала я.

Глаза защищали слезы от унижения.

Это было точно так же, как когда отец настраивал меня на что-либо лишь для того, чтобы потом обмануть.

Он сглотнул.

— Я думаю, нам нужно поговорить, — произнес он. — Не могла бы ты одеться?

Когда я была уже одета, то присоединилась к нему на диване, сев на край подушки, которая была расположена как можно дальше от того места, где сидел он.

— Я спросил твоего отца, могу ли я нанять тебя, как помощницу, — сказал Кори. — Приготовление еды, уборка, возможно, некоторая документация.

Я сглотнула, прежде чем смогла заговорить.

— Вероятно, он тебе не поверил, — сказала я. — Наверное, мысль, что ты... Он даже подумать не может, что кто-то приглашает в свой дом девушку не для того, чтобы ее трахнуть.

— И он послал тебя? — спросил он. — Кусок дерьма.

Я неистово хотела кивнуть, но боялась, что это какой-то трюк. Возможно, этот мужчина мог рассказать об этом моему отцу, и тогда, что бы мой отец не сделал — обернется бедой для меня.

— Я не знаю, — сказала я и пожала плечами, чтобы просто заполнить тишину.

— Я не слышал, как подъехала его машина.

— Да, он высадил меня прямо на дороге, — произнесла я. — Я дошла пешком.

— Черт, он прекрасно знал, что тебе придется пройти в темноте больше мили. Бл*дь. Мне жаль, если бы я знал, то забрал бы тебя.

Я снова пожала плечами.

— Ладно, — сказал он. — Исправим. Мы можем начать все сначала?

— Конечно, — ответила я. Все, что захочешь. Все карты у него в руках; если он скажет моему отцу, что я не сделала то, что он хотел, то мне придется проходить через все это снова.

Мой жалкий запас храбрости потрачен не впустую.

— Эй, — произнес он. — Меня зовут Зверь.

Он протянул руку, и я робко ее пожала.

— Меня зовут Табита, — произнесла я.

— Не Табби? — спросил он.

Я покачала головой. Так называла меня мама.

— Мне нужно нанять кого-то, чтобы помочь с работой по дому и составить мне компанию. Не шуры-муры. Двадцать долларов за ночь. Наличными.

Я кивнула.

— Ты заинтересована в таком предложении? Тебе придется готовить и убирать, но на этом все, обещаю. Если кто-то, кто придет сюда, заставит тебя почувствовать себя некомфортно, их здесь больше не будет.

Должно быть, он увидел на моем лице сомнение.

— Серьезно. Ты не должна заниматься сексом с кем-нибудь из них или позволять им прикасаться к тебе. Если один из моих друзей что-нибудь учудит, то я надеру им задницу за тебя.

Ага, точно.

Так все и будет.

Конечно.

Я имела в виду, что если он захочет кого-то поколотить, то, я уверена, что справится с тем, кого выберет.

Я по-прежнему старалась на него не смотреть.

При ярком свете шрам выглядел еще хуже. Не гладкий, косой порез от ножа, а пузырящийся старый ожог.

Он заметил мой взгляд и отвернулся.

У него почти получилось спрятать его, но я не могла прекратить смотреть на шрамы. Я видела другой, который тянулся из-под воротника в сторону тыльной стороны шеи, еще более страшный, чем на лице.

— Мне жаль, что тебе придется смотреть на меня, — хрипло произнес он. — Вот почему мне было так трудно найти кого-то, кто бы приехал сюда. Я попробовал нанять кого-нибудь из фирмы «Веселые горничные», а также во всех, что есть в городе. Никто из них не захотел ездить так далеко или находиться со мной рядом.

Я не стала спрашивать, почему он не мог содержать это место в чистоте самостоятельно, или не хотел просто покинуть дом, когда приезжали горничные.

— Твой отец не знает о деньгах, — сказал Зверь. — Он сказал, что я должен платить напрямую ему. Я не скажу ему о твоём дополнительном заработке, хорошо? Если тебе нужна помощь с открытием счета без его ведома, я удостоверюсь, что ты сможешь попасть в банк, одна.

Я даже не знала, что ответить.

Деньги, о которых не будет знать мой отец, несколько раз в неделю побыть подальше от этого дома, и никто не будет требовать секса?

Звучало слишком хорошо, чтобы быть правдой.

Я не поверила ему ни на минуту.

Любой знакомый моего отца, с которым тот налаживал «дружеский контакт», для меня был плохой новостью.

Мне было жаль, что это очередная западня... и я не могла придумать способ, как признать это, чтобы не выглядеть конченной сукой. Я ждала подвоха, ловушку, удар, который собьет меня с ног.

— Уже поздно, почему бы нам обоим не лечь спать? — спросил он. — У тебя завтра есть занятия?

Я покачала головой.

— Отец сказал, что заберет меня в четверг утром, — сказала я.

Зверь кивнул. Он встал и протянул мне руку, чтобы помочь подняться. Я не приняла помощь.

— Есть две спальни, которые ты можешь занять, — сказал он, пока вел меня из гостиной в прихожую. — Проходи и выбирай, какую захочешь. Эта моя.

Спальня с открытой дверью, на которую он показал, была простой, но выглядела достаточно хорошо. Двухспальная кровать со старым деревянным каркасом, плед и одеяло съехали к груде грязных подушек, деревянный старый комод.

Она выглядела обжитой. Не слишком красивая, но достаточно хорошая. Там были даже какие-то картинки на стенах.

Он показал мне две пустые спальни. В каждой были две односпальные кровати на соответствующем деревянном остоле, выкрашенные в белый цвет. В одной из гостевых спален Зверя были белые простыни, накрытые розовым одеялом, спальня через холл была идентичной, но все было желтым.

Я выбрала желтую комнату. Она была намного меньше, но за то находилась еще дальше от спальни Зверя. Выбирать было особо не из чего, спальни были декорированы, но в обеих стояли лишь комод и крошечный шкаф, поэтому кого будет волновать, если я пожертвую лишними квадратами?

Ко всему прочему, я находилась здесь не по собственному желанию.

Зверь предложил мне поужинать, но я не могла согласиться. Я слишком устала и боялась показаться прожорливой.

— Ладно, что ж, я уже поужинал, так что... — он замолчал. — Табита?

— Да?

— Ты сможешь дать показания против своего отца?

— Ни за что, — ответила я.

Это был его прокол. Отец уже проделывал этот трюк прежде. Тогда в дверь постучал коп, он был в форме, со значком, и сказал, что слышал о том, будто здесь жестоко обращались с маленькой девочкой. Я впустила его, села и вывернула себя наизнанку, пока рыдала и рассказывала обо всех вещах, которые отец заставил меня сделать.

Он посмеялся надо мной, прежде чем прижал меня к дивану.

Мой отец говорил мне, что он знал почти всех в городе. Он ремонтировал их сантехнику, строил дома, ходил на вечеринки и делал пожертвования в их

благотворительные организации. Он сказал, что если я кому-нибудь расскажу об этом, то есть большой шанс, что я познакомлюсь с одним из его друзей, и он позволит ему сделать со мной все, что он захочет. Точно так же, как он позволил это копу.

В следующий раз мне показалось, что меня забрала социальная служба, откуда я была отправлена в приемную семью, в которой прожила почти два месяца, прежде чем рассказала им, что мой отец причинял мне боль. Тем же вечером мужчина отправил меня обратно к отцу и посмеялся надо мной, когда сказал, что мне не удалось пройти очередную проверку.

Глава 4

Мой беспокойный ночной сон проходил на комфортной двуспальной кровати. Но каждый раз, когда я слышала какой-то подозрительный звук, то мгновенно просыпалась. Я все ждала, когда Зверь зайдет ко мне и скажет, что он передумал. Что все, для чего я была пригодна, — это секс, так что мне нужно было выйти вперед, раздеться и позволить ему сделать со мной то, что он хотел.

Когда я перестала беспокоиться об этом, то задумалась о вопросе, который он мне задал.

Смогла бы я дать показания против своего отца?

Ни за что.

Должно быть, это ловушка. Это всегда ловушка.

Даже если это не так, то все, черт возьми, было бессмысленно. Он наказал бы меня. И наказал бы моих сестер. Возможно, он даже отыгрался бы на Кэнди. Обычно отец не трогал ее, по крайней мере, я никогда не видела, чтобы папаша бил свою женщину, но я знала, что он это делал. Так же, как и она не видела, как он бил меня, хотя это происходило постоянно.

Под утро я, видимо, наконец-то заснула, потому что проснулась от щебетания птиц и яркого света, который проникал сквозь маленькое окошко.

Встав с кровати, я надела чистую футболку. Я спала в своей одежде со вчерашнего дня, слишком напуганная, чтобы переодеться во что-либо другое, но у меня была чистая майка на дне рюкзака.

Я открыла дверь и прокралась в коридор, посетив ванную комнату, которую Зверь показал мне накануне.

Она была достаточно чистой, но не безупречной. Я поморщилась, учуяв застоявшийся запах мочи. Мне показалось, что ему действительно нужен был кто-то, кто помог бы с уборкой.

Я тихонечко ступала босыми ногами, пока шла по коридору в сторону гостиной.

— О, отлично, Табита, ты проснулась, — прокричал Зверь. — Проходи на кухню.

Маленькая комнатка была яркой и просторной, со шкафчиками, окрашенными в белый цвет, и маленьким столиком на двоих по центру.

У плиты, с перекинутым через плечо полотенцем, стоял огромный мужчина и перемешивал яйца на сковороде.

При ярком утреннем свете он не выглядел лучше.

Но он не выглядел и хуже.

Шрамы все еще выглядели мертвенно бледными и воспаленными, но его широкие плечи и яркие глаза по-прежнему привлекали мое внимание. Я чувствовала, что что-то во мне хотело ответить ему, хотело растаять в его руках и рассказать обо всех своих проблемах. Я чувствовала, будто была знакома с этим парнем давно.

— Надеюсь, что ты любишь яйца, — сказал он, выглядя при этом немного застенчиво. — Я могу приготовить их в любом виде.

— Я сама могу приготовить, — сказала я.

— Да, но я уже здесь. Яичница подойдет?

— Конечно, — ответила я.

Почему он был таким милым, таким дружелюбным?

После нескольких минут, которые мы провели в тишине, он поставил передо мной тарелку с горой яиц и тостов, но с одним единственным тостом перед собой. Масло и джем уже стояли на столе.

Все это выглядело восхитительно. Яйца были приготовлены с грибами и ветчиной, а тосты казались маслянистыми и поджаристыми.

Я едва смогла заставить себя откусить кусочек.

— Тебе не нравится? — спросил Зверь.

— Все хорошо, спасибо, — ответила я. — Просто по утрам я ем немного.

— Ага, ну в этом есть смысл, — сказал он. — Извини, если еда для тебя слишком плотная, у меня еще есть хлопья и ягоды.

Я отрицательно покачала головой и взяла тост.

В тот день мы почти не разговаривали.

Я все еще была не уверена, почему находилась там. Зверь показал мне все, что следовало убрать, и сказал составить список чистящих средств, которые мне будут нужны.

Я отмыла ванную и кухню, а потом немного передохнула.

Я не знала, чем весь день занимался он, и нашла его на улице, занятого уборкой листьев.

Я предложила свою помощь, но он ответил, что у него были только одни грабли, и предложил мне поработать над своим домашним заданием.

Что ж... я так и сделала.

Зверь ничего не сказал о том, что каждую ночь я закрывала дверь на замок и подпирала ее комодом. Конечно, этот предмет мебели не остановил бы того, кто захотел бы войти, так как был слишком маленьким, но, по крайней мере, шум от него смог бы предупредить меня о госте.

В четверг утром Зверь высадил меня около кампуса, так что я не была там так рано, как если бы меня привез отец, и всучил мне сорок баксов.

Я была так смущена.

Я думала, что буду избитой и больной, едва державшейся на ногах, когда в четверг окажусь у входа в класс, но вместо этого со мной все было... в порядке.

Не удивительно, что моя домашняя работа была выполнена, а у меня появилось дополнительное время позаниматься, и я даже оказалась вовремя в кампусе, чтобы успеть в учебный центр.

Когда я туда пришла, девушка, с которой мне довелось заниматься в прошлый раз, закончила с кем-то разговаривать, махнула рукой в мою сторону и подбежала ко мне.

— Ты вернулась! — сказала Миранда. — Я так рада, боялась, что ты не придешь. Желающих становится все больше, понимаешь? Мы стараемся помочь, но их так много, и каждого надо подготовить всего за час или два.

— Да, — сказала я.

Безусловно, мне тоже была нужна помощь, и часа мне было явно недостаточно. Наверное, я самая большая тупица, с которой она когда-либо занималась.

Миранда проверила всю мою работу, которую я выполнила вчера, и поморщилась лишь несколько раз. Я подумала, что это был прогресс.

Разбирать свои записи построчно было мучительно и унижительно, но я должна была признаться, что сразу смогла увидеть некоторые ошибки, прежде чем она указала мне на них. Может быть, если бы кто-то позанимался со мной в школьные годы, я не училась бы так плохо в колледже.

Девушка отправила меня и дальше изучать свои учебники, так что я забрала свои книжки и направились в комнату, где располагался учебный центр.

— Ты действительно добила́сь большого успеха, — сказала она, когда мы собирались расходиться. — Я весьма впечатлена. Всего за два дня? Должно быть, ты потратила весь вчерашний день, работая над этим.

— Хм, у меня было больше времени, чем обычно, — сказала я.

— Это доказывает, — сказала она, — что ты неплохо пишешь. Просто немного многословно.

Ха. Многословно. Совершенно непонятно — это другое дело.

Первые выходные после того, как я познакомилась со Зверем, тянулись мучительно медленно, как и большинство выходных, которые у меня были. Четыре дня без колледжа или возможности поговорить с другим человеком, который не являлся бы моим отцом, если не приходили Кэнди и девочки. Я ненавидела выходные.

Некоторые выходные не были слишком плохи, когда мне удавалось съездить в продуктовый магазин, где я могла сказать кассиру, что мне нужен пакет для покупок — лучше, чем ничего, хоть какое-то разнообразие моей монотонной жизни.

В остальное время были только уборка, уборка и снова уборка.

На самом деле, я не думала, что моего отца действительно заботило, был ли дом чистым, он просто хотел, чтобы я была занята все время.

Итак, мне пришлось вычистить швы между плиткой в ванной комнате зубной щеткой, перемыть все кухонные шкафчики изнутри с хлоркой... и оттереть пол так, что с него можно было есть.

Единственным моим развлечением в эти выходные стало то, что в воскресенье отец похвастался передо мной своим метамфетамином.

Он снова был розового цвета. И полностью отличался от того, что он покупал раньше. У него наверняка был новый поставщик, но я не рискнула задавать вопросы, на которые и так знала ответы.

Во вторник вечером, после занятий, мой папаша опять высадил меня на обочине дороги, и еще до того, как его автомобиль исчез из поля зрения и перестал быть слышимым звук мотора, я уже шагала вниз по длинной дорожке, а потом услышала рев другого двигателя, он завелся всего в двадцати футах от меня.

Я была так поражена, что все еще прижимала к груди свою сумку, когда Зверь подъехал ко мне на седане, который я видела неделю назад.

Он открыл мне дверь, когда поравнялся со мной, и я села внутрь.

— Хочешь поехать со мной в магазин? — спросил он. — Если захочешь, чтобы я завез тебя домой, то никаких проблем. У тебя, вероятно, был долгий день.

— Я хочу съездить с тобой в магазин, — сказала я.

Я не была на сто процентов уверена, почему Зверь хотел, чтобы я поехала с ним, но он платил мне, и если бы я отказалась ему подчиняться, то отец непременно поколотил бы

меня, так что... какой у меня был выбор? По крайней мере, если мы действительно поедем в продуктовый магазин, он не сможет трахнуть меня в общественном месте.

Зверь предложил мне выбрать радиостанцию и не стал возражать, когда я попросила оставить кантри и песню Миранды Ламберт.

Он даже спросил меня о том, как прошли мои занятия, и я поняла, что ему было действительно интересно... это было приятно.

Никто не спрашивал меня о том, как прошел мой день с тех пор, как умерла моя мама. Я была удивлена, когда поняла, что с того момента прошло больше десяти лет. Были дни, в которые я помнила маму так хорошо, что казалось, будто она только что вышла из комнаты, и я могла позвать ее обратно в любую минуту, как только захотела бы.

— Я хотел бы пойти в колледж, — сказал он, услышав о моей дневной лекции по психологии в 101-ом кабинете.

— Да? — спросила я.

Я понятия не имела, что ответить на подобное заявление. Извиниться за то, что у меня была возможность ходить в колледж?

— Я имею в виду, что бросил бы ради учебы все занятия, если бы это того стоило, но... — Зверь замолчал.

— У тебя не было выбора? — робко спросила я.

— Да.

— Не иметь возможность выбора — отстой, — произнесла я. Никто не знал, каким образом я получила эту возможность учиться.

— Да, это действительно так.

Мы проехали в тишине еще несколько минут.

— Твой отец такой кусок идиота, что я удивлен, как он вообще тебя отпустил.

Я открыла рот, чтобы согласиться, засмеяться или заплакать от облегчения, что кто-то разглядел в моем отце такого мудака... но снова закрыла его.

Если этот парень хоть что-то знал о моем отце, то точно был с ним заодно.

Я не верила никому из них.

— Он хочет, чтобы я помогала ему с бизнесом, — сказала я, покрывив душой. — Он сказал, что не может доверять большинству своих сотрудников, которые могут подпортить его бизнес. Поэтому папа решил, что я должна уметь работать с документами, и мое обучение поможет делу.

— Это то, чем ты хочешь заниматься? — спросил Зверь, когда мы свернули на ярко освещенную парковку «Инглис».

Я пожала плечами.

— Это хорошая практика, — осторожно произнесла я. — Похоже на что-то, что действительно поможет мне. Я очень благодарна, что он платит за мое обучение.

Когда мы зашли в магазин, Зверь вытащил из кармана список, и я схватила корзинку и последовала за ним.

Он потянулся к банке с арахисовым маслом, но я выпалила:

— Не глупи!

Он убрал руку обратно и посмотрел на меня, изогнув одну бровь.

Я сглотнула.

Я действительно только что сказала парню, который выглядел так, будто мог поднять тачку, не глупить?

— Тебе не нравится арахисовое масло? — спросил он.

— Эм, тот, что со скидкой продается под торговой маркой магазина — ничуть не хуже, — сказала я. — Просто, знай это. Намного дешевле. Но вкус реально тот же.

— Ха, невероятно, — сказал он. — Тебе нравится с печеньем или со сливками?

— Я не... мой отец любит со сливками, так что мы покупаем его.

— Давай так, — сказал он. — Мне нравятся оба, и ты должна попробовать арахисовое масло с печеньем и тот сливочный с прослойкой банана. Они вкусные.

Я неуверенно улыбнулась.

Если бы это был любой другой человек в любой другой день, то, возможно, я получила бы удовольствие. Если быть честной с самой собой, то поход по магазинам со Зверем напомнил мне прогулку со школьными друзьями, когда мне их еще было позволено иметь. Было весело просто тусоваться вместе, даже дома.

Зверь заставлял меня чувствовать себя так, будто работа — вовсе не работа, а просто еще один способ приятно провести время.

Он спросил меня, какие продукты я предпочитала, и без колебаний приобрел их.

Той ночью, когда я в одиночестве стояла на кухне и перемешивала макароны с соусом, которые решила приготовить, я поняла, что начала улыбаться.

Прежде, чем я легла спать, завалившись прямо в одежде на узком матрасе, меня окликнул Зверь.

— Табита? Ты сможешь дать показания против своего отца?

— Нет, сэр.

Глава 5

К тому моменту, когда промежуточные экзамены закончились, я вернулась к ежедневной рутине. Выходные делились на уборку, страх перед собственным отцом и редкие, но прекрасные моменты, когда приезжали мои сестры.

Со вторника по четверг я находилась в колледже или со Зверем, и это было... замечательно. Впервые в жизни у меня были нормальные оценки. Из-за того, как улучшилось мое сочинение, я получала A и B, а не C и D (Прим. В США принята система оценок A, B, C, D, F по первым пяти буквам английского алфавита. Для вычисления среднего балла буквы конвертируют в баллы A=4, B=3, C=2, D=1 и F=0. Успешной считается оценка не ниже C).

Я едва могла в это поверить.

В домике у Зверя я готовила несколько больших порций еды и упаковывала для него все, что оставалось, чтобы он мог нормально питаться в выходные. Я быстро наводила порядок во всем доме, за исключением комнаты Зверя, в которую он запретил мне входить.

У меня было столько свободного времени, чтобы я могла не только выполнять домашнее задание, но и даже совершать долгие, одинокие прогулки по лесу.

Обычно, я ходила к небольшой красивой реке. Зверь сказал, что я могу ходить туда всякий раз, когда захочу, но должна тщательно осмотреться, нет ли поблизости других автомобилей, прежде чем выйти из тени деревьев. Если я увижу какие-то машины, помимо грузовика или седана Зверя, то должна буду спрятаться или убежать и не возвращаться, пока они не уедут.

Это было странно, но...на самом деле, то, что я начала его понимать, заставило меня почувствовать себя немного лучше. Он занимался чем-то незаконным.

Иначе как бы Зверь мог позволить себе содержать этот дом? Конечно, строение было старым и далеким от предела мечтаний, типа дома моего отца, но это место выглядело достаточно хорошо и пригодно для проживания.

Что невозможно было сделать без денег.

Наши ужины не проходили в молчании. У него было много вопросов о моих занятиях, и я обнаружила, что мне нравилось говорить о них. Всякий раз, когда я признавалась, что чего-то не знала или не понимала, он не заставлял меня почувствовать себя глупой. Зверь просто говорил мне, что я достаточно старалась и добилась большего, чем смог бы сделать он, а еще ему казалось, будто я удивительная.

Через неделю после промежуточных экзаменов, я стояла около обычного кирпичного здания в разгар летнего вечера и была удивлена, когда увидела, что около меня остановился седан Зверя вместо машины моего отца.

Он опустил стекло, и я неуверенно осмотрелась.

Мне стоило подойти к Зверю, но если мой отец впустую потратит свое время на поездку до кампуса, то будет чертовски зол.

— Я предупредил твоего отца, что заберу тебя, — сказал Зверь. — Мне нужно было снова вернуться в город, чтобы добраться до магазина, так что это показалось хорошей идеей, если я заберу тебя по пути. С этим все в порядке?

Я кивнула.

— Тебе нужна помощь с рюкзаком? — спросил он.

Я покачала головой.

Он открыл багажник, и я закинула в него свой рюкзак, а потом забралась на переднее сидение небольшого седана.

Зверь никогда не просил, чтобы я в нем убиралась, но тут все еще было довольно чисто. Его машина не была завалена мусором, как у некоторых парней-автовладельцев. Мне это нравилось. Я думала, что тут сказывались гены моего отца — я не выносила вокруг себя грязь или беспорядок.

Мне не нужна была идеальная чистота, но... я ценила порядок. Порядок был приятным. В опрятной машине я чувствовала себя более комфортно.

Поездка в магазин прошла за приятной беседой, в ходе которой Зверь спросил меня о моем визите в учебный центр.

— Все прошло хорошо, Миранда сказала, что я наконец-то освоила пунктуацию.

А затем я спросила у Зверя, как прошел его день.

— Хорошо, я играл в «Фоллаут-3» и срубил старое гнилое дерево.

— Купи то, что хотела бы приготовить, — привычно распорядился Зверь. — Теперь я слишком привередлив.

— А когда-то не был привередливым? — поддразнила я.

Я заколебалась и попыталась не вздрогнуть и не поежиться от слов, которые так двусмысленно прозвучали. «Глупая Табита», — я сказал себе. — «Глупая».

Зверь рассмеялся.

Подобное случалось нечасто, обычно он казался сдержанным, мрачным и печальным.

Его смех был действительно приятным — словно вы смотрите на метель за окном, пока поживаете горячий сидр. Теплый, согревающий, сладкий.

— Скорее всего, нет, — сказал он. — Но, может быть, когда-нибудь стану. Может, однажды я скажу: «Нет ничего лучше, чем хорошо приготовленные, домашние макароны с

сыром, которые я хочу на завтрак каждое утро», и что ты тогда будешь делать?

— Вскипячу воду, — сказал я. — Я не возражаю против этого. Я имею в виду, что они могли бы стать хорошим завтраком, верно?

Он снова рассмеялся.

— Знаешь, у меня не было этого в течение многих лет. Бл*дь, давай купим что-нибудь и приготовим вечером. Это был долгий день.

Мы купили пачку макарон на ужин, а также взяли курицу и овощи, чтобы приготовить их с рисом следующим вечером. Мужчина с габаритами Зверя не мог жить только на макаронах.

Это было очень странно, но я хотела, чтобы он правильно питался и готовил полезную еду. Если для этого приходилось варить мне, то я была не против. У меня неплохо получалось. Я делала это почти каждый вечер в течение десяти лет. Мне даже понравилось готовить, когда оказалось, что бояться нечего и никто меня не накажет, если у меня что-то подгорит.

Я рассеянно потерла шрам на тыльной стороне своей ладони. Зверь это заметил, но ничего не сказал.

Когда мы подошли к автомобилю, было похоже на то, будто Зверь с чем-то боролся.

— Как ты получила этот шрам? — выпалил он после того, как вырулил с парковки.

— Который? — спросила я, пока пыталась сохранить свой голос нейтральным. Судя по всему, это был плохой ответ, который заставил Зверя нахмуриться, и я тут же извинилась.

— Я не злюсь на тебя. Просто хочу узнать о шраме на руке. Он похож на застарелый ожог, — произнес Зверь.

Так и было. Он занимал четверть ладошки и появился четыре года назад. Он все еще был слишком большим, чтобы спрятать его под браслетом, хотя я пыталась это сделать на протяжении многих лет.

А потом сдалась.

Никто до Зверя не спрашивал меня об этом.

Никто, кроме Зверя, даже если я хотела рассказать правду.

— Я готовила ужин, — очень спокойно начала рассказывать я. — Жаркое в кастрюле. Я забыл о нем, пока занималась другими вещами, и сожгла его. Отец сказал, что раз мне пришлось отвлечься от ужина и поэтому все пригорело, то меня надо научить распределять время и обязанности правильно. Он схватил меня за руку и прижал к боку кастрюли.

Я уставилась на свои руки, сложенные на коленях. Старый шрам казался сморщенным и воспаленным, как и шрамы Зверя.

Зверь тоже был обожжен.

С того вечера и на протяжении многих месяцев, я испытывала такую мучительную боль, что иногда жалела о том, что рука осталась при мне. Его шрамы были расположены на груди, на лице, на спине — как он смог выдержать все это?

Эти мысли заняли у меня лишь мгновение, когда он зарычал, и я увидела, как он сжал руль, от чего побелели костяшки на его пальцах.

— Сколько тебе было? — спросил он.

— Четырнадцать, — ответила я.

— Ты была просто ребенком, — сказал он. — Просто глупым ребенком, и он, бл*дь, подпалил тебя. Какой монстр мог сделать это со своей собственной дочерью?

Я пожала плечами.

— Слушай, я уже собирался спросить, но теперь я поспешу с вопросом. Табита, ты останешься со мной? Я думаю, что смогу уговорить на это твоего отца. Разумеется, только если этого захочешь ты. Если ты предпочтешь возвращаться на выходные к отцу, это нормально. Я пойму. Уходить всегда тяжело.

— Я не могу, — произнесла я. — Мои сестры. Они намного младше меня, и пока он относится к ним нормально. Они приезжают только на выходные. Я должна обеспечить им безопасность.

— Они приезжают каждые выходные?

Я покачала головой.

— Их мать — Кэнди, иногда она злится и некоторое время не привозит их, или они приезжают в гости, но только на одну ночь или даже на несколько часов.

— Хорошо, если я поговорю с твоим отцом, и мы договоримся на счет всего этого, — с нажимом произнес он. — Это сработает? Если все получится, ты захочешь остаться со мной?

— Если бы у меня была возможность остаться жить с тобой, а не со своим отцом, и все еще ходить в колледж, не убирать его дом и продолжать видеть своих сестер, а также защищать их? Конечно. Я хотела бы жить с тобой.

Единственный.

Бл*дь.

Шанс.

— Правильно. Хорошо. Я позвоню ему.

— Зачем? — спросила я.

— Что ты имеешь в виду?

— На кой хрен тебе это нужно? Что ты с этого поймешь? Ты можешь прекрасно готовить и убирать сам, я видела, как ты это делал. Ты, бл*дь, так же, как и я, не так уж и занят, чтобы быть не в состоянии заниматься домашними делами, так что... что-то не сходится. Ты планируешь продать меня на органы? Или что?

Он потер заднюю часть шеи одной рукой, пока вторую удерживал на руле.

— Ты видела их, когда мы вошли в магазин, Табита.

— Видела что?

— Взгляды, — сказал он, прозвучав разочарованно. — Ты видела, как вздрогнула кассирша, когда я направился к ее ленте, ты видела, как женщина откатила тележку подальше от меня, потому что в ней сидел ребенок.

— Ну да, ты ростом почти семь футов, и это пугает людей, — произнесла я.

— Вот почему я хочу, чтобы ты жила со мной, — сказал он. Зверь стукнул по рулю, словно привлекал мое внимание. — Потому что ты думаешь, что люди боятся меня из-за моих габаритов, а не потому, что я чертов урод со шрамами, которые покрывают все мое тело.

— Ох.

— Да. Ох.

— Ты уверен, что это шрамы? — спросил я. — Я действительно не замечала их. Я имею в виду, что они выглядят болезненными, но...

Его взгляд смягчился, когда он посмотрел на меня, прежде чем снова обратить внимание на дорогу.

— Знаешь, я всегда был высоким и много работал, прежде чем получил свои шрамы.

Люди дразнили меня, спрашивая, как там погода наверху. После того, как появились шрамы... ты одна из немногих людей, кто заговорил со мной без жалости или отвращения. Знаешь, что? Я ненавижу это.

Я была слишком занята, утопая в жалости к себе, чтобы тратить ее на других людей. И тут не было ничего хорошего. Это было не тем, чем стоило гордиться. Просто еще одна причина возненавидеть себя.

У меня не хватило смелости сказать ему, что я была просто бессердечной сукой.

— Я одинок, — сказал он очень тихо. — Я очень, очень одинок, Табита. Ты разговариваешь со мной, ты видишь меня таким, какой я глубоко в душе, без шрамов, и я не хочу потерять тебя.

Я не знала, что ему ответить, поэтому промолчала.

— Кроме того, ты мне нравишься. Ты умная и забавная, ты играешь со мной в видеоигры, а еще отлично готовишь... если бы я мог, то пригласил бы тебя на свидание. Ты, правда, мне нравишься.

Я нравилась ему?

Это мысль напугала меня до усрачки. Если я ему понравилась, то, вероятно, он захочет прикоснуться ко мне, и дело не в случайном соприкосновении наших рук. Зверь может захотеть меня трахнуть. И я не смогу остановить его, если мужчина соберется сделать это.

Думаю, что несколько лет назад, узнай я, что понравилась ему, то была бы так чертовски счастлива. Если быть честной, то его широкие плечи, яркие глаза и мощная челюсть казались мне красивыми. Заполучить красивого хорошего парня казалось мне несбыточной мечтой.

К сожалению, то время, когда я еще надеялась, прошло.

— Ох, — опять произнесла я.

— Я не приглашаю тебя на свидание, — быстро сказал он, — и если ты переедешь ко мне, то я не жду от тебя... ну, ты понимаешь, что я имею в виду. Я бы никогда не потребовал от тебя секс. Я не собираюсь причинять тебе боль, ладно? Я не смогу.

Я фыркнула.

— Ты можешь.

Когда я увидела, как его лицо исказилось от боли, то пожалела, что не могла забрать свои слова обратно или отреагировать иначе.

Я не пыталась высказаться о нем, как о человеке, дело было в его габаритах и в том, что он мужчина. Зверь был связан со многими людьми, которые, как я знала, могли причинить мне боль. Которые уже ее причинили.

Я не думала, что могла причинить боль ему.

После того, как оставшаяся часть нашего пути до его дома прошла в тишине и печали, я предположила, что идея меня и моего переезда к нему была полностью отброшена. Какой человек все еще хотел бы этого?

Тем же вечером, когда я уже направлялась в свою постель, он снова окликнул меня.

— Табита?

На мгновение я усомнилась в том, что он собирался спросить, но потом вспомнила наш вечерний ритуал.

— Ты могла бы дать показания против своего отца?

— Нет, Зверь.

Он позволили моему ответу осесть между нами, и я ушла.

Спустя две недели и двое долгих выходных, на протяжении которых я не видела своих сестер, поздно ночью пришел отец. Я находилась на ярко освещенной кухне его дома. Он взглянул на меня, а потом посмотрел на плиту и посудомоечную машину. Убедился, что все приборы были чистыми и функционирующими. Я старалась не позволить своим чувствам отразиться на лице.

Он был под кайфом, но не злой, скорее... задумчивый. Это было страшно, если судить потому, что я почти никогда таким его не видела.

— Тот пацан хочет, чтобы ты жила с ним, все время, — сказал он.

Я ничего не ответила.

— Должно быть, ты хорошо к нему относишься, — подметил он.

Я пожала плечами и попыталась сделать так, чтобы выражение моего лица было безучастным.

— Ты не собираешься отвечать мне?

— Мне очень жаль, сэр. Я не знаю, что сказать. Я понятия не имела, что он собирается спросить вас об этом.

Мой отец подошел к раковине, где я отмывала посуду, прежде чем положить ее в посудомоечную машину, и посмотрел на мои руки. Они никогда не переставали двигаться, никогда не переставали работать.

— Ты выполняешь так много работы по дому, и я не хочу, чтобы было иначе, — сказал он. — Это кажется неправильным. Ты — моя дочь, не его.

— Да, сэр, — сказала я.

Я была его дочерью. По крайней мере, на словах.

— Проклятье, мне нужно подумать об этом, — сказал он. — Ты хочешь переехать туда жить? С ним?

— Я не знаю, сэр, — ответила я.

— Дерьмо, ты не знаешь, ты никогда ничего не знаешь, — произнес он. — Я даже не знаю, нахрена спрашиваю твое мнение.

Конечно, я не знала, что ответить. Не знала, была ли хоть какая-то вероятность того, что бы он отпустил меня к Зверю, если бы я сказала, что хотела этого.

— Он даже задал мне несколько вопросов о твоих сестрах, могли бы они навещать тебя там, — сказал он. — Ты же не рассказала ему о нашей сделке, не так ли? Помнишь, что случилось, когда ты поступила необдуманно, да? Тебе это не понравилось, но офицеру Пирсону очень даже.

Ох.

Это было то, чего я ожидала.

Отец сжал мою руку, больно впившись ногтями в кожу, пока я задыхалась и дрожала. Угрозы и реальная боль.

— Нет, сэр, — сказала я.

— Ты уверена? — спросил он и встряхнул меня.

— Да, сэр, — произнесла я. — Я много рассказываю о них, потому что очень люблю. Может, он просто заметил это?

— Он трахает тебя? — спросил мой отец, и слова прозвучали грубо и резко.

Я покачала головой.

Он еще сильнее вцепился ногтями в мягкую кожу моей руки и снова встряхнул меня.

— Отвечай, как положено.

— Нет, сэр, — сказала я. Мой голос задрожал, и я постаралась не заплакать.

— Ага, — сказал он. — И он по-прежнему хочет, чтобы ты переехала к нему? А так же он, на самом деле, беспокоится о твоих сестрах? Могу поспорить, я знаю, почему.

Мне стало плохо.

Это не приходило мне в голову. Мне казалось, что он на такое не способен. Неужели, Зверь хотел, чтобы на моем месте оказались мои сестры и поэтому был ко мне добр, чтобы таким образом добраться до них через меня.

— Вы рассказали ему о них, сэр? — спросила я.

— Нет, но это сделала ты, — сказал он. — Я не говорю людям о них, потому что соблюдаю наше чертово соглашение, поняла?

— Да, сэр, спасибо, сэр, — сказала я.

Это было... странным. Зверь был хорошим и до того, как я рассказала ему о них. Я не помнила точную дату, когда начала говорить о девочках, но это точно произошло не в первые несколько недель. Это было хорошим знаком, не так ли? Это же означало, что он был просто хорошим парнем?

Просто хорошим парнем.

Правильно.

Я не встречала ни одного из них раньше. Почему бы ему не быть тем самым?

— Я до сих пор не понимаю, — рассуждал вслух мой отец. — По-моему, его план — отстой. Ты будешь возвращаться обратно в город, когда Кэнди будет привозить девочек? Ему придется одалживать тебе автомобиль, который ты сможешь водить, бл*дь. Это чертовски глупо, ты же сможешь уехать куда-нибудь. Я сказал ему об этом, а он ответил, что не думает, что ты сбежишь. Ха! Возможно, он собирается заключить с тобой свою собственную сделку.

— Возможно, сэр.

Если бы мой папаша подумал, что от этого я стану еще более несчастной, то, возможно, он позволил бы мне переехать. Но, конечно, ему не понравилась мысль, что в моем распоряжении будет машина.

Это было не очень хорошо.

Я не осознавала, как отчаянно хотела жить со Зверем, пока не увидела, каким зыбким был шанс осуществить это. И дело было не только в том, что мне удалось бы сбежать от папаша, ведь я отчетливо поняла, что хотела бы проводить больше времени со Зверем. Он был добр ко мне, и мне нравилось разговаривать, готовить и играть с ним в глупые видеоигры.

Возможно, я влюблялась в него.

— Ладно, у меня есть идея, — внезапно сказал мой отец.

Он отпустил мою руку и улыбнулся.

Это было плохо.

Он выяснил еще один способ, как причинить мне боль.

— Тебе нравится Зверь?

— Да, сэр, — призналась я.

— Я позволю тебе пожить с ним некоторое время, но... ты сможешь приезжать только тогда, когда здесь будут девочки. Ты же знаешь, что можешь мне доверять, так что я позабочусь о них, как умею, но я чувствую, будто что-то пошло не так, так что тебе придется решить для себя... хочешь ли ты проводить больше времени со своим другом Зверем или потратить его на своих сестер?

Я открыл рот, чтобы сказать: «Нет, сэр» или «Ни за что», но не смогла разлепить свои губы.

Я сглотнула.

— Придется выбирать, — сказал он с огромной улыбкой на лице.

Он вытащил пакетик с розовым метамфетамином из кармана и начал искать свою зажигалку.

— Прямо сейчас? — спросила я.

— Прямо сейчас.

— А ты обещаешь, что скажешь мне, когда они соберутся приехать? — спросил я. Может быть, это было глупо, но я доверяла его обещаниям. Только однажды он нарушил свое обещание, но никто, даже я, не мог обвинить его в этом. После этого он стал намного более осторожным с обещаниями.

— Я торжественно клянусь, — сказал он, положив руку на сердце, пока продолжал ухмыляться.

— Тогда я поеду к Зверю, — сказала я. — Спасибо, сэр.

Я не ожидала удара. Он ударил меня по лицу так сильно, что зазвенело в ушах.

— Иди, собирай свое дерьмо, у тебя есть десять минут, чтобы убраться из моего дома, неблагодарная шлюха.

— Да, сэр, — сказала я.

Я побежала вверх по лестнице и начала запихивать в свою сумку одежду. После того, как я забрала несколько особо ценных для себя вещей, то сосредоточилась на количестве. Я старалась собрать как можно больше одежды, книг и тетрадей. Ровно столько, сколько была в состоянии унести.

Я подумала о том, чтобы подняться на чердак и забрать некоторые из вещей оттуда, но знала, что у меня не осталось на это времени — и, кроме того, я еще не достаточно хорошо знала Зверя. Возможно, у него дома они бы исчезли или оказались испорчены. Пока не было смысла раскрывать свой тайник. В конце концов, я должна была вернуться сюда, чтобы навестить своих сестер.

Или нет?

Глава 6

Девять минут и тридцать секунд спустя, я уже сидела на бордюре возле дома моего отца. Я написала Зверю, что папаша меня выгнал, и он ответил, что будет там через пятнадцать минут. Ему потребовалось бы немного больше времени, чтобы добраться до города от хижины, так что, должно быть, он был неподалеку.

Я задавалась вопросом, почему.

Он подъехал и выскочил из автомобиля, даже не заглушив двигатель, а затем схватил мою тяжелую сумку в одну руку и протянул мне вторую.

Я протянула свою в ответ.

Его прикосновение на моей коже ощущалось сильным и теплым, отчего вниз по позвоночнику пробежала приятная дрожь.

Зверь посмотрел мне в лицо и нахмурился. Я подумала, что он мог увидеть отметину в том месте, куда пришелся удар отца, или был просто разочарован от того, что теперь я буду жить с ним. Возможно, он просто передумал защищать меня от такого человека, как мой отец.

Он положил в багажник мою сумку, пока я обходила машину по кругу, чтобы аккуратно сесть рядом с ним.

— Давай выбираться отсюда, пока он под кайфом и не решил прострелить нам шины, — сказал Зверь и отъехал от дома так быстро, что его шины завизжали в знак протеста.

— Хороший план, — сказал я. — Вероятно, он не сделает этого здесь, но может захотеть последовать за нами.

— Дерьмо, — выругался Зверь. — Давай тогда не поедem прямиком в хижину, ладно? Попробуем просто убить немного времени. Ты уже обедала?

— Нет, сэр.

— Ты НЕ должна называть меня «сэр», — произнес он. — Никогда.

— Хорошо, Зверь.

— Ты уже обедала?

— Нет, — ответила я.

— Давай остановимся куда-нибудь. У меня есть немного наличных. Где бы ты хотела пообедать?

— Мексиканская кухня? Возможно?

— Конечно, есть место, куда ты обычно ходишь со своим отцом? — спросил он. — Если оно есть, то мы должны держаться подальше.

Я рассмеялась вслух.

— Ты действительно думаешь, что он водит меня хоть в какие-либо места? Я вспомнила о мексиканской кухне, потому что ходила туда с мамой и несколько раз с одноклассниками.

— Ладно, значит, он не поймет, где тебя искать. Очень хорошо. В конце концов, он успокоится и вспомнит, что я, черт возьми, плачу ему, и вряд ли твой отец захочет потерять деньги, но если это случится, я сам поговорю с ним, договорились?

— Хорошо, — сказала я, ни на минуту ему не поверив.

Никто не стал бы делать что-то подобное ради меня.

Без вариантов.

Этого не случится.

Как правило, я не думала о Звере как о параноике, но мы проехали мимо двух мексиканских закусочных, которые, как по мне, выглядели хорошо, и свернули на шоссе 221, чтобы вместо них добраться до ближайшего городка.

Если он слишком сильно боялся моего отца, то, возможно, все это было ошибкой.

— Зверь, ты не хочешь просто вернуться обратно? — спросил я, когда мы добрались до соседнего города.

— Именно здесь расположен хороший небольшой ресторанчик, — сказал он. — Ты все еще хочешь мексиканскую кухню?

Я медленно кивнула. Все еще не совсем уверенная в том, что происходило.

Я не была в ресторане годами, за исключением нескольких раз, когда отец позволял мне поехать вместе с Кэнди и девочками, которых он приглашал в подобные места. Он всегда водил нас по вторникам к Руби, в ресторан под названием «Чили».

Никогда я не была в других местах, обычно только в тех, которые находились рядом с домом, или в забегаловках типа «МакДональдса».

Пока мы сидели за нашим столиком, Зверь заметил, как я осматривала все вокруг и улыбнулся.

— Все будет лучше, чем выглядит, я обещаю. Просто потому, что они ничего не смыслят в дизайне, не значит, что они не умеют готовить. Клянусь.

Его редкая улыбка была заразной, и тут я поняла, что начала застенчиво улыбаться Зверю в ответ.

— Хотела бы я попробовать.

— Попробуешь, — сказал он. — Заказывай, что хочешь. Без проблем. Я угощаю.

— Все, что угодно, на твой вкус, — увильнула я.

— Табита? Что происходит?

Я могла почувствовать, как мое лицо начал заливать румянец, пока я избегала его взгляда.

— Я, эм, довольно давно не была нигде, кроме «Тако Белл». Они, в основном, специализируются на бурито, ты в курсе? Я даже не могу прочитать половину блюд из меню, — произнесла я, пока все еще сжимала в руках меню. Оно было преимущественно на испанском, с несколькими фразами, написанными по-английски, что все равно ничего для меня не значило. «Фаршированные перцы, запеченные в кляре по бабушкиному рецепту».

У него засияло лицо.

— Ох, женщина, это не имеет большого значения. Я могу научить тебя, ладно? Вот, взгляни на эту страницу вместе со мной.

Он рассказывал мне, что означали те или иные названия, и я, наконец, решилась заказать грибную «Кесадилю» с гуакамоле, рисом и бобами на гарнир.

Поинтереснее на вкус, чем блюда, которые я заказывала в «Тако Белл», но не такие устрашающие по названию, как «Фахитас» или «Фаршированные перцы».

Зверь заказал на обед блюдо, которое, как он сказал, в переводе звучало: «Олд клофс», и по факту являлось вкусной томленной говядиной, и что-то, что называлось «Севиче» на закуску для нас обоих. Я открыла рот, чтобы повторить названия, которые произносил он, после того, как ушла официантка.

Когда она принесла пару ложек, Зверь протянул одну из них мне.

— Это суп из рыбы, — сказал он, — за исключением того, что он приготовлен не на огне. Он заправлен соком лайма. Суп настолько кислый, насколько это позволяет рецепт, но невероятно вкусный и нежный.

— Ага, — сказал я, пока все еще рассматривала тарелку. Ложка была у меня в руке, но я не сделала ни одного движения, чтобы съесть рыбу. Рецепт или нет, но это выглядело как куча сырой рыбы в суповой тарелке.

Он захихнул ложку в рот и прикрыл глаза, издав почти непристойный звук, будто бы от удовольствия.

— О Боже, это так вкусно, — сказал он. — Ты уверена, что не хочешь попробовать?

— Я не большая поклонница рыбы, — призналась я. — Я имею в виду, что не против когда она приготовлена, но... суши? «Севиче»? Все это кажется, сумасшествием.

— Ох, хорошо. Мне больше достанется.

Он воспринял все с таким весельем, такой небрежностью. Даже не расстроился, что ему пришлось потратить на меня время и деньги.

Если мне придется с ним жить, то, возможно, я могла бы спросить...

— Откуда у тебя деньги? Ты работаешь? — спросила я.

— Эм, не совсем, — сказал он, потеряв затылок. — Мой отец погиб на задании, понимаешь? Так что нам не пришлось беспокоиться о выплатах пенсии ветерана войны, и

моя мама потратила ее на то, чтобы выкупить хижину. А затем, со мной произошел... несчастный случай, и я оказался нетрудоспособным на протяжении нескольких лет. Это не проблема, если у тебя нет ипотеки или машины, взятой в кредит, то все в порядке. Моя мать не позволила бы мне жить на одну пенсию, так что она инвестировала все деньги. Иногда я подрабатываю у приятеля в автомастерской, ремонтируя автомобили. У меня не много денег, но мне хватает. На данный момент.

— Звучит... — я замялась.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Звучало так, будто чтобы получить деньги, ему пришлось убить собственного отца и сжечь тело.

Я не могла сказать, что он везунчик.

— Это — палка о двух концах, — сказал он. — Я имею в виду, со мной произошли дерьмовые вещи, но мне посчастливилось извлечь из них некоторую пользу, что удастся не всем, понимаешь?

— Где твоя мама? — спросила я.

— Она тоже умерла, когда мне было девятнадцать, — сказал он. — Так, это было пять... нет, шесть лет назад.

— Я думала тебе...

— Двадцать пять, — уточнил он. — И хотя, последние несколько лет я провел скрываясь в лесу, я не чувствую себя старым, понимаешь?

Я пожала плечами.

— Я совершил много глупостей, когда был моложе, — сказал он. — Вот почему я знаю таких дерьмовых людей, как твой отец. Я сам был таким же дерьмом.

Он замялся.

— Мне жаль, — сказал он. — Я должен был рассказать тебе об этом до того, как ты переедешь ко мне, просто я не ожидал, что он тебя вышвырнет. Я думал рассказать тебе обо всем при более удобном случае, понимаешь?

— Ты изготавливал метамфетамин, — поняла я.

Он молча смотрел на меня.

— Все это многое объясняет. Зная своего отца, плюс ужасные ожоги и чувство вины. А потом, пару недель назад я спросила, можешь ли ты готовить, и ты поморщился. Ты умеешь готовить, и тебе... действительно не повезло.

— Да, — сказал он. — Я варил мет. И это правда было самым плохим выбором, который я мог сделать. Я не должен был даже задумываться когда-либо об этом, но я был глуп и искал легкие деньги.

— Ты жалеешь? — спросила я.

— Да, — сказал он. — Это действительно того не стоило. Я бы вернул каждый пенни, за возможность смотреть на себя в зеркало.

Я понятия не имела, что ответить на столь откровенное признание.

Он не любил смотреть на себя в зеркало?

Это не то, что я ожидала услышать от парня, особенно такого, который имел тело, как у Зверя.

— Ты спятил? — спросила я. — Тебе до потолка не хватает пяти или шести дюймов, и у тебя красивые волосы. Ты выглядишь не так плохо, как думаешь, понятно?

Он медленно и тепло улыбнулся мне, а его глаза наполнились светом.

— Мне нравится, как ты смотришь на меня, — сказал он.

Я не знала, что можно ответить на такое.

— Завтра, мне нужно заехать в администрацию. Перед занятиями. Это нормально?

— Конечно, ты можешь взять машину. Подожди, ты же умеешь водить, верно?

Я поморщилась.

— Ну, типа, если есть педали газа и тормоза? У меня есть водительское удостоверение, но я ездила не больше двух или трех раз с тех пор, как получила его.

— Ладно, хорошо, я научу тебя водить. Не похоже, будто я занят под завязку, верно? А так же я отвезу тебя в кампус. Просто разбуди меня с утра на завтрак, когда нам надо будет выезжать.

Когда я примирилась с проживанием и полным рабочим днем у Зверя, то решила, что меньшее, что я могла бы делать, — это готовить и убирать. Моей целью стало, чтобы по утрам на столе всегда уже был готов завтрак, перед тем, как он выйдет из душа, а в шесть там же находился ужин, и я была очень хороша в этом.

Высокоскоростной интернет, который он оплачивал, чтобы играть в игры, очень помогал мне с учебой, поэтому у меня было много свободного времени.

Я даже снова начала переписываться с некоторыми старыми друзьями, и к моему удивлению они были рады со мной пообщаться и были готовы принять в свою компанию. Один из них даже пригласил меня встретиться.

Я не понимала. Мне казалось, что даже сказать «привет» было довольно сложно.

В этом месяце прогресса было предостаточно.

Оставшуюся часть учебного семестра мы были наедине со Зверем, и моя жизнь казалась бы мне удивительной, если бы не два вопроса, которые не давали мне покоя.

Первый, будет ли у меня хоть малейшая возможность повидаться с сестрами.

И второй, перестанет ли Зверь каждый вечер перед сном, находить меня и спрашивать:

— Табита? Ты сможешь дать показания против своего отца?

Глава 7

После целого месяца круглосуточного проживания со Зверем, я была так счастлива, как никогда в своей жизни. У меня было много свободного времени, поэтому я подтянула свои оценки до «А» по каждому предмету, даже по математике. Я убирала дом Зверя и помогала ему с работой во дворе, но это занимало только несколько часов в день и позволяло содержать все в практически стерильной чистоте.

Это было хорошо.

У меня было время играть в видеоигры. Зверь создал для меня мой собственный аккаунт на своей игровой консоли и порекомендовал, с чего начать. Я прошла игру «Век Дракона» за три дня, а потом начала ее сначала. Всякий раз, когда я переживала, что забирала у него телевизор, Зверь смеялся и говорил мне не беспокоиться об этом, пока валялся на диване со своим ноутбуком, играя в свои собственные видеоигры или просто, как он выражался, «убивал» время в интернете.

Я начала отдыхать больше, чем после того... ну, после того, как умерла моя мама, когда я была ребенком.

Она защищала меня от моего отца, а теперь у меня для этого был Зверь.

Я просыпалась отдохнувшей и посвежевшей, и... я смеялась.

Я думала, что в действительности не смеялась с тех пор, как была маленькой, но теперь

я каждый день как дурочка лыбилась и хихикала словно ребенок.

Возможно, это было то, кем я и являлась. Моя мама все время смеялась, но она не была ребенком.

Возможно, было даже неплохо иметь чувство юмора.

Зверю оно определенно нравилось. Он смеялся со мной каждый раз, даже если до этого выглядел мрачным или огорченным.

Это заставляло меня захотеть искать любую причину для веселья, потому что я знала, что могла бы его подбодрить.

Но как только я расслаблялась, начинались сны.

Я просыпалась в поту два или три раза за ночь, пока все мышцы в моем теле замирали от ужаса.

Я лишь надеялась, что не кричала по ночам... или не ходила во сне. Это было бы катастрофой, если бы я закричала, и Зверь пришел бы в мою комнату.

Кэнди некоторое время была рассержена на моего отца и держала девочек как можно дальше от него.

От того, что я не могла их увидеть, у меня болело сердце, но... иногда я испытывала от этого что-то вроде облегчения. Я не должна была волноваться о том, как добраться из дома до города, о том, как сделать безупречным дом своего отца, а так же о том, как повесить балл своих работ для колледжа...

Это было облегчением.

Я ненавидела себя за подобные мысли. Я хотела быть со своими сестрами, но каждый раз, когда оказывалась с ними, то застревала между ними и их родителями, зная, что все, что я скажу или сделаю, может задеть их самолюбие или взбесить отца и Кэнди.

Даже когда я испортила ужин или выкопала не то растение в его саду, Зверь просто пожимал плечами и говорил, что не произошло ничего страшного.

Я могла напортачить, не получив пощечины, криков или ожогов.

Небольшая хижина Зверя начала все больше и больше казаться мне раем.

В одну из ночей, когда я была по самые локти погружена в мытье посуды и наблюдала, как за окном сумерки переходили в ночь, в хижину поспешно вошел Зверь. Он работал на своего приятеля и обычно уезжал два или три раза в неделю, оставляя меня одну в доме.

— Знаешь, у нас есть посудомоечная машина, — рассеянно произнес он.

Я открыла рот, чтобы напомнить ему, что была не против помыть посуду в ручную, но он уже заговорил снова.

— Ты можешь водить машину в темноте? — спросил он.

Я покачала головой.

— Извини, мои навыки становятся лучше... но мне нужно больше практиковаться.

Он вздохнул и провел рукой по своим волосам.

— Послушай, — произнес он. — Ко мне должны приехать люди, окей? Обычно они приезжают, когда ты на учебе, но они вынуждены приехать прямо сейчас, и уже слишком темно, чтобы отправить тебя на прогулку.

— Почему им нужно приехать прямо сейчас? — спросила я.

Я не знала, что, пока была на учебе, сюда приезжали какие-то люди. Это было интересно.

— Я не могу рассказать тебе, — нетерпеливо произнес он. — Я не могу рассказать тебе вообще ничего, ясно?

До этого момента он никогда не был груб со мной, и сейчас его слова ощущались хуже, чем пощечины, которыми награждал меня мой папаша.

— Не беспокойся обо мне, — сказала я. — Я просто спрячусь как маленькая мышка.

— Ты боишься темноты? — спросил Зверь.

— Нет, — солгала я.

— Ладно, хорошо. Пожалуйста, иди за мной.

Впервые за все это время он привел меня в свою комнату.

Я едва заглядывала внутрь из коридора, но никогда не переступала порог. Она была опрятной и чистой, я слышала, как Зверь каждый день делал в ней уборку, пока я убиралась в своей комнате.

В ней не было ничего, что могло бы охарактеризовать его как личность. Ни книг, ни семейных фотографий, вообще никаких напоминаний.

Зверь открыл дверь стенного шкафа, который располагался около входа в ванную комнату, и включил свет, потянув за длинную цепочку.

— Ты хочешь, чтобы я пряталась в твоём шкафу? — спросила я, зазвучав все более и более сварливо.

— Не... совсем, — сказал он, указав на пол.

— О, нет, — сказала я, наконец, заметив люк. — О, нет. У тебя есть секретный подвал? Я не спускаюсь в секретные подвалы.

— Это не секретный подвал, — произнес Зверь. — Я думал, ты знаешь, что в доме есть подвал. В него можно попасть через дверь в гараже.

— Я никогда не входила в твой гараж, — пожаловалась я. — Я не паркую машину и там нечего убирать. Зачем мне туда ходить? И если есть дверь в подвал, то почему ты хочешь, чтобы я спустилась в него здесь?

— Потому что я не хочу, чтобы ты входила в основную часть подвала.

Он потянул за крышку люка, и показалась небольшая лестница, по которой Зверь спустился вниз и жестом пригласил меня следовать за ним.

— Ладно, — сказал он. — Я не собираюсь закрывать люк, окей? И я покажу тебе другой выход. Я просто... просто пообещай мне, что не пойдешь смотреть, что там находится, хорошо?

— Я обещаю, — сказала я, и мой голос слегка задрожал.

Комната была на самом деле довольно комфортной. Старый диван, груды комиксов, фотографии из журналов с симпатичными девушками и быстрыми автомобилями, приклеенные скотчем к стенам, — все было так, как я думала, должна была выглядеть его спальня.

Видимо, все интересное и личное хранилось здесь.

Зверь сказал, что входная дверь подвала была не заперта, но опять же, он взял с меня обещание не трогать ее.

Он включил вытяжку, которая наделала тонну шума, и убежал, будучи похожим на домохозяйку, которая поняла, что забыла пирожки в духовке. Я подумывала подойти и выключить проклятую вещь, но затем поняла — он включил ее нарочно, чтобы я не смогла услышать того, что будет происходить наверху.

Мои подозрения подтвердились, когда он на полную мощность включил радио — это был шум между радиостанциями. Шум сверху, шум снизу. Черт побери, если бы он просто сказал мне, что мне нужно выйти из дома на некоторое время, и попросил посидеть в

машине и послушать музыку, я бы сделала это. Я бы даже пошла с Джесс. Она писала мне смс и предложила сходить в кино, как мы делали в школе.

Что угодно, только не это.

Зачем ему понадобилось заманивать меня сюда?

Подвальное помещение было чистым и светлым, по крайней мере, с несколькими лампами, верхним светом и вентилятором.

Потолок не был настолько низким и внушительным как в других подвалах, и не было никаких признаков противных пауков, которые бы только и дожидались меня.

В принципе, это место не было похоже на подвал моего отца. Меня и раньше запирали в подвалах, и здесь было... лучше.

Я не слышала звук закрытия люка, и когда, тихо передвигаясь, подошла проверить, то увидела, что Зверь действительно оставил его открытым. Страх и напряжение во мне ослабли. Он не запер меня здесь. Он не был таким плохим, как мой отец.

Конечно, в действительности это было чертовски слабой похвалой.

К тому времени, когда я услышала, как наверху хлопнула входная дверь, прошло уже минут пятнадцать, и мне стало невыносимо скучно. Мне нужно было чем-то заняться, но здесь не было ничего, что я могла бы сделать.

Конечно, кроме того, чтобы попытаться подслушать.

Я осторожно взяла стул и перенесла его как можно ближе к тому месту, где находилась гостиная, встала на него и наклонила голову к перекрытию между этажами.

Проклятье.

Я слышала голоса, но не могла разобрать их и не могла подобраться достаточно близко в этой маленькой части фундамента.

Я напряглась так сильно как могла, чтобы услышать разговор, но даже когда нашла стакан и поднесла его к потолку, то смогла разобрать только несколько слов.

Табита.

Деньги.

Отец.

Суд.

Мет.

Улики.

Зверь становился все громче и громче. Я никогда не слышала, чтобы он был в такой ярости. Мне даже не нужен был стакан, чтобы разобрать слово:

— Соглашение! — которое он выкрикнул.

Зазвучали сердитые шаги, и я не могла сказать принадлежали они Зверю или нет.

Без предупреждения они направились в мою сторону. Я едва успела слезть со стула и спрятать стакан, прежде чем Зверь спустился по узкой лестнице, чтобы найти меня.

— Да? — спросила я.

— Они хотят встретиться с тобой и не принимают чертово «нет» в ответ, — сказал он. Зверь провел рукой по своим волосам, а потом поднял взгляд и посмотрел мне в глаза. — Послушай. Эти люди не причинят тебе вреда, окей? Я знаю, что за дерьмо сотворил твой отец, и пойти и встретиться с незнакомыми людьми, вероятно, последнее, что ты хочешь сделать. Но. Они. Не. Станут. Причинять. Тебе. Боль. Я обещаю. Даже если они попробуют это сделать, я убью их. Пожалуйста, ты можешь подойти и познакомиться с ними?

Он делал глубокие вдохи и пытался оставаться спокойным. Я и не понимала, какой

широкой была у него грудь, пока он не задрожал от ярости, — этот мужчина был чертовски сексуальным. Вероятно, он мог бы убить их голыми руками.

И он никогда не был груб со мной.

Он мог бы сделать со мной все, что только захотел, и я никак не смогла бы ему помешать. Он был сильнее, быстрее и больше меня.

Но он ничего не делал.

Он заботился обо мне.

— Хорошо, — сказала я. А затем попробовала слегка улыбнуться. — Спуститься в подвал, покинуть подвал. Решаешь ты, не так ли?

Он ответил мне небольшой взволнованной улыбкой.

Я подошла к лестнице и начала подниматься вверх, Зверь следовал позади меня. Пространство было небольшим, и я могла ощущать тепло его тела, пока мужчина шел в нескольких шагах от меня.

Это стало шоком, когда я поняла, что хотела его. Мое тело отвечало ему, и не так, как всем тем наркоманам, которым мой отец позволял лапать меня, затаскивая в тихие уголки и темные комнаты...

— Подойти сюда, — приказал коротышка, но я приросла к месту.

— Она здесь, — прогрохотал Зверь позади меня. — Она не должна подходить ближе.

Незнакомец сделал глубокий вдох и выдох, и он... изменился. Он выпрямился и перестал возиться со своими ногтями.

— Пожалуйста, не могла бы ты подойди немного ближе, чтобы мы не кричали друг другу через всю комнату? — спросил он более спокойным, более дружелюбным голосом.

Перемена в голосе показалась мне... странной.

Я оглянулась через плечо на Зверя, он кивнул, и я сделала еще несколько шагов в комнату.

Тут был кое-кто еще — женщина, похоже, под кайфом, в рваной одежде и с зачесанными назад волосами. В основном, она выглядела уставшей, но... что-то было в глубине ее глаз. Что-то подсказывало мне, что она не так глупа, как мне сначала показалось.

— Привет, — сказала она.

— Привет, — сказала я и помахала им рукой.

— Зверь выполняет кое-какую работу для того, на кого работаем мы, — сказал мужчина. — Он не должен позволять кому-либо проводить здесь много времени, так что наш общий босс был очень недоволен, когда узнал, что ты, черт возьми, переехала сюда.

— Это мой дом, мой бизнес, — сказал Зверь. — Она никогда не была в подвале. Я держу его запертым.

Незнакомцы посмотрели на меня.

— Просто потому, что ты трахаешь... — начала женщина.

— Мы не делаем этого, — сказал Зверь. — У нее есть своя комната, она здесь, чтобы убираться.

Они обменялись взглядами, что само по себе выглядело странно.

— Из всех проклятых девиц города, почему ты должен был выбрать именно его дочь? — со вздохом спросил мужчина. — Ты хочешь, чтобы нас всех убили?

Он посмотрел мне в глаза, и я почувствовала себя придавленной его взглядом.

— Послушай, детка. Ты доверяешь своему отцу? — спросил он.

Я слегка покачала головой.

Я боялась сказать «нет», а вдруг бы это дошло до него?

— Ну, она не конченная тупица, — со вздохом произнесла женщина.

— Если ты втянешь в это своего отца и встанешь на пути у нашей прибыли, то очень разозлишь нас. Поняла? — спросил мужчина.

Я кивнула.

— Что ты скажешь своему отцу обо всем увиденном здесь? — допытывался он.

— Ничего, — сказала я. — Послушайте, даже если бы я выяснила, какого черта вы тут делаете, и все ему рассказала, он не стал бы меня слушать, понятно? Просто это... не то, что ему от меня нужно.

— Тем лучше для тебя, — сказал он. — Ладно, я услышал достаточно. Зверь, мы вернемся в четверг, и лучше бы ей не быть в доме в это время. Не в подвале.

— Будет сделано, босс, — крайне саркастично произнес Зверь.

Оба незнакомца смерили его тяжелым взглядом, а потом повернулись и пошли на выход. Мужчина позволил женщине выйти первой, а потом он обернулся ко мне.

— Если он снова попытается это проверить, сваливай отсюда нахер, — сказал он, тыча пальцем в Зверя. — Под кайфом он перестанет тебе нравиться.

Я пожала плечами и отвернулась, так и не взглянув на него.

Куда еще я могла пойти?

Зверь пересек комнату и хлопнул за ними дверь.

— Х*есосы, — пробормотал он. — Собираются размахивать своими членами, чтобы убедиться, что я не перегну палку.

Он повернулся ко мне, и его взгляд наполнился сожалением.

— Мне очень жаль, Табита, — сказал Зверь. — Seriously, я ни за что не должен был просить тебя ждать меня там. Я не хотел, чтобы ты с ними встретишься, и запаниковал.

— Я понимаю, — прошептала я.

Я развернулась на пятках и пошла обратно в свою комнату без него. Прямо сейчас, я не хотела его видеть.

Он запихнул меня в подвал, а затем потащил наверх, чтобы позволить кому-то посмотреть на меня, будто я была куском мяса.

То же самое делал со мной отец, когда был моим сутенером. Запирал меня в моей комнате на несколько минут или часов, чтобы я не могла сбежать или спрятаться куда-нибудь, откуда я не могла вырваться, а потом вдруг появлялся и вытаскивал меня, чтобы «встретить» кого-нибудь.

У*бок.

Этим вечером я не хотела смотреть на Зверя, но я спустилась к ужину, когда почувствовала запах приготовленной еды.

Ни один из нас не произнес ни слова.

Я вернулась в свою крошечную комнату и читала любовный роман, пока глаза не закрылись от усталости, и я не уснула поверх покрывала.

Этой ночью мне опять приснился сон.

Это был один и тот же сон, который повторялся на протяжении многих лет.

Я шла по длинному коридору. Когда я посмотрела вниз на свои ноги, то они были обуты в маленькие розовые кеды. Я была такого же возраста, как и в последнем сне, который мне приснился.

Я продолжала двигаться, потому что было темно, а позади себя я слышала голос своего

отца, который шептал мне ужасные вещи, когда рассказывал, что произойдет, если я перестану идти.

Я слишком быстро дошла до двери в конце коридора, которая была слегка приоткрыта.

Я протянула руку — маленькую, белую, без ожога, без единого шрама — и распахнула дверь. Там не было ничего, кроме наркомана, которого я видела чуть раньше в тот день, и который теперь с ухмылкой расстегивал ремень на брюках.

Я проснулась от собственного крика.

Я быстро заснула снова, и мне приснился совсем другой сон. В нем я видела Зверя, который поглаживал меня по волосам, успокаивал и укутывал в стеганое одеяло. Он говорил мне, что я была его Красавицей и что теперь все будет хорошо.

После этого сновидения я проспала до утра.

Глава 8

На следующее утро я была уставшей и нервной, но всякий раз, когда меня начинала охватывать сильная дрожь, я делала глубокий вдох и вспоминала свой второй сон, в котором кто-то обо мне заботился и утешал.

Даже если это был просто сон, я держалась за него.

Я передвигалась тихо, пока готовила на завтрак горячие булочки, потому что дверь в комнату Зверя по-прежнему была закрыта. Когда я достала их из духовки, то оставила на кухонном столе, предварительно накрыв полотенцем, чтобы они оставались теплыми, а потом захватила парочку с собой в комнату, решив позавтракать, пока занимаюсь уроками.

Я слышала, как чуть позже проснулся Зверь, но он не произнес ни слова и так и не вышел из своей комнаты.

Когда наступило время ужина, я уже сделала сто пятьдесят карточек по биологии.

И я не могла заставить себя продолжать просматривать их.

Слишком устала.

Я прибывала в полной уверенности, что успешно справлюсь со следующим тестом. То есть, как-нибудь да справлюсь.

Зверь постучал в дверь моей комнаты около пяти часов вечера.

— Табита? — позвал он. — Не хочешь сходить поужинать?

Я рассеянно пригладила волосы и открыла дверь.

— Ладно, — ответила я.

На этот раз это был не мексиканский ресторан, впервые в своей жизни я попала в ресторан индийской кухни. Я не была готова попробовать ягненка, которого он заказал, но моя вполне обычная курица карри оказалась очень вкусной. Зверь сказал, что когда я почувствую себя готовой к экспериментам, мы сможем отправиться к шведскому столу и попробовать все.

Я предполагала, что пройдет немало времени, прежде чем я захочу попробовать что-то еще из индийской кухни.

Наше общение не было таким же легким, как во время нашего первого ужина. Я была обижена и зла, и было трудно придумать что-то, что я могла бы сказать ему, и это не прозвучало бы грубо или резко. Зверь же выглядел виноватым и грустным.

«Должно быть, он смущен», — подумала я. Люди, которые ошивались вокруг него, не сулили ничего хорошего.

Зверь откашлялся.

— Табита? — вопросительно произнес он. — У меня к тебе есть серьезный разговор. Нам нужно кое-что обсудить.

— Да?

— Это не справедливо — отправлять тебя в подвал каждый раз, но ты часто занимаешься дома, и ты сказала, что в следующем семестре, в основном, будешь учиться дистанционно... а мне нужны эти люди.

— И?

— И я хочу, чтобы ты уходила из дома, когда я работаю с ними. Это небезопасно для тебя. Это не те люди, с которыми я хочу, чтобы ты встречалась. Я буду в порядке в одиночку, но... если ты будешь там присутствовать... ну, это все усложнит.

— Верно.

— Так что, мне будет нужно, чтобы ты спускалась в подвал или отправлялась на прогулку, хорошо? — спросил мужчина. — Я постараюсь убедиться, чтобы у тебя всегда была возможность воспользоваться машиной, но я действительно не хочу, чтобы ты встретила с ними на дороге, поэтому, если мне не сообщат об их прибытии заранее, я буду вынужден попросить тебя спуститься в подвал или уйти в гараж, ладно?

— Ладно, — сказала я.

— Мне жаль, — произнес Зверь.

Он выглядел несчастным, его лицо исказилось, и он сжал салфетку в руке.

— Все в порядке, — заверила я его.

Так и было. На самом деле, это было не хуже того, чего я ожидала.

На какое-то мгновение я подумала, что, возможно, Зверь не был похож на моего отца, что он на самом деле заботился обо мне и мог защитить от всего. То, что мужчина вел неправильный образ жизни, еще не доказывало, что он был плохим человеком. Но мне необходимо продолжать быть осторожной.

— Ничего не изменилось, — сказал я. Казалось, он ждал моего ответа, чтобы получить возможность высказать свое мнение или что-то вроде того.

— Мы оба знаем, что это неправда, — сказал он со вздохом. — Хотел бы я, чтобы все было иначе. Спасибо.

Я держала рот на замке и елозила по тарелке последним куском курицы.

Это звучало слишком хорошо для правды.

В середине октября я наконец-то увиделась с Кристал и Карлой без отца. Пару раз я наспех пересекалась с ними за обедом, на котором присутствовали Кэнди и мой отец, и куда привозил меня Зверь, но у меня ушло несколько месяцев на то, чтобы встретиться с ними «один на один». Девочки были взволнованы предстоящим Хэллоуином. Я не могла сказать им буду ли я там, чтобы взять их с собой выпрашивать сладости, и мне было ненавистно разочарование, которое было написано на их личиках.

Я должна была знать, что мой отец найдет еще один способ, которым сможет наказать меня.

Если бы Кэнди не рассматривала вариант о возвращении к нему, то, скорее всего, я бы не получила возможность побыть с ними до самого лета, но папаша сказал мне приехать к нему домой и присмотреть за девочками вечером, пока он и Кэнди будут на свидании.

На свидании.

Серьезно?!

Вероятно, они собрались просто поехать к ней, чтобы ширнуться или потрахаться, пока

рядом не будет детей.

Когда их родители ушли, что заняло около полутора минут, я ждала, что девчонки бросятся мне на шею и начнут обнимать меня, но они просто пошли в комнату.

— Мы можем посмотреть мультик про принцессу? — спросила Карла.

— Разве вы не хотите просто немного потусоваться? — спросила я. — Мы могли бы испечь печенье или что-то другое. С розовой глазурью.

— Ладно, — ответила Кристал. — Конечно.

Она выглядела такой же веселой и убедительной, как и я, когда говорила Зверю, что все в порядке.

Я села на диван.

Карла заскользила тапками по ковру и отвернулась от меня.

Кристал откинула волосы за плечи и сердито посмотрела на меня.

— Похоже, что вы злитесь на меня, — сказала я. — Что случилось? Что я сделала?

— Ты больше не хочешь проводить с нами выходные, — сказал Карла. — Это несправедливо. Ты говорила, что всегда будешь играть с нами и заботиться о нас, но ты...

— Ты исчезла, — произнесла старшая из девочек. — Пуф.

Она сидела на другом краю дивана, так далеко от меня, как могла, пока все еще избегала смотреть мне в глаза.

— Я не исчезла, — возмутилась я. — Не исчезла. Я просто провожу много времени в колледже.

— Ты проводишь время со своим парнем, — сказал Карла. — Мамочка говорит, что это хорошо, что ты наконец-то ведешь себя как нормальная девушка, и мы должны понять, что ты не всегда будешь рядом. Она сказала, что у тебя есть мужчина, который заботится о тебе, и он не хочет, чтобы вокруг тебя крутились чужие дети. Она сказала, что ждала этого долгие годы и не хочет, чтобы мы расстраивались.

— Карла, нет! — возмутилась я. — У меня нет бойфренда, и даже если бы был, то я не стала бы встречаться с тем, кто не захотел бы проводить время с вами.

— Тогда почему он не здесь? — с вызовом спросила Кристал.

— Он не ладит с отцом, — сказала я. — Ты же знаешь, что Кэнди тоже иногда злится на папу и не хочет быть рядом с ним. Но это не значит, что кто-то не хочет видеть тебя.

— Ты не хочешь, — сказала Карла.

У нее задрожал подбородок.

— Милая, — произнесла я. — Я так сильно люблю тебя. Вас обеих. Я всегда хочу быть с вами. Мне становится так грустно, когда я не вижу вас, девочки. Клянусь.

— Почему тогда ты не приезжала в выходные? — спросила она. — Папа и Карла сказали, что ты слишком занята, чтобы навещать нас, и согласилась сходить пообедать, потому что это не займет много времени.

— Я вообще не знала, что вы приезжаете сюда в выходные, — беспомощно сказала я.

— Разумеется. Потому что тебя это больше не заботит, — сказала Кристал.

— Нет, потому что все стало сложно, — произнесла я.

Было ясно, что ни одна из девочек мне не поверила. Это было сложно для них. Они не были теми, у кого что-то изменилось, ведь их родители продолжали жить в своем привычном ритме.

Я была единственной у кого что-то изменилось.

Как я могла объяснить им, что была трусихой и отказалась от времени, которое могла

провести с ними, чтобы защитить себя?

Они имели право быть несправедливыми ко мне, раз я так поступила.

Они не должны были узнать, что папочка, которого они так любили, был тем самым отцом, который превратил мою жизнь в ад.

Я должна была вести себя как взрослая.

— Вот что я вам скажу, — произнесла я. — Я постараюсь приезжать сюда как можно чаще, ладно? А теперь, давайте испечем печенье. Я знаю, что это не исправит все, и вы можете продолжать злиться на меня и дальше, но гораздо приятнее злиться с печеньем, чем без него, верно?

Карла улыбнулась, и даже Кристал хоть и неуверенно, но кивнула.

— Ладно, — сказала она. — Но я хочу замешивать тесто.

Через час они забыли, чтобы были рассерженными и злыми, и обе сидели у меня на коленях на диване, пока рядом с нами стояла тарелка с печеньем, и смотрели уже десятую по счету серию мультфильма о принцессе.

Я слышала низкий рев двигателя фургона своего отца и приложила все усилия, чтобы не рвануть прочь и не расстроить девочек.

Они не должны были подумать, что я не хотела их обнимать, иначе бы испортила все, что смогла исправить приготовлением печенья, и было бы как никогда сложно заставить их снова доверять мне.

— Кажется, Кэнди и папа вернулись, — сказала я и попыталась сохранить свой голос спокойным.

— Вот, блин, — сказала Кристал, — мама заставит нас выбросить печенье, чтобы мы не растолстели.

Пока они не могли этого увидеть, я сжала губы в тонкую линию. Кэнди была отвратительна, когда рассказывала девочкам о полноте, как мерзко быть толстым и что они никогда, никогда не должны поправляться... Это будет долбаным чудом, если девочки смогут пройти через подростковый период и не возненавидят себя.

— Вы готовы идти или хотите заняться чем-нибудь еще? — спросила я.

Карла покачала головой и прижалась сильнее, подарив мне крепкое объятие, которое заставило меня почувствовать себя такой непобедимой, что я могла бы пройти по Луне.

Кристал на минутку прижалась головой к моему плечу, а потом отстранилась, выглядя смущенной.

Когда дверь открылась, Кэнди буквально ввалилась в дом.

Девочки побежали к ней с криками: «Мамочка, мамочка!» и обняли ее за ноги.

Они чуть не сбили ее с ног. Я попыталась сохранить спокойное выражение лица. Ничего не изменится, если Кэнди увидит, что я почти не думаю о ней, находясь рядом с девочками, когда она пусть и немного, но облажалась.

— Привет, Кэнди, — произнесла я и попыталась улыбнуться.

— Табита, ты все еще здесь, — сказала она.

Где еще я должна была быть? Как будто бы я оставила девочек одних, даже при том, что она сказала мне, что они были достаточно взрослыми, чтобы самостоятельно присмотреть друг за другом какое-то время.

— Рада тебя видеть, — сказала я, когда мой отец зашел в дом следом за ней, выглядя при этом слишком самодовольно, чтобы заговорить. — Я пропустила выходные с тобой и девочками, может, ты напишешь мне в следующий раз?

К моему удивлению, Кэнди на самом деле выглядела довольной.

— Конечно, так и сделаю, — сказала она, наклонилась к дочерям и чмокнула каждую из них в щеку, оставив след от помады. — Значит, ты не полностью погрузилась в отношения с тем парнем? Вспомнила, что у тебя есть семья?

Даже если она была слегка язвительной... она признала, что девочки — моя семья.

На моем лице расплылась искренняя улыбка.

— Да, я наконец-то закончила курсы. Я слишком много взяла их в этом семестре, но больше так делать не буду. Я прослежу, чтобы у меня хватало времени и на девочек, — произнесла я.

— Эй, колледж — это важно, — с широкой фальшивой улыбкой произнес мой отец. — Ты можешь снова оказаться очень занятой. Как знать? Кроме того, ты становишься женщиной, тебе нужно время для себя и своего убогого парня.

— Кстати, да, разве он не калека? — спросила Кэнди.

— Он... он — нет, — сказала я. Не было смысла отрицать, что он не являлся моим парнем. — Он не калека. У него просто есть несколько шрамов.

Я опустила на колени и посмотрела на девочек.

— У моего друга Зверя есть несколько шрамов на лице, и они могут показаться вам немного жуткими, — произнесла я. — А также он очень, очень крупный парень. Хотя, на самом деле, он весьма милый, понимаете? Вы не должны его бояться.

Они обе кивнули.

Я оглянулась на взрослых.

— Видите? Не такое уж большое дело, — сказал я. — Может быть, я привезу его через несколько недель.

— Конечно, — сказала Кэнди, и ее глаза заблестели. — Скажи ему, чтобы приходил со всеми своими милыми розовыми шрамами, договорились?

— Эм, конечно, — ответила я.

Когда он забрал меня на обратном пути, наша поездка проходила в тишине. Я слишком много думала об этом.

Его милые розовые шрамы.

Секретный подвал.

Странные люди... люди, которые говорили мне, что он опасен.

Зверь все еще варил мет. Прямо подо мной. В одну из ночей что-то могло пойти не так, и я бы взорвалась вместе с остальной частью дома.

Бл*ть.

Я не была уверена, что было хуже: бояться взрыва в лаборатории или бояться засыпать в доме Зверя больше, чем в доме своего отца.

Глава 9

Мне до сих пор снились кошмары. Странные люди, длинные коридоры, мрачные голоса. Почти каждую ночь они еб*ли мне мозг и не давали спать почти до рассвета. У меня больше не было хороших снов, тех, в которых Зверь спасал или утешал меня.

Они прекратились так же быстро, как и начались.

Правда, иногда, в середине ночи, мне казалось, будто я снова слышала глубокий и ровный голос Зверя.

— Табита, ты сможешь дать показания против своего отца?

Наступила осень, за стенами хижины листья окрасились в золотой и красный.

Все больше и больше торчков появлялось на пороге Зверя.

Через некоторое время Зверь прекратил отправлять меня в подвал. Я сидела в своей спальне с задернутыми шторами, проем под закрытой дверью был заткнут полотенцем, пока прислушивалась к голосам — спорящим, взволнованным, сердитым. Громкие взрывы смеха, каждый из которых был наполнен энергией.

Как будто я была маленьким ребенком.

Зверь рассказал мне о метамфетамине, но заверил, что больше не изготавливал его, только поддерживал контакты, и это не должно было продлиться слишком долго. Он сказал, что должен был делать это, но не мог рассказать мне, почему. Подвал был тем местом, где мой сожитель все хранил. Он клялся и божился, что хоть и не раз изготавливал мет, но никогда не будет варить его снова.

Я прекратила задавать вопросы.

Я больше не хотела ответов.

Я просто попыталась выполнять еще больше домашних заданий для своих курсов и содержать дом в чистоте, стараясь проводить так мало времени со Зверем, как только могла себе позволить.

Наши ужины были короткими и тихими. Мы ели завтрак и ланч в разное время. Я прекратила соглашаться, когда он просил меня присоединиться поиграть с ним в видеоигры или посмотреть фильм.

И я оказалась весьма потрясена, когда поняла, что скучала по нему.

Я думала о широких плечах Зверя, когда мыла посуду, ведь мне не хватало его яркой улыбки и того, как она освещала лицо мужчины, заставляя меня чувствовать себя так, будто я находилась в жарких лучах солнца, пока подметала полы.

Он находился в соседней комнате, но все ощущалось, словно мы были в тысячах миль друг от друга.

Это было невыносимо и смешно: видеть его так близко и все же находиться так далеко, так невероятно далеко.

Были моменты, когда у меня сдавали нервы, и я хотела присоединиться к нему на диване, попросить одолжить игровую приставку, чтобы иметь возможность снова сыграть в «Скайрим», но понимала, что когда отчаявшиеся торчки в очередной раз постучат в дверь, то все вернется на круги своя.

По крайней мере, я виделась с девочками. Кэнди писала мне каждый раз, когда они собирались ехать к нашему отцу, и Зверь не жаловался, что ему приходилось бросать все дела, чтобы подвезти меня, даже если в машине мы продолжали молчать.

Я потратила два месяца на то, чтобы девочки снова начали бросаться в мои объятия, обнимать и говорить, что любят меня.

Моя жизнь была прекрасна.

Мои сестры любили меня.

Я взяла пять классов и получала только «А», так как у меня было много свободного времени на написание основных работ.

Я едва ли убирала что-то по дому.

Я не встречалась с отцом один на один с сентября.

У меня было тихое местечко в доме, которое мне нравилось.

Никто не бил меня и не пытался загнать в угол, как в тот раз, когда я осталась наедине со своим папашей.

Все было именно так, как я мечтала, — колледж, мои сестры и никакой боли, которую бы мне причиняли.

Тем не менее, как только я все получила, оказалось, что этого недостаточно. За те несколько коротких недель, которые я провела со Зверем, мне показалось, что мы могли бы стать больше, чем просто друзьями, что, возможно, он нравился мне, или может его нежная улыбка наталкивала меня на мысль, что я всегда могла на него рассчитывать.

А затем его дом снова превращался в гребаный притон для сходки торчков.

Даже когда все заканчивалось, я чувствовала, что не могла покинуть свою комнату, будто была принцессой со страниц одной из книг Карлы, которую заперли в башне, и она ждала кого-то, кто спасет ее.

За исключением того, что в ее книгах, как правило, принцесса в итоге спасала себя сама, и я не понимала, как можно было это сделать.

Мне не оставалось ничего, кроме как набраться терпения.

Первый шаг — получить диплом. Второй шаг — устроиться на работу. Третий шаг — снять квартиру. К тому моменту, когда я смогу накопить достаточно денег, чтобы получить опеку над девочками, Карле уже исполнится восемнадцать. Наверное. У меня не будет времени на знакомства или любовь.

А потом они пойдут в колледж, и я снова останусь в одиночестве.

Я наконец-то с болезненной уверенностью осознала, что не могла выстраивать свою жизнь только вокруг них. Я хотела бы этого, но они не были моими детьми. Этому меня научило время, которое мы провели порознь. Я не могла ничего сделать с тем, что мой отец или их мать рассказывали им обо мне; я даже виделась с ними только потому, что это нравилось Кэнди.

Если я выстрою свой мир вокруг них, он сможет развалиться в любой момент.

Ради самой себя я должна была сконцентрироваться на чем-то еще.

Я все еще любила девочек так сильно, что до сих пор фантазировала о том, как они будут жить со мной в уютном доме, но я не могла позволить им стать единственной хорошей вещью в своей жизни.

Мне придется найти это что-то хорошее в другом.

Зверь уже некоторое время платил мне деньги, и почти все из них я складывала на банковский счет, о котором не знал мой отец, но теперь сотня баксов лежала и у меня в кошельке.

— В следующий раз, когда поедem в город, не могли бы мы заехать в «Уолмарт»? — попросила я Зверя несколько дней спустя.

Он вздрогнул и посмотрел на меня. Это был первый раз за последние месяцы, когда я заговорила во время ужина.

— Да, конечно, — сказал он. — Хочешь поехать прямо сейчас? Не проблема. У меня нет никаких планов на вечер.

— Это не срочно, — произнесла я. — Мы просто заедem в магазин в следующий раз.

Он доел последний кусочек, встал и ополоснул свою тарелку, прежде чем положил ее в посудомоечную машину.

— На самом деле, я был бы рад съездить сейчас. Я не выходил из дома уже три дня и начинаю чувствовать, что понемногу схожу с ума.

Я кивнула, помыла свою тарелку и пошла за ним в сторону входной двери.

— Хочешь сесть за руль? — спросил Зверь. — Еще не слишком темно, а ты давно не практиковалась.

Я покачала головой, и он не стал настаивать.

Мы не разговаривали по дороге, и он переключил радио на станцию кантри, которое мне нравилось.

В магазине Зверь терпеливо следовал за мной, пока я ходила по отделу для рукоделия и выясняла, что же мне было нужно. Я не ожидала, что будет такой большой выбор: десятки цветов пряжи разных марок и текстур. Некоторые были почти такие же густые как мои волосы, а другие напоминали мне веревку.

— Ты собираешься начать вязать? — спросил Зверь.

— Крючком, — сказала я, — я думаю. Я хотела попробовать сделать небольших зверюшек для девочек. И все же, я начну с шапочек.

Он кивнул.

— Как насчет этой?

Я рассмеялась в голос, удивив себя... и Зверя. Он улыбнулся мне снова, и я почувствовала, что, возможно, мир был совсем не так ужасен, как я думала, пока смотрела в глаза Зверю.

— У тебя вкус, как у девчонок, — сказала я и забрала у него пряжу. — Розовый и блестящий? Ты будешь их героем.

Я уходила из магазина с крючком и корзиной пряжи. Розовой и золотистой, которую нашел он и с белой и желтой пряжей для меня, чтобы попрактиковаться.

Но прежде, чем мы уехали, я схватила два мотка темно-зеленой пряжи, которая была мягкой и пушистой.

Я говорила себе, что она не была похожа на цвет глаз Зверя, и знала, что лгала себе.

Он предложил заплатить за пряжу, но я достала свои деньги. В любом случае, все эти деньги и так были его. На самом деле, мне казалось, что я делала недостаточно для того, чтобы получать зарплату; я чувствовала, что должна начать платить Зверю аренду за свое проживание в его доме.

По дороге назад мы вели осторожный разговор. Он задал мне несколько вопросов о вязании крючком, которым я собиралась заниматься; я же рассказала ему о своих классах.

Я не спрашивала Зверя о его работе.

Он упомянул о доме и о том, что помогал одному из своих старых друзей выйти из затруднительного положения. Где именно он пропадал, я не спрашивала. Я лишь предположила, что это было как-то связано с наркотиками.

Пока я сидела в машине и спокойно разговаривала со Зверем, то смогла почувствовать, как расслабились мои мышцы, я и не знала, что они так напряжены. Я так сильно скучала по всему этому.

Я скучала по Зверю.

Я наблюдала за его руками, лежащими на руле, большими, сильными, покрытыми шрамами, и поняла, что хотела бы протянуть свою руку и положить на его руку, ногу, плечо. Я хотела прикоснуться к нему.

Эта мысль заставила меня задрожать.

Я еще не знала, могла ли доверять ему, но я жаждала его так, как никого и никогда прежде.

Это было совершенно мне не свойственно. Я чувствовала, что его прикосновение сделает меня счастливой, сделает счастливыми нас обоих. Я думал о том, чтобы наклониться и сократить дистанцию между нами — нас разделяло расстояние меньше фута.

— Ты в порядке? Что-то ты притихла, — сказал Зверь, в то время как я набиралась храбрости.

— Я в порядке, — пробормотала я.

Я повернулась и снова посмотрела в окно на расплывчатые темные фигуры, которые проплывали мимо нас.

— Я скучал по тебе, Табита, — спокойно произнес мужчина. — Спасибо, что снова со мной разговариваешь.

Я почувствовала, как у меня защемило сердце, и вспомнила выражение его лица, когда сказала, что он мог причинить мне боль. Я снова причиняла боль ему? Он действительно скучал по мне?

— Мне жаль, — прошептала я.

— Не стоит, — возразил Зверь. Он протяжно вздохнул и закусил губу. — Это мне жаль. Мне жаль, что я не поговорил с тобой до того, как стало слишком поздно. Мне жаль, что я до сих пор не могу рассказать тебе все, что хочу. Это не справедливо по отношению к тебе, полный отстой, и я сожалею.

— Почему ты не можешь? — спросила я.

— Если я скажу тебе, почему не могу тебе все рассказать, то получится, что я рассказал тебе именно то, что не могу рассказать. Бл*ть. Это звучит так глупо, когда я это произношу.

Он снова замолчал.

— Если я буду продолжать делать это в течение еще нескольких месяцев, то смогу завязать. Я смогу избавиться от своих обещаний, смогу двигаться дальше по жизни и, бл*ть, отделаться от мета, торчков и всех этих придурков навсегда. Теперь это не продлится долго.

— Точно, — сказала я, когда поняла, что он не собирался продолжать разговор.

— Если я не покончу с этим дерьмом... Это будет преследовать меня до конца жизни. Вероятно, я даже не смогу остаться здесь, ты понимаешь? Мне придется бежать от этого. Вся моя жизнь развалится, если я не останусь и не покончу с этим.

Я ничего не ответила.

— Но... я не хочу потерять тебя, ладно? Я думаю, ты удивительная, и когда все это закончится, я хочу пригласить тебя на свидание.

Румянец окрасил мои щеки, и я повернулась, чтобы посмотреть на Зверя.

— Ты серьезно? — спросила я.

— Бл*ть, да, — ответил он.

— Ох, — выдохнула я.

— Ты мне нравишься, — признался мужчина.

— Почему? — спросила я.

Как только вопрос сорвался с губ, я тут же захотела забрать его обратно. Это был глупый вопрос, из-за которого могло показаться, что я нарывалась на комплимент. Хотя, на самом деле я добивалась не этого. Я просто хотела узнать, почему такой человек как Зверь, — сильный, привлекательный, веселый и из приличной семьи, — хотел быть со мной.

— Ты не обязан отвечать на этот вопрос, — пробормотала я.

— Ты любишь своих сестер, — сказал он. — Ты делаешь их приоритетом и тратишь на них время, даже если тебе приходится отменить встречу со своим преподавателем. Они

всегда на первом месте. Ты вежлива с каждым, кого бы мы не встретили. Ты действительно хороша во всем, что я пытался делать, понимаешь? Ты заставляешь мой дом выглядеть красивым, пока готовишь эти удивительные блюда, и все это время получаешь одни пятерки. Ты делаешь так, что все это дерьмо выглядит таким легким, но я знаю, что не смогу сделать что-то подобное.

Я проглотила ком.

Он думал, что я заставила обучение в колледже выглядеть легким.

Это была самая милая вещь, которую кто-либо говорил мне после того, как мне исполнилось десять лет.

— Ты очень умная, — сказал Зверь. — Ты заставляешь меня смеяться, когда смеешься сама. Я бы хотел, чтобы это происходило чаще. Я хотел бы заставить тебя смеяться по десять раз на дню. Или еще чаще.

Я сморгнула слезы, застилавшие глаза.

— Я не такая, — прошептала я. — Но я рада, что ты так думаешь.

— Не принижай себя, — произнес Зверь.

Я никогда не была более благодарна своему телефону, который завибрировал у меня в кармане. Я вытащила мобильный, извинившись перед Зверем на случай, если это была Кэнди и предлагала мне встретиться с девочками.

Это была их мать, но она просто прислала мне изображение того, что Карла нарисовала в школе.

— Даже не знаю, с чего это вдруг я внезапно начала нравиться Кэнди, — сказала я. — Но все равно это здорово. Она присылает мне фотографии девочек и рассказывает, чем они занимаются в школе. Не думаю, что она хотя бы потрудилась, рассказать о подобном моему отцу.

— Может, дело в том, что она знает, как сильно ты заботишься о них, — произнес Зверь.

— Раньше это никогда не имело для нее значения, — сказала я. — В действительности, ничего не изменилось.

Мужчина пожал плечами.

Я была рада получить возможность закончить наш разговор. Зверь сказал мне больше, чем я хотела бы услышать о себе.

Всю оставшуюся дорогу до хижины Зверя мы говорили о девочках.

Я не могла перестать ощущать его присутствие в автомобиле рядом с собой и пылала от возбуждения до самых кончиков пальцев.

Глава 10

Парад приходящих в хижину и покидающих ее торчков становился все более и более разрушительным. Два-три посещения в неделю к концу года возросли до шести-восьми. Каждый раз я пряталась в своей комнате.

Я все еще чувствовала себя подобно Рапунцель или кому-то еще, запертому в башне, которому не оставалось ничего, кроме как расчесывать волосы и изучать старые книги.

Некоторое время я прислушивалась к приходящим и уходящим людям, но нет ничего скучнее, чем разговор о покупке наркотиков.

— Эй, у тебя есть дурь?

— Да, у меня есть дурь, а у тебя есть деньги?

— У меня есть деньги, если у тебя есть дурь.

Всегда одно и то же.

Я не знала, как Зверь мог это выдерживать. С одной стороны, я даже не знала, как он мог вот так стоять и продавать наркотики. Каждый раз, когда кто-то подъезжал, я боялась, что это был полицейский.

Приехавшие копы обнаружили бы в доме меня и арестовали бы вместе со Зверем, лишив любого шанса когда-нибудь получить опеку над своими сестрами.

На самом деле, не было ничего, что я могла бы сделать в этой ситуации. У меня было только три варианта: остаться с отцом, остаться со Зверем или оставить своих сестер на милость нашего отца.

То есть, едва ли выбор вообще был.

Самая лучшая вещь в хижине Зверя — кроме самого Зверя и его улыбки, от которой мои колени подгибались — что мой отец здесь никогда не бывал. Я утешала себя этой мыслью снова и снова, когда была напугана снующими туда-сюда торчками. По крайней мере, среди них не было моего папаши.

Конечно, до того, когда он заявился сюда.

Я заново перечитывала эссе, кропотливо проверяя каждую строку, как учила меня Миранда, чтобы убедиться, что не облажалась на чем-то очевидном, когда услышала, как открылась входная дверь.

Я беззвучно вздохнула и вернулась к своим записям, пока не услышала его голос.

Даже приглушенный, этот голос, без сомнения, принадлежал ему. Высокомерный, жесткий, холодный, я смогла бы узнать его из тысячи говоривших мужчин.

Я переложила свой ноутбук с колен и подкралась к двери, предварительно убедившись, чтобы даже мое дыхание не создавало шума.

— Табита? — спросил он.

— Поблизости, — сказал Зверь. — Я не выпускаю ее, когда занимаюсь делами.

— Правильное решение, — с противным смехом произнес мой отец. — Ей нужна твердая рука, иначе она про*бет все, к чему прикоснется. Как и все остальные суки.

— Эй, козел, — сказала женщина.

К счастью, это была не Кэнди.

— Да? — потребовал мой отец. Его голос был плоским. Я поежилась. Это не сулило ничего хорошего.

— Закрой свой поганый рот, не произноси дерьмо вроде этого, — сказала она. — Почему, бл*ть, ты вообще говоришь нечто подобное о женщинах?

Я вздрогнула еще до того, как услышала глухой звук и последовавший за ним треск от удара об пол.

— Дерьмо, — произнесла женщина.

Мне показалось, что она заплакала.

Я ждала, когда послышатся звуки драки, в которой Зверь навалит моему отцу и выгонит его из дома. Это было тем, что, как я думала, он собирался сделать. Это было тем, что должен был сделать хороший человек, а я так упорно старалась убедить себя, что Зверь был хорошим человеком.

— Достаточно, — прогрохотал Зверь. — Ты здесь, чтобы купить товар или мне, бл*ть, надо вышвырнуть тебя отсюда?

Я услышала, как засмеялся отец, и звуки плачущей женщины стали отдаляться.

Пятнадцать минут спустя входная дверь открылась, затем закрылась, и две машины отъехали от дома.

Зверь оказался у моей двери почти мгновенно. Он тихонько постучался. Сначала я просто не могла ничего произнести, но потом сделала судорожный вдох и отошла от двери.

— Могу я открыть дверь? — спросил он.

Я кивнула.

И только потом поняла, что мужчина меня не видел.

Я открыла дверь сама и замерла, в ожидании его. Взгляд от пола я не отрывала.

— Я не знал, что он придет, — произнес Зверь. — Я бы убедился, что ты ушла из дома. Прости, Табита. Мне так жаль.

— Она в порядке? — спросила я.

Мой голос прозвучал так пискляво, словно я была даже младше Карлы. Я ненавидела себя за это.

— Она в порядке, — сказал Зверь. — Он ударил ее, она упала. У нее наверняка будет синяк, но ее зрачки были в порядке, она не ударилась головой при падении. Сотрясения нет.

Похоже, он не очень-то был в этом уверен. И я тоже.

Я сглотнула.

Зверь заполнил собой дверной проем, и моя маленькая комната еще никогда не ощущалась такой крошечной.

Он ни слова не сказал моему отцу.

Мой отец ударил женщину, прямо перед ним, в его собственном доме, просто чтобы показать ему, свое дерьмовое отношение к женщинам, и Зверь ничего не сделал.

Впервые я почувствовала себя в ловушке, не из-за своего отца, не из-за колледжа, не из-за своих сестер, а из-за Зверя.

Я сделала один небольшой шаг назад.

Затем другой.

— Мне очень жаль, — повторил Зверь. — Это не навсегда. Я клянусь тебе. Скоро все это закончится. Мне просто нужно сделать еще одну вещь.

Он беспомощно протянул ко мне руки, а потом опустил их обратно.

Я ничего не ответила. Я отвернулась и начала ждать, когда Зверь заговорит или войдет в мою комнату, или протянет руку и вытащит в коридор.

Через несколько долгих минут молчания он ушел.

Хлопнула входная дверь.

Я отодвинула занавеску и увидела, как он пересек поляну длинными, быстрыми шагами, а затем остановился у кромки леса.

Мужчина поднял камень, почти такой же большой, как моя голова, и швырнул его в дерево с такой силой, что со всех веток осыпался снег.

Я не осталась досматривать то, как он терял самообладание, особенно после того, как Зверь ничего не сделал, чтобы защитить женщину. Она была уже далеко. Я легла на спину, на свою кровать и укрылась одеялом с головой, но все еще могла слышать удары и шум от падения камней, которые эхом доносились сквозь морозный зимний воздух.

Спустя несколько часов Кэнди написала мне о том, что направлялась в дом моего отца, и мне нужно было заехать туда на пару минут.

Зверя нигде не было видно.

Я позвала его несколько раз, но так и не услышала ответа. Мне уже пора было ехать, и,

по правде говоря, в любом случае, я не очень хотела его видеть.

Я сняла ключ с крючка у двери и уехала.

Он не был моим тюремщиком. Или был?

Я могла поехать и увидеться со своими сестрами.

Когда я приехала туда, Кэнди и мой папаша буквально вешались друг на друга.

Все сильнее и сильнее. Я старалась не представлять Кэнди с синяком под глазом, с разбитой губой и с большими перепуганными глазами.

Я не понимала, почему он не показывал ей эту свою сторону.

Возможно, сейчас он получал удовольствие от притворства, играя роль семейного мужчины, местного бизнесмена, кого-то, кому любой в городе мог бы доверять.

Ни один из них даже не взглянул на меня, прежде чем они покинули дом, просто махнув на прощание маленьким девочкам.

— Хотите еще раз испечь печенье? — спросила я.

— Мы можем испечь торт? — спросила Карла. — С глазурью? С большим количеством глазури?

— Давайте посмотрим, что у нас есть, — сказал я. — Не думаю, что у нас есть глазурь, но мы всегда можем посмотреть.

Конечно же, я знала, что в кладовке была спрятана банка розовой глазури с обсыпкой, прямо на уровне глаз Карлы. По крайней мере, она была там, если наш папаша не перепрятал ее.

У девочек заняло около минуты, чтобы найти ее и прибежать ко мне, повизгивая от восторга, требуя начать печь торт «сейчас — сейчас — сейчас».

Это была единственная в мире вещь, которой я хотела заниматься.

Когда я вернулась домой к Зверю, дороги были темными, но его хижина и двор были освещены словно в полдень.

Я вышла из машины и захлопнула дверь позади себя, заставив «Тойоту» слегка покачнуться.

Зверь стоял в дверном проеме, как и в первую ночь, когда я оказалась здесь, — темный силуэт на фоне яркого дома.

— Где ты, черт возьми, была? — спросил он.

— Я ездила повидаться с девочками, — ответила я.

— Уже почти полночь, — упрекнул он. Мужчина сделал несколько шагов вниз по направлению ко мне, что позволило мне увидеть его лицо. Зверь выглядел таким злым, что я испугалась, но кроме злости было что-то еще. Что-то, что я не могла определить, но знала, что видела подобное выражение лица у кого-то другого.

— Кэнди и отца не было допоздна, — сказал я. — Я уложила девочек в постель и некоторое время смотрела телевизор.

— И ты не проверяла телефон? — спросил мужчина. — Серьезно, Табита?

— Я забыла, — сказала я.

— Почему ты так неосторожна? Я был чертовски встревожен, ведь ты просто исчезла. С тобой могло случиться все что угодно, — сказал он.

Вот, что это было. Вот что я прочитала на его лице. Это было так давно, когда кто-то беспокоился обо мне, что я даже не узнала это чувство.

Я понятия не имела, что с этим делать.

— Да, — сказала я. — Разумеется. Ты беспокоился обо мне. Так же, как ты волновался о

девушке, которую ударил мой отец.

— Черт возьми, Табита, — сказал он, запустив руку в свои волосы и закрыв на мгновение глаза. Зверь глубоко вдохнул. Казалось, мужчина набирался терпения, и этим разозлил меня еще больше. Было поздно, я устала и хотела, чтобы на меня не кричали, а просто позволили лечь спать.

— Мне жаль, — произнесла я. — В следующий раз я спрошу разрешение, прежде чем взять машину.

— Не в этом дело, — сказал Зверь и прерывисто вздохнул. — Я не твой надзиратель или кто-то в этом духе. Ты можешь пользоваться машиной. Мне не нужно точно знать, где ты находишься. Просто постарайся больше так не исчезать, ладно?

— Ладно, — решительно произнесла я.

Я знала, что мне, наверное, следовало его успокоить, извиниться, поплакать, сказать ему, что все произошло по моей вине, и, возможно, предложить минет для пущей уверенности.

У меня просто не было сил.

Он сделал еще один глубокий вдох.

— Уже поздно. Я знаю. Давай поговорим об этом завтра. Я рад, что ты в безопасности.

Я кивнула, и он отошел в сторону, чтобы я смогла зайти в дом.

— Табита? — позвал мужчина, когда последовал за мной в гостиную и начал выключать свет.

— Да?

— Ты сможешь... Ты сможешь дать показания против своего отца?

— Нет, Зверь.

Глава 11

Мой мозг проснулся на час раньше меня.

Месяцы непонимания ситуации сложились в единую картину.

Даже не сменив пижаму на обычную одежду, я оказалась в коридоре и начала стучать в дверь комнаты Зверя.

— Что? Табита? Ты в порядке? — неуверенно отозвался он. Ему потребовалось несколько секунд, прежде чем он открыл свою дверь, одетый в пару свободных пижамных штанов с бейсбольной битой в руке.

— Ты, бл*ть, был серьезен, — сказала я, тыча пальцем ему в грудь.

У него определенно была великолепная грудь, но сейчас было неподходящее время думать об этом. Я еще разок взглянула, как утренний свет поблескивал на грудных мышцах Зверя, а потом вернулась к тому, что было более важно.

— Ты имел в виду именно это, не так ли? — потребовала я ответ.

— Имел в виду, что? Табита, сейчас шесть гребаных часов утра, — произнес он.

— Я думала, что ты на*бываешь меня. Целых шесть месяцев я думала, что ты водишь меня за нос. Я думала, что ты хотел услышать от меня «да», чтобы ты мог рассказать ему об этом, и я угодила бы в какую-нибудь гребаную ловушку. Я думала, ты собирался позвонить ему, как только я скажу «да». Потому что я хотела сказать «да»!

— Что?

— Ты действительно хотел знать, могла бы я дать показания против своего отца, не так ли? — спросила я. — Ты работаешь на полицию?

— Да, — сказал он, поморщился и покосился на меня, явно все еще желая вернуться в постель.

— Ты?

— Ага, — подтвердил мужчина. — Я не мог рассказать тебе раньше. Извини. Они спросят об этом на суде, и это будет дача ложных показаний, если я солгу. Если я буду говорить одно, а ты будешь говорить другое, то это все запутает и разрушит дело. Да. Я работаю на полицию.

Я моргнула, глядя на него.

— Ты работаешь на копов, серьезно? Ты ведешь какое-то большое, сложное... дело?

— Табита? — позвал он. — Могу я хотя бы надеть рубашку или еще что-нибудь? Я имею в виду, что хочу об этом поговорить, но я практически голый и едва проснулся.

Я ничего не могла с собой поделаться.

И посмотрела вниз.

На нем не было пижамных штанов, как я подумала вначале, только пара боксеров.

Они не оставляли много простора для воображения.

Я постаралась не думать об этом и дальше, так что посмотрела ему в лицо и покраснела.

— Я сделаю кофе, — сказала я.

— Прекрасно, спасибо.

Он вышел из комнаты примерно через три минуты, в то время как я разбила яйца в миску и взбалтывала их, чтобы приготовить нам завтрак.

— Ты ведешь какое-то большое дело, — напомнила я ему, когда достала колбасу.

— Да, — терпеливо подтвердил он. — Им нужен был кто-то, кто долгое время крутился в этой сфере, был знаком с местными наркоманами и находился в полной заднице. Я был в завязке, дома, на свободе, но они сказали, что оставили за собой право выдвинуть обвинения за взрыв в моей лаборатории. Они не сделали этого сразу, потому что я получил сильные ожоги и не употреблял наркотики, но они приходили каждые несколько месяцев и напоминали мне, что условный срок не то же самое, что невиновность, и что они могут прихватить меня за задницу в любое время, как только захотят этого.

— Почему они не осудили тебя сразу? — спросила я.

Он выглядел смущенным.

— Там были дети, — произнес он. — Множество свидетелей. Я вошел в трейлер, увидел двоих детей: один был совсем маленьким, другой чуть постарше и слетел с катушек.

— Кто-то привел своих детей в лабораторию? — в ужасе спросила я.

— Да, они просто оставили их в другой комнате. Я не позволял даже взрослым находиться там дольше десяти минут без респиратора, маски или другого подобного дерьма.

— Кем были эти люди?

— Другой варщик (Прим. варщик — человек, который изготавливает наркотики), кое-кто из покупателей. Мы расположились за городом, так что не нужно было заботиться о конфиденциальности или о том, что поблизости постоянно болталось с десяток человек. А иногда и больше, — он сделал глубокий вдох. — Я схватил детей и вытащил их на улицу, а потом нашел кого-то, кто не был под кайфом и мог присмотреть за ними, чтобы самому вернуться за их родителями. Я собирался сказать им, что они больше не смогут приезжать туда, если сделают что-то настолько же глупое снова, и лучше бы мне услышать, что их дети в порядке, или им придется отовариваться в другом месте. У меня была лучшая наркота в радиусе двухсот миль. Я думал, что они послушаются.

Зверь сделал глубокий, судорожный вдох.

— Я был в гостиной и орал на них, чтобы они выметались оттуда, пока что-нибудь не испортили, и... они, бл*ть, что-то испортили. Я до сих пор не знаю, что именно. Они все погибли. Это могло быть чем угодно.

— Там были только они? — спросила я, когда он надолго замолчал.

— Нет, еще мой приятель — Джекс, он был моим напарником. Тоже варил наркоту. Он был там вместе с ними.

Руками мужчина крепко сжал край стола. Похоже, говорить на эту тему было последней вещью на Земле, которой он хотел заниматься, но Зверь не остановился.

— Джекс и эти идиоты погибли. Я слышал, как они кричали некоторое время. Все кричали.

Я могла только представлять все это. Взрыв трейлера, пламя, десятки людей вокруг, это должно быть было ужасно. Я подумала о детях, которых вытащили незадолго до этого, представив на их месте Карлу и Кристал.

И в тоже время, я испытывала едва ли не зависть. Мой отец таскал меня по долбаным трейлерам, забитым метом; местам, которые провоняли аммиаком и отчаянием, и никто не пытался вправить ему мозги.

Никто никогда не пытался защитить меня, как Зверь смог защитить этих детей.

— Я находился в гостиной, так что мне досталось меньше всех... я смог выйти. Я не ушел далеко, упал во дворе, но я вышел из трейлера, прежде чем стало еще хуже. Я был... я был в огне. Буквально. Каждая часть меня горела.

Когда я приготовила завтрак и вручила ему чашку кофе, он медленно, с остановками, перешел к рассказу о том, как подумал, что умрет, а потом провел месяцы в больнице, мечтая о смерти. Боль, бинты, физиотерапия и так много операций, что он до сих пор был не уверен, как врачам удалось собрать его воедино.

— На счет детей, — сказал он, наконец. — Полицейские сказали, что они, вероятно, арестовали бы меня, невзирая на травмы и все остальное, если бы не... люди, которые видели, что я вовремя вынес детей. Они видели, каким злым и напуганным я был из-за них. Все понимали, это проклятая случайность, что я спас этих детей, ведь я даже не подозревал, что это место вот-вот взлетит на воздух.

— Ты знал, что они не должны были там находиться, — тихо сказала я. Я пододвинула к нему свой стул и села, протянув руку, чтобы положить ее на плечо мужчины. — Даже без огня, понимаешь? Ты защищал их от чего-то незначительного, а получилось, что от чего-то действительно значимого. Ты бы помог им в любом случае, и, в конечном счете, ты помог им очень сильно. Это... это замечательно.

— Некоторое время они находились в приюте, и когда я более-менее начал выглядеть прилично, им позволили навестить меня. Славные детишки. Они обняли меня на прощание, а после их ухода я проплакал около двух часов.

— Ты спас их, — спокойно произнесла я.

У него был отрешенный взгляд. Я видела, как Зверь моргал всякий раз, когда я начинала говорить, но он был слишком далек от того, чтобы ответить на мои слова. Было что-то еще, что мужчина хотел рассказать, и нужно было разобраться со всем этим. Разговор пришлось продолжить.

— Их забрали бабушка и дедушка, — сказал он. — Они прислали мне милую записку, что пытаются двигаться дальше, попросив меня не пытаться связаться с ними снова.

— Оу, — произнесла я.

— Ага, они наверняка подумали, что я заявлюсь под кайфом и начну просить денег, — сказал Зверь.

Моя рука все еще лежала у него на плече, которое я потирала круговыми движениями. Это было самое долгое прикосновение, которым я когда-либо дотрагивалась до него, и я не могла поверить, как хорошо оно ощущалось. Я знала, что должна была сосредоточиться на рассказе; знала, что это было больно и обидно, и чувствовала себя так плохо из-за этих детей, но что-то внутри меня требовало прикоснуться к Зверю и дальше.

— Я бы этого не сделал, — сказал он с горечью. — Некоторое время я был единственным парнем, кто мог приготовить приличный мет. Понимаешь? Я зарабатывал столько, сколько хотел, а другие укурки были готовы на все ради меня.

— Могу поспорить, что все девчонки были твоими, — не задумываясь, выпалила я.

Он поморщился.

— Хорошая шутка, — сказал Зверь. — Девушки, которых ты встречаешь, продавая им мет, точно не тот тип девушек, которых ты захочешь привести в дом своей матери.

Я ничего не сказала. Ведь я ничего не знала об этом.

Мне никогда не хотелось привести кого-то домой, кроме... погодите, был один человек. Я представила Кристал и Карлу, приносящих Зверю мультик о Принцессе на диске, который он терпеливо, милосердно выдерживает до конца и улыбается.

— Я понимаю, о чем ты говоришь, — произнесла я. — Я надеюсь на это.

— Заметь, я не был тем, кого бы ты привела домой к маме, — сказал он. — Я до сих пор не такой парень. Все тот же лузер, даже если больше и не наркоман.

— Мне кажется, что Кристал и Карла действительно полюбили бы тебя, — сказала я. — Сначала, ты бы посмотрел с ними мультфильм про Софию, а потом девочки накормили бы тебя печеньем.

— Это... — начал говорить он. — Ага, я бы на это согласился.

Зверь слегка улыбнулся.

— Ты не тот, кого стыдно представить родителям, — спокойно сказала я. — Ты не тот, с кем девушке будет страшно или неловко встречаться. Ты хороший парень, и я тебе доверяю.

Когда его губы растянулись в настоящей улыбке, то Зверь стал выглядеть на несколько лет моложе. Шрам на лице мужчины не смог скрыть блеск его глаз и нежный взгляд, которым он меня одарил.

Я наклонилась и прижалась губами к его волосам.

Это вызвало небольшой заряд электричества, от которого я ощутила легкую волну желания.

Я наклонилась еще немного, и мои глаза закрылись сами по себе, когда наши губы оказались напротив друг друга. Но прежде, чем они встретились в поцелуе, который Зверь и я так жаждали, мужчина отстранился.

— Табита, — позвал он. — Это неподходящее время.

Я сглотнула и отвела взгляд.

Я думала, что он сказал, что я нравилась ему; думала, что Зверь хотел поцеловать меня.

Я ошиблась и теперь хотела сбежать и спрятаться, чтобы больше никогда не попадаться ему на глаза.

Как я могла быть настолько глупой?

— Я хочу этого, — сказал он, потянувшись ко мне и взяв меня за руку, чтобы погладить большим пальцем костяшки моих пальцев. — Окей? Клянусь, я так хочу поцеловать тебя, что мне аж дурно.

Я так ничего и не ответила.

— Не думаю, что один из нас на самом деле хорошо спал этой ночью, а потом у нас произошел этот весьма напряженный разговор, — сказал мужчина. Я взглянула на него, заметив его добрый, пытающийся понять меня взгляд. — Это ощущается таким естественным — поцеловать тебя после того, как я излил душу, но я не хочу, чтобы это было единственной причиной нашего поцелуя, хорошо?

— Думаешь, что мы об этом пожалеем? — спросила я.

— Ну, честно говоря, нет. Лично я не буду. По крайней мере, я надеюсь, что не буду, но если один из нас начнет сожалеть, то это будет весьма хреново. Я не хочу, чтобы кто-то из нас вообще сомневался хоть в чем-то.

— Я понимаю, наверное, — произнесла я.

Я вырвала свою руку из его ладони.

Зверь напрягся.

Момент был испорчен. Я не чувствовала, что могла быть в чем-то уверена, тем более в поцелуе.

— Это колбаса подгорает? — спросил он.

— Нет, я переключила конфорку на минимум, — сказала я, качнув головой. — Я сделаю огонь побольше, и мы сможем поесть очень скоро.

— Звучит отлично, — сказал Зверь, и облегчение осветило его лицо. — С тобой все в порядке?

— Ага, — сказала я.

Когда пару минут спустя он начал есть свой завтрак, у него в кармане зазвонил телефон. Зверь проверил его и поморщился.

— Я должен ответить, извини, — сказал он.

Когда я сказала ему: «Никаких проблем», мужчина вышел из-за стола.

Я встала, чтобы проверить колбасу, которая все еще лежала на сковороде, и поняла, что почти могла расслышать его слова через вентиляцию старого дома.

Я наклонилась вперед и прислушалась.

— ... очень долго, — произнес Зверь. — Я вчера звонил тебе пять раз.

Пауза.

— Слушай, я знаю, она говорит, что все нормально, но она хочет упрятать Джонни за решетку, так что это все, о чем она может думать. Я говорю тебе, она должна на некоторое время отступить и пойти к врачу. Джонни ударил ее довольно сильно.

Пауза.

Мой отец. Зверь, должно быть, говорил о женщине, которая приезжала накануне. Она была копом, а не наркоманкой. Вот в чем причина, почему Зверь не отреагировал тогда. Это все было частью какого-то плана.

— Хорошо.

Пауза.

— Она в порядке. Мне пришлось сказать ей сегодня утром. Она наконец-то спросила.

Пауза.

— Я не уверен. Она выглядит вполне хорошо, однако многого не рассказывает. Я не

думаю, что она доносица, она не такая. Кроме того, Джонни бы ей не поверил.

Пауза.

— Ага.

Пауза.

— Ладно.

Пауза.

— Хорошо.

Пауза.

— Да, но...

Пауза.

— Я скажу ей. У тебя есть мое слово. Я же не сказал ей, что был замешан в этом, пока она не спросила, не так ли? Я напишу точное время, когда это произошло, все это. Я не буду пренебрегать документами. Я не забуду, окей? Могу я идти?

После этого Зверь долго слушал и ворчал. Я занялась готовкой и попыталась убедиться, чтобы он не понял, что я подслушивала.

Он вернулся обратно в комнату, когда я склонилась над завтраком.

— О, отлично, — произнесла я. — Я боялась, что все остынет.

— Выглядит восхитительно, — произнес Зверь. — Я рад, что вернулся вовремя.

Я не знала, что сказать после этого. Я исчерпала свои разговорные способности. Было столько всего, о чем мы должны были поговорить, столько вопросов, которые я должна была задать Зверю. В конце концов, он работал на копов, а мой отец ударил женщину, работающую под прикрытием, подумав, что вмазал бедной обдолбанной наркоманке...

Но, помимо этого, я была такой чертовски уставшей. Будто и вовсе не спала прошлой ночью.

Я думала как раз об этом, когда Зверь попытался подавить зевок.

— Мне очень жаль, что я разбудила тебя таким образом, — произнесла я слабым голосом. — Это было ужасно с моей стороны.

Мужчина вздохнул.

— Нет, все нормально, — сказал он. — Серьезно. Я втянул тебя в это дело вместе с собой, и это несправедливо по отношению к тебе. Бьюсь об заклад, ты была растеряна и напугана, и мне жаль, я пытался держать тебя подальше от этого, но я погряз.

— С чего все это началось?

— Ты имеешь в виду, как ты оказалась здесь? — спросил Зверь.

Я кивнула.

— Как-то раз твой отец покупал у меня мет и заговорил о тебе, — тяжело вздохнув начал рассказывать он. — Он сказал, что у него трое дочерей, и с двумя из них ему приходится быть очень осторожным, но одна полностью его, так как ее мать умерла.

— Да, — прошептала я.

Вся его. Вся принадлежу отцу.

— Он начал говорить о тебе, сказав, что ты сделаешь все, что угодно ради своих младших сестер, подразумевая много паршивых вещей. Сказал, что я мог бы купить тебя на несколько часов или недель, и ты будешь добра ко мне. Что он делал это прежде, и ты знаешь, что делать.

Я отвела взгляд.

— Я был так зол, но не мог просто ударить его или выпинать, хотя именно это и хотел

сделать. Один из парней сказал, что хочет забрать тебя себе, поэтому мне пришлось воспользоваться правом «первого выбора». Я не доверял Флоресу, чтобы оставлять его с кем-либо наедине. Пришлось идти до конца. Я боялся, что твой отец просто продаст тебя, пока ты не со мной, поэтому решил удерживать тебя рядом как можно дольше.

— Что на счет моих сестер? — спросила я. — Разве ты не беспокоился о них?

Он покачал головой и нахмурился.

— Не очень, — признался Зверь. — Он сказал, что нет никакого способа сделать что-то с девочками, потому что если об этом узнает их мать, то сбежит как кролик. Казалось, он был весьма раздражен из-за этого.

Я уронила стакан воды, который держала в руках.

Я уставилась на мужчину, не заботясь, что стакан скатился со стола, упал и разбился, залив водой деревянное покрытие пола.

— Почему? — спросила я.

— Табита, что случилось? — спросил Зверь, и беспокойство отразилось на его лице.

— Вот почему отец отставил девочек в покое? Из-за Кэнди? — задала я вопрос.

— Да, он выразился предельно ясно, — сказал мужчина. — Он ныл об этом несколько раз. Видимо, он попробовал провернуть это однажды, около года назад, и его бывшая — Кэнди? — оказалась настоящей тигрицей, сказав ему, что может послать его на хрен в любой момент, если он позволит кому-нибудь обидеть девочек, а так же оторвет ему яйца и попросит своего отца оплатить услуги адвоката, который заставит его их сожрать. Кажется, он ей поверил. Видимо, у ее семьи есть деньги.

— Гребаный...

Я даже не могла подобрать слово похуже.

Я встала, опрокинув стул, на котором сидела, и попятилась назад, прижавшись спиной к кухонным шкафчикам. Я задыхалась от гнева, сотрясаясь от ужаса.

Зверь поднялся и сделал несколько медленных шагов в мою сторону, но я резко покачала головой. Я боялась, что, в конце концов, причиню ему боль, если он прикоснется ко мне, и неважно, насколько добрым и утешающим, попытается быть мужчиной.

Я обернулась, почти споткнувшись об мною же опрокинутый стул, и направилась к задней двери.

— БЛ*ТЬ, — пронзительно закричала я, выйдя на поляну.

Зверь последовал за мной и остановился на крыльце, когда я прошла через двор и схватила палку, начав наносить удары по громоздкой старой ржавой машине до тех пор, пока палка не сломалась.

Я снова без слов закричала от ярости и боли.

Когда моя третья палка сломалась, я начала бить по машине кулаками, рыдая, не заботясь о том, что ржавчина обдирала костяшки пальцев, оставляя кожу на моих руках мокрой и кровоточащей.

Я чувствовала себя такой глупой, вываливая свое дерьмо перед Зверем. Я чувствовала себя такой глупой, нанося удары по машине, пока не заболели руки. Я чувствовала себя такой глупой, растратив годы своей жизни.

Я чувствовала себя такой идиоткой.

Это было не благодаря мне.

Я не была той, кто обеспечивал безопасность Карле и Кристал.

Это всегда была Кэнди.

Я думала, что была такой умной, такой хорошей старшей сестрой, которая защищала их. Защищала их своим телом, своим достоинством и своей свободой.

Они никогда не нуждались в этом.

Я могла бы позвонить в органы опеки и уйти оттуда в любое время, когда бы захотела. Я могла бы рассказать своим школьным друзьям, и они помогли бы мне. Я могла бы просто собрать вещи и уйти в тот день, когда мне исполнилось восемнадцать.

Ничто не мешало мне все бросить.

Я думала, что была надежно окутана веревками из любви, но они, в итоге, оказались гребаной паутиной.

Почему у меня заняло так много времени, чтобы понять, что мой отец контролировал меня, а не торговался со мной? Что он никогда не отпустит меня и скормит мне любую ложь, чтобы заставить остаться.

Я опустила на колени и зарыдала.

Зверь подошел и опустился на землю около меня. Он положил руку мне на плечо и уселся рядом, в ожидании того, как простое прикосновение согреет и успокоит меня.

Я не заслуживала его.

Я была такой идиоткой.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Глава 12

— Так ты знал? — спросила я мужчину, когда сделала судорожный вдох.

Я все еще не могла посмотреть на него, не говоря уже о том, чтобы взглянуть ему в глаза. Мне не хватало мужества сделать это.

— О чем? — спросил он своим низким, грохочущим нежным голосом.

— О... о вещах, которые я делала. Ты же знаешь, я не девственница или кто-то в этом роде. Уже очень давно. Я делала... — я с горечью рассмеялась. — Все.

— Да, — сказал он. — Я знаю кое-что об этом.

— Ты знал все это время? — спросила я.

— Да, — ответил он. — Я думал, ты в курсе.

— Нет, — сказал я. — Я пыталась держать свое распутное прошлое подальше от тебя. В смысле, я знаю, он продал меня тебе, но подумала, что, возможно, ты решишь, что это случилось впервые.

Зверь крепко сжал пальцами мое плечо.

— Давай будем откровенны, — произнес он. — Ты не шалава и не шлюха или кто-то вроде этого. У тебя не было выбора. Даже если ты это делала, меня не волнует, сколько секса у тебя было. Меня волнует только то, что тебе причиняли боль.

Я неосознанно покачала головой, взглянув на него.

— Так вот почему ты так расстроилась? — спросил мужчина.

— Нет, — ответила я.

Я сделала судорожный вдох.

— Я думала, что защищаю их в одиночку, — сказал я. — Он сказал мне, что отправит моих сестер на мое место, если я не буду повиноваться ему и не позволю продавать себя другим парням. Он продал меня, когда я была довольно маленькой, поэтому я ему поверила.

Зверь ничего не сказал.

— Все это время я должна была... мне приходилось. Я могла бы уйти от него в любое время, как только захотела. В день, когда мне исполнилось восемнадцать, я бы вышла из дома и уехала в другой город, где спряталась бы от него, и он никогда бы меня не нашел. Ничего бы не случилось с ними.

Я сделала еще один судорожный вдох.

— Я корила себя на протяжении нескольких месяцев. Думала, что провожу слишком много времени с тобой и недостаточно стараюсь защитить их. Я думала, что я ужасная сестра. Думала, что была эгоисткой и рисковала их безопасностью, потому что так сильно хотела быть с тобой.

Следующий сделанный мною вдох, был немного более уверенным.

— В конце концов, все это было зря. Это было бессмысленно. Кэнди была той, кто защищал их, а я просто оказалась какой-то тупой бессмысленной жертвой ради ничего.

Глубокий вздох.

— Я чувствую себя такой глупой.

Он протянул другую руку и стер слезинку с моей щеки большим пальцем.

— Ох, дорогая, — произнес Зверь. — Табита, милая. Ты не была глупой. Ты просто не знала.

Я покачала головой, все еще стараясь не смотреть на него.

— Ты любишь своих сестер, и ты знала, что твой отец позволит причинить боль маленькой девочке, потому что он сделал это с тобой. У тебя не было причины не верить ему.

— Я могла бы позвонить в полицию вместо того, чтобы позволить ему продавать меня каждому обколотому дилеру в трех округах, — пробормотала я.

— Да, ну, капитан Очевидность, возможно, ты смогла бы это сделать. Может быть, это бы даже сработало. Или, возможно, ты бы снова оказалась в его доме, без возбужденного против него дела, но он бы уже знал, что ты пыталась сбежать. Он мог бы убить тебя.

— Ты так думаешь?

— Джонни Лоу — один из самых еб*нутых чуваков, Табита. Ты не была глупой. Он действительно, действительно, действительно хорош в манипуляции людьми, пока они делают то, что он хочет. Это не твоя вина. Ты была воспитана им, так что он слишком рано и слишком глубоко запустил в тебя свои когти.

Я кивнула.

— Ты не была глупа, милая, ты была напугана. Обращение в полицию было бы большим риском, и ты это знала. Никто на земле не будет винить тебя за то, что ты этого не сделала. Ты не трусиха, ты делала лучшее, что могла сделать для своих сестер.

— Я пыталась, — прошептала я.

— Могу я обнять тебя? — спросил Зверь.

Я кивнула.

Медленно и нежно он взял меня на руки и притянул к своей широкой груди.

Зверь укачивал меня на своих коленях как ребенка, приглаживая мои волосы и шепча мне успокаивающую ложь, насколько храброй я была, так отчаянно защищала своих сестер, в то время, пока не знала, что мой отец извращал факты, чтобы использовать меня.

Несколько всхлипываний — и я развалилась на части.

Зверь держал меня в безопасности своих объятий, неловко сидя среди утренней свежести, пока я рыдала навзрыд, всхлипывая у него на плече, и подвергала сомнению все,

что когда-либо делала.

Когда я перестала плакать, то обмякла в руках мужчины.

Я так устала все время держать себя в руках, а еще это, как оказалось, было бессмысленно. Я могла бы получить реальную работу и свалить из дома, снять квартиру и найти соседку по комнате.

Годы насилия, которое я перенесла, были лишь ради выгоды моего отца.

Я начала плакать снова, но оказалась такой уставшей, что это уже были не задыхающиеся рыдания, как раньше, а просто опустошенный плач, слезы медленно стекали по моим щекам.

Зверь встал, легко удерживая меня в колыбели своих рук и прижимая к себе.

— Домой? — спросил он.

Я кивнула, а потом повернула голову и уткнулась ему в грудь. От него пахло сосной и чем-то мужским, аромат был приятным.

Он нес меня на кухню, а я чувствовала себя так хорошо, пока находилась в его надежных, безопасных объятиях.

Я хотела остаться в них навечно. Я надеялась, что Зверь не отпустит меня сразу, как только занесет в дом, хотя не стала бы винить его, если бы мужчина так и сделал. Я не была худышкой, чтобы он без отдыха носил меня на руках.

— Ты хочешь, чтобы я отнес тебя в твою спальню? — спросил он. — Или хочешь, чтобы мы вместе посидели на диване?

— На диване, — ответила я.

Он пошел в гостиную со мной на руках и едва не ударил меня лбом о дверной косяк кухни по дороге.

— Упс, — произнес он, на мгновение прижав меня к себе поближе.

Все еще удерживая меня на руках, Зверь сел на диван.

— Хочешь обняться? — спросил мужчина.

Я отстранилась, потянувшись в сторону от него, разорвав контакт между его грудью и своей спиной, и подцепила кончиками пальцев стеганое одеяло, которое висело на стуле.

Я натянула на нас одеяло, поудобнее устраиваясь на коленях у Зверя.

— Ага, — прошептала я. — Пожалуйста.

— Знаешь, это одеяло сшила моя мама, — сказал он, разгладив его на моих плечах. — Когда я был подростком. Она сказала, что знала, что я скоро уеду из дома, и хотела, чтобы я мог взять что-то с собой.

Я кивнула.

— Я забрал его, когда уехал, и привез обратно, когда вернулся домой без нее, — сказал он. — Иногда, когда я скучаю по ней, то сворачиваюсь калачиком под одеялом и плачу.

Плачущий Зверь.

Слабый Зверь.

Эта мысль была совершенно чуждой.

Этот мужчина выглядел слишком гордым, сильным и смелым, чтобы плакать под одеялом, но он также не был тем типом людей, который будет врать, поэтому мне пришлось поверить ему.

Судя по всему, такое случалось не только у меня.

— Мои любимые цвета — это синий и зеленый, — рассказал он. — Большая часть моей одежды была черной, тем не менее, мама не хотела использовать этот цвет для одеяла, так

что... этот вот клочок ткани от старой пары моих боксеров, которые я носил, когда мне было пятнадцать.

Я почувствовала, как уголки моих губ дернулись от небольшой улыбки.

— Я серьезно, — сказал мужчина. — Одеяло из боксеров. Я имею в виду, окей, оно не только из боксеров, она решила распороть часть моей старой одежды, кое-что из своей, а так же рубашки моего отца. Вся семья в одном одеяле. Я не очень помог, так как носил не слишком цветную одежду.

Я глубоко вздохнула и прислонилась к Зверю, закрыв глаза.

— Хочешь посмотреть «Мастер Шеф»? — спросил он.

Я кивнула.

— Если ты уснешь, я потом расскажу тебе, что там было, — пообещал он. — Или поставлю на паузу. Зависит от того, насколько хорошо я буду себя чувствовать, — сказал он, слегка толкнув меня в плечо.

От того, что Зверь дразнился, я почувствовала себя лучше.

Он не относился ко мне как к хрустальной вазе, и от этого мне было легче. Будто от этого я становилась сильнее.

Я определенно была не в порядке, но с его стороны было очень любезно притвориться, словно это не так.

Зверь всегда был добрым. Это то, что я больше всего в нем любила.

Я остановилась на минутку.

Я на самом деле подумала, что полюбила Зверя?

Да, я так и думала.

— Я люблю тебя, — сказала я, вытащив руку из-под одеяла, чтобы погладить его по щеке. Зверь на минуту закрыл глаза, а потом отвернулся.

— Ш-ш-ш, — пробормотал мужчина. — Ты устала и расстроена. Я не хочу, чтобы ты говорила что-нибудь, о чем потом будешь сожалеть, хорошо?

— Я не пожалею об этом, — произнесла я.

Теперь, когда произнесла эти слова вслух, я знала, что это было правдой. Я осталась с ним, вдалеке от своих сестер, потому что любила его. Я не могла вообразить свою жизнь без него, без его тела, без его комфортного присутствия рядом, его сексуального хихиканья, добрых глаз и невообразимой любви к кулинарным шоу.

С тех пор, как умерла моя мама, и до того момента, как Зверь вошел в мою жизнь, я не была счастлива.

Даже находясь рядом со своими сестрами я всегда боялась, всегда задавалась вопросом, когда получу очередной пинок от судьбы и узнаю, что подвела их.

Я по-прежнему любила их и хотела, чтобы они присутствовали в моей жизни.

Всегда буду хотеть этого.

Тем не менее, возможно, просто возможно, я не должна была чувствовать себя ответственной за них.

Когда звуки переполненной кухни, которые доносились с экрана телевизора, заполнили комнату, я начала засыпать, размышляя о Кэнди.

Я была неправа на счет нее.

Несколько месяцев назад я думала, что была единственным, что стояло между девочками и нашим отцом, а Кэнди не знала, что он мог бы причинить им вред. Я думала, что она не заботилась обо мне и не достаточно умна, чтобы беспокоиться о Кристал и Карле,

не говоря уже о себе.

Я ошибалась, ошибалась по всем пунктам.

Она связывалась со мной и помогала увидеться с девочками, пока рядом не было отца.

Она угрожала ему, у нее даже был план нанять адвоката, если он когда-нибудь обидит девочек.

Мне пришлось признать, что для них он был хорошим отцом. Он говорил правильные вещи, почти всегда был рядом и покупал им все, в чем они нуждались или чего хотели.

Я могла понять, почему Кэнди позволяла ему общаться с девчонками.

В конце концов, он никогда не обижал их.

Она годами говорила, что не понимала, почему я оставалась рядом со своим отцом, не съезжая из его дома в какой-нибудь другой, чтобы начать жить своей собственной жизнью.

Я думала, что она ничего не понимала или не хотела понимать.

Возможно, я ошибалась и в этом.

Я люто ненавидела папашу и все же продолжала жить в его доме, и насколько Кэнди знала, отказывалась куда-либо съезжать.

Я понимала, что Кэнди могла думать обо мне, как о просто долбанутой дочери-подростке. Она казалась такой счастливой, когда узнала, что у меня есть парень, но я все же хотела продолжить видеться с девочками. Возможно, она подумала, что я собралась исчезнуть, оставив их ради парня.

Может быть, она просто хотела защитить их от меня.

На самом деле, она никогда не относилась ко мне плохо, скорее смотрела на меня с неким разочарованием. Высокомерно.

Я осознала разницу между чем-то неприятным, что говорила Кэнди, и моим отцом... действиями моего отца.

Мне так хотелось остаться жить со Зверем и никогда, никогда, никогда, никогда не видеть своего отца, но я не хотела потерять девочек. Возможно, Кэнди разрешила бы мне навещать их каждую неделю.

Я могла бы присматривать за ее домом, и у Кэнди появилось бы свободное время, которое она смогла бы уделить себе, если бы только захотела.

«Чтобы принимать мет?», — подумала я. — «Будет ли она хорошей матерью, если продолжит употреблять гребаную наркоту?»

Глава 13

Я беспокойно зашевелилась в руках Зверя, когда серьезно задумалась о том, что Кэнди употребляла мет.

Наверняка она употребляла алкоголь, пока была рядом с моим отцом, но многие люди выпивали, и она знала, что я находилась с девочками. Никогда не было такого, чтобы я вернулась домой, а Кэнди была пьяной в присутствии малышей.

Я была уверена, что она несколько раз принимала мет, когда находилась рядом с ними, но... это не означало, что Кэнди занималась этим каждый день или что-то вроде этого.

— Как думаешь, может ли кто-то иногда принимать мет и не стать наркоманом? Если речь идет не о ежедневном употреблении или что-то в этом роде? — спросила я.

— Почему ты спрашиваешь? — поинтересовался он.

Я покачала головой.

— Что ты хочешь от меня услышать? Уф. Ладно. В основном, я видел торчков, тех, кто

не мог достать мет в другом месте. Но... но... но, я встречал кучу людей, пока не оказался здесь, которые несколько раз употребляли метамфетамин и понимали, что это не для них. Я считаю, что можно изредка употреблять мет, да, но это плохая идея.

Я медленно кивнула.

— Это уже не тот вид зависимости, который был в 90-е, когда ты пробовал мет впервые и вдруг уже был готов сделать все ради наркотиков. Это... происходит постепенно. Зависимость становится проблемой, когда ты начинаешь думать, что мет — это лучшее, что есть в твоей жизни, потому что ты готов на что угодно, чтобы получить очередную дозу.

Зверь вздохнул.

— Что на счет кого-то вроде меня? Я никогда не буду употреблять мет снова. Это может закончиться действительно плохо. Я не думаю, что смогу остановиться, понимаешь? Кто-то другой, может, и смог бы.

— Понятно, — спокойно сказала я.

— Почему ты спрашиваешь об этом? — спросил он.

— Я думаю, что Кэнди делает это время от времени, но мне не кажется, что она — наркоманка.

Зверь покачал головой.

— Я не такой, — сказал он. — Я имею в виду, что не собираюсь говорить о ней, будто самый стойкий трезвенник или кто-то вроде этого, но я не думаю, что она находится в зависимости.

— Ага, — сказала я.

— Матерью быть трудно, — произнес мужчина. — Это тяжелая работа. Внезапно, когда появляется ребенок, все ожидают от тебя, что ты будешь великолепна.

— Думаю, да, — подтвердила я.

— В смысле, да, баловаться метамфетамином — не самая лучшая вещь, которую может сделать родитель... но если торчком оказывается отец, то людей это волнует гораздо меньше. Матери же приходится ставить своих детей превыше всего и посвящать им всю свою жизнь. Даже если это никчемная жизнь, полная дерьма, они не должны этим заниматься, так что «быть или не быть» — только их выбор.

Зверь моргнул.

— Понимаешь?

— Мне кажется, да, но я не хочу мириться с этим, — произнесла я.

— Вполне справедливо, — подметил Зверь, поглаживая рукой меня по волосам.

— Моя мама была великолепной, — сказала я, снова закрыв глаза.

— Да?

— Да. На самом деле, по-настоящему хорошей. Я любила кружева, поэтому она пришила их на все мои платья, даже на те, которые мы купили в магазине. Отец говорил, что так она меня избалует, но мама утверждала, что оборки — это просто небольшой способ сделать мою жизнь лучше, и пока я была маленькой, хорошей, вежливой девочкой, которая всегда делала уроки, она будет пришивать кружева даже на мои трусы, если это сделает меня счастливой.

— И она пришивала?

— Ага, — сказала я и улыбнулась, так и не открыв глаза. — Небольшие оборки в верхней части. Я плакала, когда мне в первый раз после ее смерти купили новое нижнее белье, и на нем больше не было кружев.

— Это на самом деле, очень мило, — произнес Зверь. — Они были розовыми?

— Мне кажется, на них были нарисованы принцессы или что-то вроде этого. Обычное белье, которое шьют для маленьких девочек.

— Я имею в виду оборки, — уточнил мужчина. — Они были розовыми, блестящими или какими-то еще?

— Они были разными, — произнесла я. — Большая часть была бледно-розовыми или белыми. У нее было два мотка кружев из хлопка, которые мама купила, когда мне было четыре, она отрезала лоскутки и собирала их в складки разных размеров.

— Могу поспорить, что в первом классе ты была девочкой состоящей из одних оборок, — сказал Зверь.

— В яблочко, — подтвердила я. — А еще она оставляла мне записки в коробочке для завтрака. Домашняя еда и милые записки. Мама была... такой славной. Все казалось намного лучше, когда она была рядом.

— Звучит именно так, — сказал он.

— Что на счет твоей мамы? — спросила я.

— Ну, я не был типом с оборками-на-нижнем-белье, — весьма серьезно произнес он, и я открыла глаза, чтобы посмотреть на него.

— Тем не менее, я могу поспорить, что тебе тоже нравилось что-то глупое, — обвинила я.

— «Хот Вилс» (Прим.: «Хот Вилс» — маленькие игрушечные модели автомобилей), — незамедлительно произнес он. — Я не мог заснуть, пока мои любимые «Хот Вилс» не были составлены в ряд около меня, а затем я просыпался и плакал, потому что когда переворачивался во сне, то больно натыкался на небольшие металлические машинки.

Я рассмеялась в голос.

— Дети такие смешные, — сказал Зверь.

— Ага, — произнесла я. — Карла провела шесть месяцев, таская пустую банку из-под какао вместо плюшевого мишки. Она обнимала ее, любила и прятала под кроватью. Это была ее любимая вещь в мире.

— Как вы, ребята, заставили ее остановиться?

Я отвернулась.

— В один прекрасный день она просто исчезла. Я думаю, что мой отец просто выбросил ее. Одна из тех мелочей, которую он мог сделать, понимаешь?

— Ага, никто и не сомневается в этом, — сказал мужчина. — Давай не будем о нем говорить. Что еще ты можешь рассказать о своей маме?

— Она на самом деле была хорошей. Я скучаю по ней. Каждый день.

— Я могу спросить... как она умерла?

Я снова отвернулась от Зверя.

— Рак, — спокойно сказала я. — Это произошло довольно быстро. Рак молочной железы. Она постоянно ходила на химиотерапию, у нее выпадали волосы, но ей становилось все хуже и хуже. Ее кожа была такой мягкой, будто она постарела. А потом... мама умерла.

— Ох, детка, — пробормотал он. — Это так несправедливо. Мне очень жаль это слышать.

— Все в порядке, — кивнула я. — Я никогда не сомневалась, действительно ли она хотела меня, понимаешь? Если бы мама прожила дольше, возможно, они бы развелись, а он отправился бы в тюрьму. Отец выглядит хорошим только на бумаге.

— Надеюсь, что это ненадолго, — мрачно произнес Зверь.

Мужчина замялся.

Пауза была долгой.

— Табита, ты сможешь дать показания против своего отца? — спросил он.

— Я... я не знаю, — произнесла я мягко и нерешительно.

— Лучше, чем «нет», — произнес Зверь и слегка улыбнулся. — Это прогресс.

— Ага, — подтвердила я. — Я просто... я просто не знаю. Что, если я дам показания, а потом его посадят, но ненадолго? Что, если его выпустят под залог в то время, когда, как предполагается, я буду давать показания? Что, если... Он будет так зол, Зверь. Он причинит мне боль. Даже если его упрячут за решетку. Он считает меня своей собственностью, которая не должна оказывать сопротивление.

Зверь убрал спадающие мне на лоб волосы.

— Я буду защищать тебя, — сказал мужчина.

— Я знаю, но... ты не можешь всегда быть рядом, понимаешь? — спросила я.

Он ухмыльнулся.

— Я вроде как могу. Для меня нет ничего лучше, чем быть рядом с тобой, — признался Зверь.

— Не в этом дело, — сказала я, рассеянно качнув головой. — Я должна быть в состоянии выйти из дома без тебя, понимаешь?

— Да, должна. Ты права, — согласился Зверь.

— Мне жаль, — сказала я, и в моем голосе прозвучали стыдливые нотки. — Я так устала оглядываться через плечо.

— Я не виню тебя в этом, — произнес мужчина и слегка улыбнулся, погладив меня по щеке. — Не хочу, чтобы тебе приходилось это делать. Ни сейчас, ни когда-нибудь в дальнейшем. Ты заслуживаешь гораздо лучшего, чем то, что есть.

— Эй, Табита? — позвал он.

— Эй, Зверь? — позвала я. Он выглядел так официально и серьезно, что я решила его немного поддразнить, чтобы увидеть на лице мужчины ту самую улыбку, которую так любила.

— Ты же знаешь, что мое имя не Зверь, да? — спросил он.

Я пожала плечами.

— Ага, Кори. Кори Питтмэн. Ты как-то говорил мне. Я не забыла.

— Окей, хорошо, — кивнул он — Ты не против называть меня Кори? Хотя бы иногда? Это было так давно.

— Конечно, — согласилась я. — Не проблема, Кори. Но почему?

Настала его очередь прятать глаза и избегать моего взгляда.

— Кори был подростком, для которого его мама сшила одеяло. Зверь же — это тот мудака, который варил мет. Я скучаю по Кори.

Мужчина замялся.

— Ты заставляешь меня чувствовать себя так, будто я снова становлюсь Кори.

Это была самая приятная вещь, которую кто-либо когда-либо говорил мне.

Я сглотнула.

— Дорогой, Кори, — произнесла я и попыталась, чтобы мой голос выражал всю ту нежность, которую я испытывала. — Спасибо.

— За что? — спросил он, с озадаченным взглядом и хмурым выражением лица.

— Не знаю. За то, что веришь в меня. За то, что думаешь, будто я могу сделать тебя лучше. Но ты уже хороший. Независимо от того, как я тебя называю. Ты говоришь, что думаешь, будто бы я делаю тебя лучше, и это смешно, ведь ты действительно очень милый.

Кори улыбнулся, отчего его взгляд стал мягче.

— Думаю, что понимаю, — сказал он, и я закатила глаза. — И ты делаешь меня лучше каждый день. Ты заставляешь меня хотеть стать лучшим человеком.

Повисла долгая пауза.

Я попыталась придумать что-то достаточно хорошее, чтобы ответить Зверю.

— Ты даешь мне возможность чувствовать себя как никогда храброй, — призналась я. — Ты даришь мне ощущение безопасности.

Кори улыбнулся, а его взгляд был по-прежнему наполнен нежностью и любовью.

Возможно, он понимал ход моих мыслей.

— Я люблю тебя, Табита, — произнес мужчина. — Так сильно.

— Я тоже люблю тебя, Кори, — ответила я.

Я чуть не назвала его Зверем, но очень вовремя себя остановила. За что была вознаграждена улыбкой мужчины и озорным взглядом, в котором светились радость и гордость.

Кори немного нервно рассмеялся.

— Не могу выразить, какое это облегчение, услышать от тебя такие слова, — произнес он. — Я так переживал, что ты не испытываешь тех же чувств в ответ.

— Ты — тот, кто продолжал нас сдерживать, — подколола я.

— Ну а что, я не хотел, чтобы кто-нибудь пожалел. Особенно ты. Я бы сожалеть не стал. Просто у меня сложилось такое впечатление, что у тебя Стокгольмский синдром или что-то вроде него, потому что ты оказалась заперта в этой хижине вместе со мной.

Я отрицательно покачала головой.

— Ни в коем случае, — возмутилась я. — Я имею в виду, что не всегда была какой-то сумасшедшей затворницей. Я ходила в школу. Я дружила со своими одноклассниками, и мне даже нравились некоторые из них. Но никто не нравился мне так, как ты. Никогда.

— Да? — спросил Зверь. — Я рад. Но вряд ли бы ты захотела встречаться с каким-то сумасшедшим отшельником, не так ли? Или с мужчиной, который жил в одиночестве в хижине в горах после выплаты по страховке?

Я выпрямилась и завертелась у него на коленях, тыкая пальцем в грудь мужчины.

— Я не говорила ничего подобного, — возмутилась я. — Я этого не говорила, и ты это знаешь. Я даже не имела в виду ничего подобного. Это не моя вина, что я произнесла «сумасшедший затворник», а ты приписал это себе.

Он рассмеялся, рассмеялся мне в лицо, и я не знала, хотела ли обнять его или ударить.

— Табита? — позвал он.

— Да?

— Могу я тебя поцеловать?

— Да.

Это было именно тем, о чем я мечтала неделями. Месяцами. Всю свою жизнь.

Он наклонился и аккуратно заскользил своими губами по моей щеке, лбу и волосам.

— Это не совсем то, что я имела в виду, — тихо сказала я, ухватив руками мужчину за рубашку и нежно притянув его ближе, чтобы найти губы Кори своими.

Он отодвинулся на минутку.

— Мне нравится то, что ты имеешь в виду.

— Тогда прекрати отстраняться и позволь мне поцеловать тебя, — проворчала я.

Он так и сделал.

Зверь наклонился вперед, чтобы поцеловать меня, но не сжал в своих объятиях. Я могла ощущать его тепло, видеть, как вздрогнули его широкие плечи, когда он сделал глубокий вдох между поцелуями.

Я задрожала в ответ.

Я чувствовала, как мое тело тянулось к нему, и проснулось желание добровольно прикоснуться к мужчине. Мне было необходимо, чтобы Кори притянул меня в свои объятия и поцеловал еще крепче.

Я хотела его так сильно.

— Ох, Табита, — сказал он, когда отстранился и прижался своим лбом к моему. — Что же ты со мной делаешь.

— Да? — спросила я.

Видимо это было все, что я могла произнести в этот момент.

— Да, — сказал мужчина с небольшой улыбкой на лице. — Ты делаешь меня таким счастливым. Ты заставляешь меня так сильно желать прикоснуться к тебе.

— Я тоже хочу к тебе прикоснуться, — нежно произнесла я.

— Да? — спросил Кори.

Я рассмеялась.

— Мы можем сказать что угодно, но «да»? Или мы обречены «дакать» в каждом нашем разговоре?

— Это не моя вина, что ты достаточно умна, чтобы соглашаться со мной так часто. Я — гений, и ты гениально это признаешь, — сказал он, а затем отстранился от меня, выпятив грудь вперед, будто гордился собой.

— Ты смешон, — сказала я.

— Тебе нравится кто-то смешной. Именно это тебя и зацепило?

— Очень смешно, — подколола я.

— Чертовски верно, — сказал он.

Кори откашлялся, и все следы веселья исчезли с его лица.

— Послушай, сейчас не лучшее время говорить об этом, но если мы собираемся продолжить обжиматься, нам придется это обсудить.

Я вопросительно посмотрела на него.

— Я знаю, что ты много страдала. В прошлом. Сексуально. Я имею в виду, что знаю, с тобой сделали много вещей, которых ты не хотела. Ты была изнасилована.

Я отвернулась.

— Мы не обязаны заниматься сексом. Я долгое время удовлетворял себя самостоятельно и с удовольствием продолжу это делать, если это будет означать, что я могу быть с тобой, окей? Дерьмо, я не могу выразиться правильно.

Мужчина сделал глубокий вдох и продолжил говорить очень медленно и осторожно. Имея в виду каждое слово, которое произносил.

— Я люблю тебя. Мне страшно, что, если мы когда-нибудь займемся сексом, это причинит боль или напугает тебя. Я не хочу, чтобы ты думала, будто если мы не станем заниматься сексом, я не буду удовлетворен. Я очень хорош в самоудовлетворении, и это не твоя работа заниматься со мной сексом, потому что мы встречаемся. Я не хочу причинять

боль или пугать тебя. Я лучше всю оставшуюся жизнь буду мастурбировать, чем хоть раз сделаю тебе больно. Секс в отношениях не главное.

Я кивнула.

— Я серьезно. Меня не волнует, будем ли мы дурачиться или будем лежать голыми, едва не трахаясь, если ты не захочешь зайти дальше, чем это, мы остановимся. Немедленно. Я не рассержусь и не стану дразнить тебя или что-то подобное. Я имею в виду, что могу быть немного разочарован, но в этом случае я удовлетворю себя в душе и буду в полном порядке.

Я кивнула.

— Это нормально? — спросил он. — Некоторые люди думают, что не должны дрочить, если находятся в отношениях. Они думают, что это своего рода измена. Мы еще не обсуждали это. Нам нужно об этом поговорить.

— Мне кажется, что мы уже об этом говорим, — сказала я.

— Ага. Да. Так и есть.

Он провел пальцами по своим волосам, именно так, как всегда это делал, когда нервничал.

Я протянула к Зверю руку и обхватила его за предплечье, погладив бицепс мужчины.

— Я люблю твоё тело, — призналась я. — Мне нравится к тебе прикасаться. Я... Я до сих пор многого не знаю. Мы можем действовать по обстоятельствам?

Кори улыбнулся мне.

— Это хороший план.

Наклонившись для поцелуя, я почувствовала, как мое сердце сделало кульбит, когда мы снова соприкоснулись.

Но Зверь отстранился раньше, чем мне бы того хотелось.

— Серьезно, Табита. Ты считаешь мастурбацию изменой? Теперь я должен это знать.

Я рассмеялась в голос.

— Нет, — сказала я. — Это не измена. Для этого тебе будет нужен другой человек.

— Что на счет порно? — спросил мужчина.

— Зверь. Кори. Я знаю, что ты смотришь порно. Однажды я тебя даже подловила, помнишь?

— Ага, ну, теперь все изменилось.

Я замялась.

— Думаю, что мне было бы довольно не комфортно, если бы я застала тебя за просмотром извращений или порно, где люди причиняют друг другу боль, — призналась я. — Только минет или обычный секс, и ничего другого. Но ты можешь смотреть на любых голых женщин, на которых захочешь.

— Ладно, — кивнул Зверь. — Я обещаю, что не сделаю ничего из того, от чего бы ты почувствовала себя несчастной. Прости, что спросил, я вдруг испугался, что мы не поговорим об этом, а потом ты застанешь меня за просмотром порно с членом в руке, тебе будет больно или ты рассердишься.

— Эй. Нет. Достаточно. Я поняла. Ты — парень. И ты мастурбируешь. Все в порядке.

— Хорошо.

— Мы должны закончить говорить об этом. Серьезно. Я все понимаю. Тебе не нужно кричать об этом на весь мир.

Я видела, как у Кори заблестели глаза, а его губы изогнулись в дразнящей улыбке.

Он встал и подошел к окну, а потом резко распахнул его.

— Привет, мир, — прокричал он в открытое пространство.

— Ох, да ладно, — застонала я.

— Я дрочу, — закричал Зверь. — Я гоняю лысого. Я ма-а-а-а-стурбирую.

— Ты смешон, — выкрикнула я с дивана, бросив в Зверя подушкой.

Она отскочила от его широкой спины, после чего мужчина повернулся ко мне с широкой улыбкой на лице. Кори медленно наклонился за подушкой и размеренным шагом подошел ко мне, поднимая ее над своей головой.

— Нет, — заорала я, захихикав так сильно, что чуть не свалилась с дивана. — Оставь меня в покое!

— Ты первая бросила камень! Подушку! Не важно! — завопил он, резко приближаясь с поднятой подушкой. — И сейчас ты ощутишь вкус моей пушистой мести!

Прежде чем я успела подняться с дивана, он вскользя шлепнул меня подушкой по плечу.

Мужчина нахмурился и замер, а потом оглянулся через плечо на окно.

— Эй, Табита, — произнес он без какого-либо намека на веселье в голосе.

Я встала и подошла, чтобы вместе с ним выглянуть в окно.

— Кто-то приехал, — сказал Зверь.

Глава 14

Теперь мы оба едва не прижимались лицами к окну, чтобы поглядеть на длинную подъездную дорожку. Машину еще не было видно, но мы смогли расслышать звук ее приближения.

— Ты кого-то ждешь? — спросила я.

— Не сейчас, — сказал он. — Во всяком случае, не так рано. И не без предупреждения. Я хочу, чтобы ты спряталась. Спальня или подвал?

Я задержала дыхание, пока смотрела на кромку поляны, где должен был показаться автомобиль. Когда это наконец-то произошло, я ахнула... это была не машина. Это был грузовик моего отца.

— Уходи отсюда, — приказал Зверь. — Его не должно быть здесь. Это не хорошо.

Я похлопала себя по бокам, в попытке убедиться, что мой телефон все еще лежал в кармане брюк, чтобы не оказаться в ловушке без него, и побежала к своей спальне. Я хотела захватить свитер, прежде чем спущусь в подвал.

Но было слишком поздно.

Грузовик остановился, послышался хлопок закрываемой дверцы.

Я не могла рисковать тем, чтобы мой отец узнал про тайный вход в подвал, так что мне пришлось остаться в своей спальне. Я закрыла дверь, заперла ее и забаррикадировала вход комодом, который стоял в углу спальни.

Если он настолько рехнулся, что приехал сюда, то это его не удержит, но хотя бы кое-что. Что-то, что замедлит его.

В поле моего зрения попало окно, но оно было слишком маленьким, чтобы я могла выбраться из него.

И все бы было ничего, если бы я не застряла тут.

Бл*ть, бл*ть, бл*ть.

Я проклинала себя за подобную глупость. Если бы я не заколебалась и не пошла за свитером, если бы не замешкалась у окна, то спокойно сидела бы в подвале, где он не смог

бы меня найти.

— Бл*ть, бл*ть, бл*ть, — шептала я, пока сползала вниз по стенке платяного шкафа и усаживалась на задницу, прижав колени к подбородку и обняв колени. Я прекрасно понимала, что, спрятавшись в нишу, едва ли смогу скрыться от своего папаши, но от этого действия я почувствовала себя немного лучше. Буквально слегка. Всего чуточку.

Когда отец постучал во входную дверь, и Зверь открыл ее, я обнаружила, что у платяных шкафов было свое преимущество.

Стена в гардеробной, которая разделяла мою комнату и гостиную, была настолько тонкой, что я могла расслышать каждое слово.

Я вытащила свой телефон, чтобы проверить время, и, поддавшись порыву, включила диктофон.

— Я передумал, — произнес мой отец. — Я хочу большего. Мне нужен твой лучший мет, а не то дерьмо, которое, как я слышал, ты продаешь.

— Мне жаль, но все продано, — ответил Зверь. Его голос было проще услышать, потому что он был глубоким и четким.

— Брехня, — сказал мой папаша.

— Нет, у меня действительно ничего нет на продажу. Я оставил одну дозу для себя, и я отдам ее тебе, потому что ты постоянный клиент, но только поэтому.

— Как, бл*ть, у тебя мог закончиться мет? — спросил отец. — Ты же гребаный наркодиллер.

— Слушай, зачем мне тебя обманывать? Мне, черт возьми, нужно получить от тебя деньги, — произнес Зверь. — Я был бы рад продать тебе это дерьмо, но не могу. Я не могу вытащить дополнительную дозу из задницы, ясно? А теперь, проваливай.

— Дерьмо, — выругался мой отец. — Гребаный говнюк. Гребаные дети, у которых с головой не лады.

Это нехорошо.

Это нехорошо для всех.

Это большая проблема.

Обычно мой папаша довольно хорошо держал себя в руках, кроме тех случаев, когда принимал слишком много мета. Я не знала, чтобы он сделал бы со Зверем, если бы тот не был таким крупным, поэтому папаша просто орал на него.

Я же в это время тряслась от страха в шкафу.

Послышался грохот и звон битого стекла.

— Эй, мудака, завязывай, — произнес Зверь. — Черт возьми, это дерьмо, которое ты ломаешь, мое.

— Собираешься и дальше констатировать очевидное? — спросил отец своим уничтожающим тоном. В мыслях я могла даже представить ухмыляющееся выражение его лица.

Я чувствовала себя такой беспомощной, пока пряталась в шкафу, как маленькая девочка, в то время как Кори противостоял моему отцу.

Для моего понимания это было слишком. Мне казалось, будто я вернулась на десять лет назад. В то время, когда умерла мама, а я ждала возвращения отца, который собирался вытащить меня из моей комнаты и сказать, что непослушных девочек нужно наказывать.

Я просто не знала, что еще сделать.

Я не могла противостоять своему отцу так, как это мог делать Зверь.

Я пропустила часть их разговора из-за своего сбивчивого, рваного дыхания.

— ...Табита! — закричал папаша. — Сделка отменяется!

— Ни в коем, бл*ть, случае, — ответил Кори. Его голос звучал более спокойным, чем у моего отца, но он казался настолько низким, что едва не походил на рычание.

— Я не шучу, немедленно приведи сюда эту маленькую сучку, — произнес папаша. — Ты не выполнил условия нашей сделки. Прямо сейчас у меня нет гребаного мета, не так ли? Моя рука пуста. Ты не достаточно мне заплатил.

— Я сделаю это завтра, — ответил Зверь. — Ты сможешь забрать мет завтра. Я даже дам тебе больше, чем нужно. Просто успокойся.

— Нет, я сыт по горло твоим дерьмом, — произнес мой отец.

Он сыт по горло его дерьмом. Вот, что он говорил всем, до того как вычеркивал их из своей жизни. Это были те слова, которые я слышала раньше, перед тем как он сжигал за собой мосты.

— Ты не единственный диллер в этом городе, — произнес он. — Я пойду к Флоресу, и он достанет для меня что угодно, если я отдам ему девчонку.

— Не такого хорошего качества как у меня, — сказал Кори.

— Херня, — произнес мой папаша. — Я выбрал тебя только потому, что мне понравилось твое новое розовое дерьмо. Флорес продаст мне больше товара и сделает скидку, если Табита станет одной из его девочек. Возможно, он даже доплатит мне за это немного денег. Больше, чем ты.

— Да ты, бл*ть, верно, шутишь.

— Да? Ты думаешь, что я, бл*ть, шучу с тобой?

— Ты готов сделать свою дочь одной из шлюх Флореса? Ты — бессердечный сукин сын.

— Я даже не знаю, моя ли дочь эта сучка, ее мать была той еще шалавой. Какого хера меня должно заботить это дерьмо?

— Потому что это единственная проклятая вещь, которую ты должен делать, — взорвался Зверь.

— Ох, я и забыл, — начал глумиться мой отец. — Я же разговариваю с проклятым героем детей, сукиным сыном, который вышел из тюрьмы благодаря открытке с соболезнаваниями. Получивший билет на свободу, когда все остальные умерли или гниют в тюрьме.

— Я не считаю, что легко отделался, получив ожоги по всему телу, лишь бы это помогло мне спать по ночам, — прорычал Зверь.

Наступила пауза.

Я проверила, шла ли запись в моем телефоне. Все в порядке.

Я была не уверена, что их голоса четко звучали на записи, пока звук шел сквозь стены, но, по крайней мере, впервые в жизни я делала хоть что-то.

Впервые в жизни я действительно пыталась оказать сопротивление.

— Теперь видишь, насколько я серьезен? — прорычал мой отец.

— Ого, ну и ну, — произнес Зверь. — Нет никакой необходимости в оружии, окей? Вообще никакой. Давай сделаем это без оружия. Пожалуйста, опусти пистолет. Или, по крайней мере, направь его в другую сторону.

Дерьмо.

У папашы был пистолет, и это звучало так, будто он был направлен на Зверя.

Я не могла позволить этому случиться.

Отец и так много отнял у меня в жизни, так что должно было остаться хоть что-то, что я могла сделать, чтобы он не застрелил мужчину, которого я любила.

Потому что я любила Зверя. В этот момент все сомнения покинули мой разум.

Я нуждалась в нем, я обожала его, и должна была его защитить.

Если отец хотел меня, то он меня получит. Это лучше, чем он будет продолжать наставлять пистолет на Кори. Лучше, чем прятаться в шкафу в ожидании того, когда тебя вытащат оттуда.

Я встала.

Это единственное движение потребовало от меня больше смелости, чем я могла в себе предположить.

Я проверила, чтобы включенный на телефоне диктофон работал, и отодвинула комод от двери так тихо, как только смогла.

Потребовалась вся моя смелость, чтобы переступить порог своей комнаты, но ради любимого мужчины я собиралась быть храброй.

Я приблизилась к гостинной.

— Я пойду с тобой, — сказала я. — Я пойду с тобой, куда скажешь. Только не трогай Зверя, хорошо?

Глава 15

Я приложила все усилия, чтобы назвать его «Зверем», а не «Кори». Мой папаша был на грани нервного срыва, и я не знала, что могло спровоцировать его.

Я установила зрительный контакт со своим парнем в надежде, что он увидит, что я должна сделать это ради него, что должна суметь защитить его, должна принять какие-то меры хоть раз в жизни.

— Табита, нет, — сказал Кори, с трудом сглотнув.

— Табита, да, — передразнил мой папаша. — Хорошая работа, девочка. Ты же знаешь, что нужно сделать. Ты или Карла, да? Ты или Кристал?

Я кивнула, потому что во рту пересохло, будто туда насыпали пепла, пока слушала, что молотил своим лживым языком мой отец.

— Табита, — застонал Зверь. — Ты должна была оставаться в укрытии.

— Она не такая глупая, как ты, мой мальчик, — произнес отец, и дуло его пистолета даже не дрогнуло, все еще оставаясь нацеленным в живот моего любимого мужчины. — Она знает, что я подстрелил бы тебя и оставил умирать, после чего отправился бы на ее поиски. И я бы нашел ее. Она никогда не сможет спрятаться от меня, не так ли, Табби?

— Нет, сэр, — прошептала я.

Я не могла оторвать взгляд от пистолета, такого блестящего и смертоносного.

Это был старый пистолет, который он хранил в шкафу у себя дома, тот, за который он хватался всякий раз, когда ощущал ностальгию по былым временам.

У него были и другие, более новые, изящные, но этот пистолет с такой же легкостью мог убить человека. Мог убить Зверя.

— Подойди сюда, Табита, — приказал мне отец.

Я подошла и встала рядом с ним, отчего у меня задрожали губы, а руки затряслись еще сильнее.

— У нас со Зверем был уговор, и знаешь, что? Он нарушил наше соглашение. У этого мудака ничего для меня нет. Он грязный, лживый предатель.

— Да, сэр.

— Итак, ты находилась здесь как часть сделки, но больше он тебя не получит.

Я кивнула.

— Флорес даст мне за тебя наркотики и много денег, этот же мудака просто давал мне дозу и немного налички. Как оказалось, это была невыгодная сделка. Я позволил тебе остаться здесь на некоторое время, потому что дурь была по-настоящему хорошей, но теперь это не имеет значения. Уговор нарушен, и я хочу получить за тебя намного больше.

— Да, сэр.

Даже непонятно, как мне удавалось отвечать, ведь во рту все пересохло от ужаса. Я смотрела отцу прямо в лицо и не представляла, как смогу сделать еще один шаг вперед.

— К несчастью для тебя, Флорес не заботится о кисках, он не ставит их на пьедестал, — произнес папаша с неприятной ухмылкой на лице. — Он не будет трахаться с тобой сам. Его заботят только деньги, поэтому он будет продавать тебя своим друзьям.

Я промолчала.

— У него отличная бизнес-модель. Приходишь ради дури, остаешься ради девочек. Приезжаешь к девочкам, покупаешь наркоту. Все взаимосвязано.

Я так ничего и не сказала. Даже не думала, что смогу.

— Ты будешь сутенером у собственной дочери? — ошеломленно спросил Зверь.

— А чем ты думаешь, я занимался последние шесть месяцев? Я продал ее тебе не для того, чтобы она подметала твои гребаные полы, и ты это знаешь.

Никто не ответил.

— Ага, я так и подумал, кретин. Ты не такой уж большой и сильный, когда хочешь быть единственным, кому она достанется, не так ли? Я позволял ее трахать, потому что получал наркотики, но теперь я отдам ее Флоресу. Пусть ее трахают другие, а я буду получать за это свою дурь. Или я должен записать это для тебя, как будто ты гребаный ребенок?

Я вынудила себя оставаться без движения, хотя меня так и подмывало дотронуться до телефона, который, если мне очень повезет, сможет записать все это.

Но отец бы все понял, если бы увидел какое-то движение.

Папаша мог быть достаточно взрослым, чтобы лепетать как дурак, но он не был идиотом.

К величайшему сожалению.

— Кроме того, буквально только что, я здесь уже пояснил кое-что твоему любовничку. Твоему рыцарю в сияющих доспехах. Я не считаю, что ты моя дочь. Мне кажется, что ты не похожа на меня, и я не думаю, что твоя мать была достаточно умна, чтобы не раздвигать свои поганые ноги.

Тишина.

— Ты понимаешь, что это значит? Я потратил последние восемнадцать лет на заботу о чужом ребенке как конченный лошара. Я много лет назад должен был отделаться от тебя и твоей гребаной матери и поселиться с хорошей девушкой вроде Кэнди.

Он сделал паузу.

— Может, не вроде Кэнди, сучка становится заносчивой. Когда я избавлюсь от тебя, то отправлюсь преподавать ей урок.

Я поежилась.

Девочки тоже будут в той квартире. Или им придется наблюдать, как он будет избивать их мать, или они вмешаются, и папаша причинит боль им тоже.

Тут не было хорошего варианта.

Кроме того, я не хотела, чтобы он навредил Кэнди.

Я должна была увести отсюда папашу и дать Зверю возможность позвонить в полицию.

То, что отец сказал, будто я не его ребенок, меня совсем не удивило. Это был просто следующий шаг под действием наркотиков. Злость, агрессия, паранойя.

Все шло согласно его еб*нутой манере поведения.

Я должна была увести его от Зверя. После паранойи наступит либо пора сентиментальных слез, либо слепая ярость, и если это будет гнев, он будет в состоянии убить Зверя, невзирая на последствия. Отец всегда думал, что он слишком умный, чтобы попасть в руки копов, так что ему даже не придет в голову, что его могут арестовать.

Я внимательно следила за тем, чтобы не притронуться к телефону, который лежал в моем кармане.

— Ну что, сука? Готова ехать? — спросил он, изобразив беспокойство.

— Да, сэр, — ответила я.

— Хорошо. Иди и открой гребаную дверь, — приказал отец.

Он сделал два шага назад, но пистолет продолжил четко указывать на Зверя. Мой отец мог быть обколотым мудаком, но у него была твердая рука.

— Ты, сядь в это кресло.

Зверь подошел к креслу у стены напротив двери, и каждое движение, которое он делал, выглядело чересчур осторожным.

— Хорошая работа, парень. Теперь брось мне свой телефон.

Зверь засунул руку в карман джинсов и медленно вытащил свой телефон. Он наклонился, чтобы положить его на пол, и подтолкнул к моему отцу.

Папаша с силой наступил на мобильный, раздавив его на куски. Он пнул жалкие остатки, разметав их по всей поверхности пола.

Я надеялась, что ему не придет в голову, что у Зверя могли быть другие телефоны. Или что телефон был у меня.

— Могу я забрать свой рюкзак? — спросила я.

Что-нибудь, чтобы отвлечь его от Зверя, разбитого телефона и привлечь внимание отца на себя.

— За каким хреном он тебе нужен?

— Там все мои домашние задания, — сказал я.

— И? Дерьмо, ты тупая сука, ты еще ничего не поняла, да? — прорычал он. — Не будет больше никаких занятий. Больше не будет никакого колледжа. У Флореса тебя будут трахать по восемь-десять парней в день, пока ты не окажешься слишком старой, чтобы приносить пользу. А потом он сбросит тебя в какую-нибудь неглубокую могилу. Я видел, как он проделывал подобное дерьмо.

Я не стала притворяться, что мне не было чертовски страшно. Я сглотнула и позволила слезам стекать по моему лицу.

— Пожалуйста, не отдавай меня ему, — умоляла я. — Пожалуйста, позволь мне остаться со Зверем или просто отвези меня домой, ладно? Пожалуйста, не отдавай меня Флоресу.

— Я не собираюсь удерживать тебя в безопасности по доброте душевной, — произнес папаша. — Тебе уже восемнадцать, и если ты сбежишь, я не обязан заявлять о твоём исчезновении. Это то, что я и собираюсь сделать. Все будет выглядеть правдоподобно.

— И ты не навредишь Зверю? — спросила я.

— Да, прекрасно. Держи рот на замке и перестань ныть из-за глупого дерьма, и я не причиню вреда твоему парню. Пока он не сделает какую-нибудь глупость, вроде того, чтобы вызвать копов.

Он ухмыльнулся.

— Ох, подождите. Он не сможет этого сделать, не так ли? К тому времени, как он позвонит в полицию, будет уже слишком поздно. Ты уже будешь в Южной Каролине с членом в своей п*зде.

— Зверь, пообещай, что ты никому не скажешь, ладно? Я не хочу, чтобы ты пострадал. Если кто-нибудь спросит, скажи, что я сбежала.

— Нет, Табита...

— Зверь! Обещай мне.

Я впилась в него взглядом, отчаянно желая, чтобы он меня понял. Я хотела, чтобы Кори немедленно вызвал гребаных копов. У моего отца был весьма приметный грузовик. Если Зверь позвонит достаточно быстро, то они смогут задержать его.

Они смогут спасти меня.

Кори сглотнул.

— Отлично, черт возьми. Я покончил с тобой и твоей сумасшедшей гребаной семейкой, — сказал Зверь.

Я почувствовала, как на меня нахлынуло облегчение. Он никогда не сказал бы подобного в нормальной ситуации. Зверь, должно быть, понял, о чем я говорила; должен был понять, зачем я это делала.

— Хорошая работа, любовничек, — глумился мой отец. — Топай в гребаный грузовик, сука.

Я начала пятиться к двери.

Никто из мужчин не пошевелился.

Я вышла в декабрьскую слякоть, босиком. Мне повезло, что на мне хотя бы оказался надет легкий свитер.

Я забралась в машину и пристегнулась ремнем безопасности.

Мой отец остановился на пороге хижины.

Я ничего не слышала, а затем прозвучал... выстрел. Вскрик, и все стихло.

Отец подбежал к грузовику и, заскочив в кабину, ударил меня по лицу, когда я попыталась дотянуться до двери, одновременно расстегивая ремень безопасности.

— Оставайся в проклятом грузовике, — закричал он.

Я покачала головой, а потом зарыдала и начала с ним бороться.

Он перегнулся через меня и захлопнул дверь, после чего дернулся к дверце со стороны водителя и закрыл ее. У него были детские блокираторы, так что я не смогла открыть дверь или окно.

Я оказалась в ловушке.

Мне оставалось лишь надеяться, что Зверь был в порядке и уже направлялся к телефону, чтобы позвать на помощь.

— Я сказал, чтобы ты оставалась в гребаном грузовике, — произнес мой отец и, схватив меня за волосы, ударил об боковое стекло двери.

Я увидела звезды, и на секунду мой мир померк.

— Так-то лучше, — пробормотал папаша, когда я перестала сопротивляться.

Он вытащил рулон черной ленты и, схватив меня за руки, обмотал их так крепко, что я не могла пошевелить ими.

Мне было больно, я понимала, что если лента останется на моих запястьях надолго, то руки занемют. И хоть связана я была крепко, это никак не мешало кровообращению в конечностях.

Отец завел грузовик и направился прочь от дома, где лежал раненый Зверь.

Я ничего не говорила.

Я чувствовала себя замороженной.

Я представляла Зверя, который позвонил в полицию, как только отец забрал меня.

Или, возможно, я уже потеряла его.

Неожиданно грузовик остановился между хижин и дорогой. Папаша снова достал ленту и обмотал ею мои лодыжки.

Прежде чем я успела хоть что-нибудь сказать, мой рот тоже оказался заклеен.

Он вылез из грузовика и перешел на мою сторону, а потом открыл дверь и, расстегнув ремень безопасности, стащил меня с сидения. Я пыталась бороться, но со связанными запястьями и лодыжками, не было почти ничего, что я могла бы сделать, кроме того, как издавать приглушенные крики.

Он легко перебросил меня через плечо и залез в кузов грузовика, где открыл свой большой ящик для инструмента и вытащил верхний отсек.

Под ним оказалось пустое пространство, на треть заполненное старой соломой.

Я покачала головой, снова и снова пытаюсь закричать.

Отец бросил туда свежей соломы, запихнул меня в ящик, после чего вернул на место отсек с инструментом и закрыл крышку.

Несколько долгих мгновений, я думала, что умру там, задохнувшись в грузовике.

А потом я поняла, что металлический ящик, в котором я находилась, был разобран, у него не было дна, и он стоял прямо на полу кузова. Его края не вплотную прилегали к поверхности подо мной, и там были щели, которые пропускали свет и воздух.

Я заставила себя сделать глубокий вдох.

Я не собиралась умирать в этом грузовике.

Не собиралась.

Дела были плохи, было неудобно, но мне не грозила опасность. Не от грузовика, по крайней мере.

«Если мы не попадем в аварию», — слегка отчаянно подумала я.

«Глубокий вдох», — напомнила я себе. — «Глубокий вдох». Меня поразила мысль, что я внезапно стала гораздо больше симпатизировать необычным пасхальным яйцам, которые упаковывали в маленькие коробочки с искусственной травой.

Я позволила себе захихикать, пока не поняла, что прибывала на грани истерики и должна была взять себя в руки.

Я начала осторожно шевелить руками, чтобы понять, насколько далеко смогу развести ладони и сколько пространства у меня имелось внутри ящика.

Чертовски мало, но я оказалась в состоянии достать из кармана свой телефон, кое-как разблокировать его и остановить запись диктофона. Не было смысла разряжать аккумулятор. К счастью, он был полностью заряжен, когда все пошло не так, как надо.

Я снова выключила экран, поморщилась от боли, когда лента врезалась в руки, и на минутку попыталась думать рационально.

Телефон находился в колыбели моих рук, как будто был сделан из тончайшего стекла. Если бы я его уронила, то другого шанса у меня бы уже не было. Ни при каком раскладе, я не смогла бы изогнуться, чтобы найти его в соломе.

Что же, это и было моим первоначальным вариантом. Я могла бы спрятать его в соломе и надеяться, что Зверю удалось позвонить в полицию и убедить их отследить чертов грузовик по GPS.

Зверь.

Я даже не знала, жив ли он.

Я была одна.

Я никому не могла доверять. Ни при каком раскладе я не могла позвонить, с лентой, приклеенной к моему рту, или написать кому-то сообщение, кто смог бы помочь мне справиться с отцом.

Подождите-ка.

Возможно...

Возможно, был один человек.

Она была моей последней надеждой.

Я включила телефон и сумела запустить приложение с набором текстовых сообщений. Потребовалось три попытки, чтобы нажать на изображение Кэнди, но, в конце концов, я это сделала.

Глава 16

«Помоги», — напечатала я.

«Джонни в кабине. Зверь ранен».

Я отправляла сообщения, в которых было всего по несколько слов. Всегда был риск, что я уроню телефон. Мне было необходимо сообщить ей как можно больше информации.

«Вызови скорую».

«Помощь скоро придет», — написала я Кори.

«Полиция сможет найти грузовик по моему GPS, пожалуйста, помощи», — отправила я Кэнди.

Я глубоко вздохнула, когда отправила сообщения. По крайней мере, я уже сообщила главное, так что могла продолжить писать Кэнди. Я собиралась рискнуть и написать более длинное смс.

«Я заперта в ящике из-под инструментов, и он собирается продать меня Флоресу. Все действительно плохо, и мне очень страшно».

Я остановилась и на мгновение задумалась.

«Если ты не найдешь меня, скажи девочкам, что я очень сильно их люблю. Обоих. Они все для меня, и я так ими горжусь».

Задумалась еще на минутку.

«Спасибо тебе, что помогала мне видаться с ними. Мне жаль, что я не была хорошей падчерицей. Теперь я собираюсь попробовать спрятать телефон».

Я тщательно проверила, чтобы на телефоне был установлен беззвучный режим и работала геолокация, а затем выключила подсветку экрана.

Почти сразу я включила его снова, чтобы посмотреть, не ответила ли мне Кэнди. Чтобы проверить время. И чтобы получить хоть мизерное количество света в этом небольшом ящике. Я не была точно уверена, каким было мое оправдание, но, Боже, мне хотелось, чтобы

телефон все продолжал и продолжал освещать темное пространство.

Я заставила себя выключить экран, но моя решимость продержалась не долго.

Я знала, что от постоянного мелькания, батарея разрядится очень быстро, поэтому мне пришлось взять себя в руки и справиться со своими страхами.

Пришло время выключить его насовсем.

Не было никакой причины надеяться, что Кэнди или Зверь смогут быстро ответить мне. «Зверь мог быть...» — я не смогла закончить мысль. Кэнди казалась более безопасной темой. Она или спала, или кормила девочек завтраком; так или иначе, я не могла ожидать, что она сразу же заметит смс-ки.

Даже если мне не хотелось этого признавать, Кэнди не была одной из тех мамаш, которые вечно болтали по телефону. После долгого дня, да, но не первым делом с утра пораньше.

Она уделяла моим младшим сестрам внимание, которого они заслужили, много времени. Как моя собственная мать.

Мысли о Кэнди и моей маме немного успокоили меня, и я смогла продержаться еще целую минуту до того, как снова проверила свой телефон.

Я понимала, что должна была экономить заряд батареек, но не была уверена, что смогу заставить себя это делать.

Никаких новых сообщений не было.

Прошло всего три минуты с того момента, как я отправила смс.

Я сделала три глубоких вдоха. Вдох, выдох. Вдох, выдох. Вдох, выдох.

В конце третьего выдоха, я проверила свой телефон в последний раз — никаких сообщений — и повернулась всем телом насколько смогла, так, чтобы засунуть свой телефон в самый толстый, самый старый слой соломы, как можно дальше проталкивая его туда кончиками пальцев.

Я досчитала до двенадцати, прежде чем попыталась развернуться и нащупать мобильный, копошась в слоях соломы, до которых могла дотянуться.

Ничего.

Я не ожидала, что это заставит меня почувствовать себя лучше, но так и было. Если до него не смогла добраться я, то возможно, что мой отец тоже не сможет его найти.

Без утешительного света и веса своего телефона в руках, я не могла перестать думать о покрытом соломой днищу.

Я пришла к одному неутешительному выводу: мой папаша делал это и раньше.

Он был хуже, чем я о нем думала.

Солома была старой, отвратительной, пропахшей застарелыми мочой и потом.

Это не казалось совпадением, что в ящике из-под инструментов в его грузовике, находилось потайное пространство, где можно было спрятать взрослую женщину. Он не выглядел как-то иначе, чем наборы с инструментами, что я видела в десятках других грузовиков, предназначенных для выполнения различных работ, но помнила, что те мужчины доставали из ящиков инструменты, которые были аккуратно сложены на многоуровневой подставке.

Почему последние несколько лет я не обращала внимания на то, что делал мой отец?

Когда была жива моя мама, я привыкла видеть его на подъездной дорожке, вытаскивающего из грузовика очередной слой, как будто это какая-то русская матрешка.

Догадка поразила меня настолько сильно, что я едва не перестала дышать.

Я не заглядывала и не трогала нижние уровни ящика с инструментами с тех пор, как умерла мама. Возможно, она не умерла или умерла вовсе не от рака.

Возможно, она стала первой женщиной, которую продал мой отец.

Я не понимала, почему была совершенно уверена, что у папаши вошло в привычку продавать женщин, но знала, что это правда.

Он выглядел таким безразличным. У него был конкретный, четкий план и гребаный секретный отсек.

Я не могла быть первой.

Я старалась сохранять спокойствие.

Считалочки не срабатывали.

Мысли о моих сестрах не срабатывали.

Мысли о том, что Зверь остался жив, не срабатывали.

Наконец, я закрыла глаза и попыталась уснуть, сосредоточившись на глубоких вдохах, один за другим, не думая ни о чем конкретном.

Меня радовало то, что я сделала хоть что-то, чтобы сообщить людям, где находилась.

Я не собиралась быть ослепленной и слабой, чтобы стать следующей жертвой этого монстра, без какой-либо возможности на спасение. Я быстро все обдумала и приняла решение.

Даже если я умру... даже если не смогу... я не хотела стать одной из тех девушек, которых вы видите в новостях; кто сдался и спокойно принял свою судьбу.

«Честно говоря, — сказала я самой себе, — все, что я сделала, произошло благодаря тому, что у меня в кармане был спрятан мобильный телефон. Если бы его не было, чтобы я, черт возьми, делала?»).

Я попыталась напомнить себе, что была ничем не лучше любой другой девушки, которая могла оказаться заперта в этом ящике. Просто я оказалась чуть удачливее, но это ненадолго. Ожесточенная гордость, что я ощутила сейчас, была лучше, чем отупляющий ужас, который я испытывала до этого.

Когда оказалась заперта.

Мой отец облажался, не проверив меня на наличие телефона.

Возможно, он облажался в чем-то еще.

Грузовик уже некоторое время двигался с постоянной скоростью, что означало, что мы выехали на шоссе. Не на многих дорогах в округе было безлюдно в девять или десять утра в субботу.

Если я смогу привлечь внимание другого водителя, кто-то непременно позвонит в полицию.

А это уже что-то.

Я заерзала на спине по грязной соломе и использовала локти и колени, чтобы упереться в лоток с инструментами как можно сильнее.

Он двигался.

Двигался.

Было тяжело, но я чувствовала, что крышка приподнималась.

Меня охватила безудержная надежда.

У меня был шанс.

Лоток уперся в крышку и остановился. Я услышала лязг замка снаружи. Он ничего не забыл. Он запер ящик.

Мои надежды оказались разбиты, разрушены, уничтожены.

Я почувствовала, как по горлу начал подниматься крик, и я не сделала ни единой попытки, чтобы остановить его. Из меня вырывались мой страх и разочарование, пока я пинала по стенке ящика босыми ногами снова и снова.

Я не знала, на что надеялась: сломать стенку ящика или просто создать достаточно шума, чтобы меня выпустили.

От резкого торможения я всем весом ударилась о твердый металл.

Я перестала брыкаться, и снова раздался тихий рев двигателя, который начал набирать скорость.

Я пнула крышку снова и приготовилась к расплате.

Грузовик дернулся вперед, да так, что я подлетела в воздух, оторвавшись от соломы, после чего врезалась головой в размещенный надо мной ящик с инструментами.

Когда все зануло, и я, ошеломленная, легла на спину, тогда до меня дошло его сообщение.

Если бы я продолжила колотить по ящику, отец бы наказал меня. Быстро и болезненно. Я не была уверена, что меня нельзя убить, если ударить о металл и толстый пластик достаточное количество раз.

В голову закралась шальная мысль, что если меня слышал отец, то я смогла бы подать сигнал о помощи кому-то другому, когда папаша остановится, чтобы заправиться или купить что-нибудь.

Здравый смысл взял верх.

У грузовика моего отца был необычно огромный бензобак, и он дотошно относился к тому, чтобы тот был постоянно полным, заезжая на заправку по три раза в неделю.

На таком запасе топлива папаша мог проехать без остановок два штата.

Если бы я подала кому-то сигнал о помощи, то, вероятнее всего, он оказался бы у Флореса или его парней, и тогда они поняли бы, что я все еще сопротивлялась. Они не дали бы мне ни единого шанса на то, чтобы освободиться.

Только еще один повод убедиться, что мой отец совершал это и раньше.

Я глубоко вдохнула.

Прямо сейчас я ничего не могла поделать.

Я знала, что самая умная вещь, которую мне стоило сделать, — это немного отдохнуть, даже заставить себя поспать, но прекрасно понимала, что не смогу. Прятаться в шкафу было одно, но быть запертой в небольшой металлической коробке? Она была настолько сильно похожа на гроб, что вызвала во мне примитивное желание выжить.

И все же, вместо этого я решила подумать о Звере.

Независимо от ситуации, он должен был быть в порядке.

Думать по-другому было слишком страшно, слишком пугающе.

Я вспомнила о встрече с огромным силуэтом в дверях глубокой ночью. Впервые, когда я увидела его, я так испугалась. Мне казалось, что он причинит мне боль, изнасилует, а затем убьет меня.

Потребовались месяцы, чтобы мои нервы прекратили сходить с ума, когда я оказывалась рядом с ним.

Если задуматься, я даже не уверена, когда все изменилось.

В один прекрасный день я просто перестала бояться.

А немного погодя начала ему доверять.

Раньше я никогда не доверяла подобным людям, поэтому мне было так мучительно сложно признать это. Я чувствовала себя такой глупой, когда, наконец, сложила всю картину воедино. Со Зверем мне было хорошо, потому что я чувствовала себя в безопасности.

Он заставлял меня смеяться.

Не многие люди когда-либо делали это — заставляли меня смеяться вслух без страха, не закрывая рот и не оглядываясь по сторонам.

Я доверила ему свою безопасность.

Я не должна была этого делать.

Я оказалась заперта в металлическом ящике.

Потому что сделала это.

Какой-то части меня все еще казалось, что он запрыгнет на крышу грузовика и начнет бить себя кулаками в грудь словно горилла.

Именно так должны были вести себя герои, верно?

Несмотря на все происходящее, этот образ заставил меня улыбнуться.

«Я в порядке, Зверь. Я буду ждать тебя. Просто не сдавайся», — подумала я.

Я буду ждать.

Глава 17

Оставшаяся часть поездки уложилась в десять минут. Или заняла часы.

Время в ящике потеряло значение.

Я не знала, смогла ли уснуть. Мне определенно не было спокойно. Я сделала несколько глубоких вдохов и попыталась остановить приступ паники, прежде чем поняла, что что-то изменилось.

Грузовик замедлился.

Какое-то время меня кидало из стороны в сторону, пока машина поворачивала. Несколько раз грузовик останавливался.

Каждый раз, когда я набиралась смелости, чтобы зашуметь, грузовик начинал реветь, и меня опять подбрасывало так, что я со стуком ударялась об пол.

«Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста», — мысленно хныкала я.

А потом все повторялось.

— Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста.

Я не была уверена, о чем молила: отца, чтобы он остановился; Зверя, чтобы спас меня; Кэнди, чтобы позвонила в полицию, или Бога, чтобы просто даровал мне быструю смерть.

Грузовик остановился.

Отец вышел из машины и хлопнул дверью.

Я слышала голоса, которые разговаривали с ним, но не могла разобрать слова. Они звучали слишком тихо.

Один звучный удар... кто-то залез в грузовик?

Теперь, когда грузовик стоял на месте, я поняла, что хотела бы кататься вечно. По крайней мере, я была одна в своем ящике. Никто не мог причинить мне боль в моей коробке.

Я надеялась, что они еще не готовы меня вытащить.

«Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста», — взмолилась я.

Если я продолжу находиться внутри ящика, то меня никто не тронет.

Я знала, что они сделают со мной, когда достанут из нее.

Отец годами рассказывал мне об этом, но я считала, что он просто пугал меня. Я не

верила ему. Теперь же я оценила степень реальности его угроз.

Он рассказывал, что, как только я приеду, сутенер обольет меня холодной водой из шланга и оставит лежать холодной, голой и одинокой. А потом меня привяжут к кровати и отправят ко мне первого клиента. За меня заплатят больше, потому что я буду новенькой. И их не будет волновать, если я начну кричать.

После того, как меня несколько раз изнасилуют, и они решат, что мой дух достаточно сломлен, я буду развязана и перемещена туда, где меня будут поджидать десять или пятнадцать парней, которые трахнут меня одновременно.

Отец рассказывал, что почти никто из девочек после этого не оказывал сопротивление, хотя было еще два варианта дальнейшего развития событий.

В первом случае меня начнут обкалывать дешевым метом, и мне будет все равно, трахают меня, жива я или уже сдохла, все, что угодно, лишь бы получить очередную дозу... Во втором — они запрут меня в темной комнате на несколько недель, где не будет ничего, кроме ведра, чтобы писать, а также небольшого количества еды и воды. Недостаточно, чтобы поддерживать во мне жизнь, но достаточно, чтобы не позволить мне умереть с голоду.

После чего меня вытащат из комнаты, возможно, с завязанными глазами, избьют или снова пустят по кругу.

Отец говорил, что помогал своим друзьям ломать женщин таким образом, но я думала, что он просто пытался меня запугать.

Это срабатывало, даже когда я ему не верила.

Пока я лежала в ящике и вспоминала каждое сказанное им слово, мои зубы стучали от ужаса.

Воцарилась тишина.

И тут, откуда ни возьмись... послышались крики. И выстрелы.

Кто стрелял? Если борта грузовика была открыты, то пуля могла попасть в ящик. Металл был толстым, но не пуленепробиваемым.

Неужели мне было суждено умереть именно так?

Вопли и крик становились все громче и громче. Я не могла разобрать, что за шум раздавался вокруг. Мир будто сошел с ума, превратившись в сплошной рев, который заполнил все пространство.

Он отдавался едва ли не эхом вокруг ящика.

Шум смешался с моим криком, который заглушала изолента, которой был заклеен мой рот.

Я начала пинать ящик, снова и снова. Я не понимала, пыталась ли я заглушить шум стрельбы или хотела быть услышанной.

Все, что я знала, — я не хотела умирать.

Я хотела увидеть Кори.

Мне казалось, что если я окажусь в его объятиях, то все будет хорошо.

Даже более того, я хотел увидеть своих сестер. Я хотела обнять Кристал и почувствовать, как Карла будет сидеть у меня на коленях, пока мы будем читать сказки. Я хотела быть назидательным примером, пока они растут, и хотела быть их сестрой. Я хотела видеть, как они ходят в школу, выходят замуж, рожают детей.

Я хотела увидеть, как они расцветут без моего отца.

Я должна была оставаться сильной ради них.

Мне придется пережить это.

Если я умру, у них останется лишь несколько воспоминаний о том, как мы пекли торт. Так же, как и у меня о моей матери.

Этого было недостаточно.

Я не позволю себе умереть.

«Дыши глубоко, дыши глубоко».

Наконец, я успокоилась достаточно, чтобы понять, что шум прекратил звучать одним потоком. Я могла расслышать отдельных людей, даже если не понимала, что и кому они кричали.

Выстрелов больше не было.

Я не знала, хорошо это или плохо.

Может быть, перестрелка была между двумя бандами, ни к одной из которых не относился мой отец. В лучшем случае, даже если Кэнди получила мои сообщения и не испугалась или не слишком пренебрежительно отнеслась к тому, чтобы вызвать полицию, меня арестуют в другом штате, и никто и никогда не сможет найти меня.

По крайней мере, я все еще была в своем ящике со своим телефоном.

Я не знала, надолго ли еще хватит заряда батареи, но это было хоть что-то.

Возможно.

Дерьмо.

Я услышала лязг открывающегося замка.

Крышка ящика открылась.

А потом кто-то поднял лоток для инструмента.

Глава 18

Я закрыла глаза, потому что не желала видеть, кто это был, не хотела иметь дело с реальностью, в которую прекратилась моя жизнь. Я боялась, что чтобы не случилось дальше, моя жизнь обречена.

— Табита? — раздался спокойный женский голос.

Я не ответила.

Я прижалась к стенке ящика, свернувшись в клубок, пока из глаз текли слезы.

Во многих бандах были женщины, если они занимались женской проституцией. То, что со мной разговаривала женщина, а не Флорес, еще ничего не значило.

Я не могла позволить себе надеяться.

— Табита Лоу? — спросила женщина. — Ты в порядке. Я вытащу тебя отсюда, окей? Я — заместитель шерифа Рэйлин Мерфи. Ты не могла бы взглянуть на меня, пожалуйста?

Это по-прежнему могло быть ловушкой, какой-то извращенной игрой с разумом, но я задержала дыхание и открыла глаза.

И поморщилась от полуденного солнечного света.

После нескольких часов, проведенных в ящике, куда проникали только крошечные лучи света, сейчас его казалось слишком много.

Глаза болели и были наполнены слезами, но взглянув вверх, я увидела склонившуюся надо мной женщину. Ее короткие каштановые волосы обрамляли приятное лицо в форме сердечка. На нем почти не было макияжа, и я заметила коричневую форму и накрахмаленный воротничок, когда зрение прояснилось.

— Хочешь увидеть мой значок? — спросила она.

Я кивнула.

Она показала большой блестящий значок как у шерифа, который я смогла рассмотреть. Он выглядел настоящим, а не пластиковой игрушкой.

— Ладно, Табита, ты в порядке, — повторяла она тем же успокаивающим тоном. — Выглядишь так, будто тебе на самом деле очень неудобно. Ты все еще связана, и мы хотим вытащить тебя оттуда, но не желаем прикасаться к тебе, пока ты не скажешь нам, что согласна. Окей?

Я кивнула.

— Мы можем сначала вытащить тебя из ящика или оторвать от губ ленту. Один кивок, чтобы вылезти из ящика, два, чтобы освободить рот.

Я кивнула дважды.

— Ладно, я займусь этим.

Она крикнула кому-то через плечо, чтобы ей передали детское масло. Женщина не переставала смотреть на меня, но я видела, как она передернула плечами, когда кто-то сунул его ей в руку.

В то время, пока она ждала его, то объясняла мне:

— Я боюсь, что если просто потяну за ленту, то тебе будет действительно очень больно. Я не хочу травмировать твои губы, окей?

Я решительно кивнула. Движение напрягло мышцы спины, и тогда я осознала, каким затекшим и несчастным ощущалось мое тело.

Мне на самом деле будет очень, очень больно, когда освободят мои связанные конечности.

Я была рада, что первым делом выбрала избавиться от ленты.

— Масло поможет. Я налью его на ленту, и это будет ощущаться действительно странно, но поможет мне более мягко отклеить скотч. С этим порядок?

Не стала кивать или качать головой. Я не была уверена, что все в порядке.

— Пожалуйста, Табита, кивни один раз, если выбираешь масло, и два раза, если хочешь просто дернуть ленту.

Я медленно кивнула два раза.

Очень медленно, она поддела край ленты и начала отдирать ее с моей кожи. Это оказалось больно, поэтому я захныкала. Женщина остановилась, чтобы проверить могла ли она продолжать, и я кивнула.

Чем раньше с моего рта снимут ленту, тем быстрее я смогу спросить о Звере.

Когда она добралась до моих губ, я покачала головой.

— Хочешь попробовать способ с маслом? — спросила она.

Я кивнула.

Женщина очень аккуратно полила детским маслом мой рот и размазала его по всей ленте. Она была права, это ощущалось действительно странно.

Я попыталась не паниковать, когда масло потекло в сторону моего носа.

Эта женщина не могла позволить мне задохнуться от масла, пока я была не в состоянии дышать через рот. Она потратила на мое спасение слишком много усилий. Рэйлин не стала бы заморачиваться тем, чтобы добыть форму шерифа, если просто хотела жестоко меня убить.

Мне пришлось сделать глубокий вдох и довериться ей.

Наконец она смогла отклеить большую часть черной ленты с моих губ, оставив половину лица болезненной и мокрой.

— Постарайся не говорить, милая, — сказала она, когда полностью отлепила скотч.

Я проигнорировала ее.

— Зверь, — прохрипела я. — Кори.

— Он в порядке, — сказала она. — У него все хорошо. Мне жаль, я должна была сказать сразу. Мистер Питтмэн в больнице. Парень потерял много крови, так что все еще слегка дезориентирован, но я слышала, как врачи говорили, что он будет в порядке.

Часть меня чувствовала себя оскорбленной от того, что женщина говорила со мной как с пятилеткой.

Остальная часть меня была рада.

Мне было достаточно трудно сосредоточиться на том, что она говорила, но я не хотела ничего упустить.

— Кэнди? — попыталась спросить я, но звук моего голоса растворился в кашле.

— Секундочку, милая, — сказала Рэйлин, снова оглянувшись через плечо. — Офицер Коулмэн. Мне нужна бутылка воды и солома.

Женщина повернулась ко мне.

— Ты хочешь, чтобы я начала смазывать маслом ленты на руках?

Я кивнула.

Рэйлин возилась со мной несколько минут, помогая попить воды и избавиться от лент, которые обвили мои руки. Они были затянуты слишком туго, и когда к конечностям вернулась чувствительность, я едва не задохнулась от боли, после чего расплакалась.

Заместитель шерифа Мерфи продолжала сочувственно лепетать все это время, чтобы отвлечь меня.

— Я думала, вы сразу вытащите меня из ящика, — сказала я, когда почувствовала себя более комфортно. К счастью, ноги болели не так сильно, как руки и плечи.

— Мы обучены обращаться с жертвами похищения, — сказала она. — Не то, что мы видели их много, но это входит в обязанности департамента полиции, ты же в курсе этого?

Я кивнула, благодарная ей за то, что она поддерживала беседу.

— Мы знаем, что, если резко вытащить кого-то, кто даже немного травмирован, в толпу полицейских и сигнальных огней, а так же телевизионщиков, то справиться с ситуацией может быть еще сложнее.

Я кивнула.

— Так что мы ждем, когда жертва будет готова, если такое возможно. Иногда это небезопасно, или человек пострадал слишком сильно, но у тебя нет никаких других телесных повреждений, а когда я предложила покинуть ящик, ты выглядела совершенно испуганной. Я отогнала других парней. Я имею в виду, ребята со скорой помощи немного настойчивы в желании позаботиться о тебе, поэтому мы не можем ждать вечно, но мы знаем, что сейчас потраченные полчаса чуть позже окупятся.

— Ага, — прохрипела я.

Подумав о том, какой напуганной я себя ощущала, когда открывали крышку ящика, мне действительно хотелось поблагодарить Рэйлин, что она оставила выбор за мной.

— Как вы меня нашли? — спросила я.

— Твоя мачеха посадила своих детей в машину и приехала в ближайший полицейский участок прямо в пижаме. Она сказала, что побоялась, что люди из 911 не станут ее слушать, и захотела сразу показать кому-нибудь сообщения. Она не знала, где жил Зверь, и не знала его настоящего имени, но была уверена, что с тобой что-то случилось. К счастью, кто-то из

офицеров понял, что Зверь был тем парнем, с которым работали его коллеги, и позвонил им. А те уже в свою очередь вызвали «Скорую помощь».

Я кивнула и, несмотря на пережитое, улыбнулась.

Кэнди выбежала из дома в пижаме, чтобы помочь мне.

Слезы защипали глаза, но не от боли. Я была так тронута и благодарна. Я никогда не видела Кэнди такой — спускающейся к завтраку без красивого наряда и наложенного на лицо макияжа.

— Миссис Лоу хотела поехать с нами и убедиться, что ты будешь в порядке, но парни из местной полиции убедили ее, что ей необходимо остаться с дочерьми. Они все беспокоятся о тебе.

— Я тоже беспокоюсь о них, — с улыбкой произнесла я.

— Как только они поняли, что Джонни Лоу вывез тебя из штата, то попросили кое-кого сесть и позвонить в каждый ближайший полицейский участок, чтобы убедиться в решении вопросов юрисдикции. Мы знали, что в нашем городе обосновался отморозок по имени Флорес, поэтому отправили несколько автомобилей, чтобы проверить его.

— Вы отслеживали мой телефон? — спросила я.

Она улыбнулась.

— Отслеживали, и это была отличная идея, — сказала она, — но ваша местная полиция также знала несколько мест, где мог находиться Флорес. Отслеживание чьего-то телефона занимает время, и мы должны быстро заставить телефонные компании сотрудничать, а это чертовски раздражительная процедура, намного проще послать несколько человек рискнуть своими задницами.

Я поморщилась.

— Мне жаль, — пробормотала я. — Я не знала.

Ее взгляд тут же наполнился беспокойством.

— Ох, дорогая, нет, я пошутила на счет бюрократии. Ты сделала все правильно, окей? Мы все тобой гордимся.

— Где мой отец? — спросила я после очередного глотка воды. — Вы задержали его?

Она заколебалась.

— Он направил на офицера пистолет, и его подстрелили, — рассказала она. — Он остался жив и матерился в машине «Скорой помощи». Ему прострелили руку, так что, думаю, с ним все будет в порядке.

— Жаль, — проворчала я.

На мгновение на лице Рэйлин появилась усмешка, а потом она попыталась подавить ее, придав себе серьезный вид.

— Говоря о «Скорой помощи», мы действительно, действительно хотим, чтобы ты поехала в больницу, ладно? Мы оттягивали этот момент столько, сколько могли, но медицинские работники становятся нетерпеливыми.

— Ладно, — сказала я.

— Тебе помочь подняться?

Я кивнула.

— Ох, подождите, — сказала я. — Мой телефон. Мой телефон. Он должен быть где-то здесь. Некоторое время назад я сделала запись на диктофон. Не знаю, сработало ли это.

— Черт возьми, девочка, ты изо всех сил пыталась, чтобы кто-нибудь засадил этого ублюдка, не так ли? — спросила она. — Отличная идея. Даже если это не сработало, мы

можем сказать ему, что у нас есть запись, и это напугает его до усрачки. Согласна?

Я согласилась.

Я больше не боялась своего отца.

Он мог бы похитить меня снова, но не сможет заставить меня повиноваться ему, не сможет заставить меня жить в страхе.

Я думала, что смогу встать самостоятельно, но ошиблась. Мои ноги совсем меня не держали, а руки были слишком затекшими, чтобы попробовать на них опереться.

В конце концов, ко мне подошел сам шериф и поднял меня на руки, вытащив из грузовика, чтобы отнести к машине «Скорой помощи». Он был здоровым и сильным, самым крупным из присутствующих здесь мужчин, хотя в его бороде уже было немного седины.

Я подумала, что мне стоило бы испугаться, но он был слишком занят тем, что шутил и поддразнивал меня, будто бы был слишком стар, чтобы носить меня на руках как свою внучку после просмотра мультфильма о принцессе.

— Мои сестры любят мультфильмы о принцессе, — произнесла я и закатила глаза.

Он сочувственно кивнул.

— Это как болезнь, не так ли? В один день все нормально, а потом бах! Принцессы и блески повсюду.

— Однажды, я пришел на работу с блестками на шляпе и даже не подозревал об этом, — сказал один из полицейских, который шел рядом с нами.

Они все еще непринужденно смеялись и шутили, когда усадили меня на каталку.

Когда за меня взялись сотрудники «Скорой помощи», то было решено не проводить полный осмотр, и я смогла оставить на себе свою одежду, но они предупредили меня, что, вероятнее всего, в больнице мне придется это сделать.

Они задавали мне кучу вопросов о том, что случилось, но каждый раз, когда я расстраивалась, позволяли передохнуть пару минут, и снова шутили друг над другом.

Заместитель шерифа Мерфи оставалась со мной все это время.

В конце концов, она поехала со мной в больницу.

Меня тыкали и осматривали до тех пор, пока я не попросила отвезти меня увидеться со Зверем.

По-видимому, для этого потребовалось согласие обеих больниц и трех разных департаментов полиции, чтобы решить, возможно ли это, но они наконец-то согласились с тем, что заместитель Мерфи могла отвезти меня в мой родной город.

Дорога от Южной Каролины до центра Северной Каролины должна была занять примерно три часа.

— Это хорошо, что он пересек государственную границу штата, — радостно сказала офицер Мерфи. — Обвинения будут намного серьезнее, и мы сможем натравить на него ФБР.

Я думала, что это будет довольно скучная и неловкая поездка, но женщина позволила мне называть ее Рэйлин, и мы говорили о трех ее детях, Карле и Кристал.

Наконец, когда я начала зевать, она включила радио, транслировали тихую гнусавую песню.

— Почему бы тебе не устроиться поудобнее и не подремать? — спросила она.

Я кивнула, уже почти провалившись в сон.

Моя паника, наконец, стихла, и я заснула.

Глава 19

Когда мы с Рэйлин вошли в больницу, я растерялась, не зная, куда идти дальше. К счастью, она направилась к информационной стойке и, заговорив вполголоса, показала медсестре свой значок.

— Идем, — сказала Мерфи и махнула в сторону. — Он в палате интенсивной терапии. Ему нужна операция?

Пожилой женщине, чтобы не отставать, пришлось почти бежать за нами, когда я двинулась в сторону лифтов.

Мне пришлось подстроиться под ее темп, чтобы она помогла мне найти нужную палату, ведь промышленные светильники и коридоры без окон сливались у меня перед глазами.

Когда мы слышали крики, то обе быстро побежали.

Завернув за угол, я, наконец, увидела Кори.

— Где Табита? — кричал он, произнося слова так неразборчиво, что я едва смогла разобрать собственное имя. Нужно найти палату. Нужно найти ее.

Он держался за больничную койку, пока стоял, покачиваясь, одетый в больничную накидку, которая обтягивала его широкие плечи.

Кори обернулся, и я увидела, что она не сходилась у него на спине. Спина и задница Зверя оказались продемонстрированы всей комнате.

Медсестра попыталась задержать штору около его кровати, чтобы дать ему немного уединения, но он услышал это и резко развернулся, едва не упав, чтобы отдернуть ее обратно.

— Никаких занавесок, — не членораздельно произнес он.

Я медленно пошла к нему.

Когда я приблизилась, то увидела, что он был обмотан капельницей, которая вот-вот могла быть вырвана от очередного дикого взмаха рукой. Я испугалась, что если ему удастся это сделать, то бедную медсестру забрызгает кровью, пока она будет продолжать попытки уложить мужчину на кровать.

— Кори Питтмэн, — закричала я.

Он замер.

— Верни свою задницу в постель и прекрати трясти ей в воздухе, — сказала я. — Твоя накидка меньше тебя на пять размеров, и ты практически голый скачешь перед целым миром.

— Оу, хорошо, — произнес он. — Табита.

К счастью, санитар поблизости был готов и протянул руку, чтобы поймать Кори, когда тот начал падать, затем уложил этого здоровяка на больничную койку.

Я быстро перешла на другую сторону и встала около его головы, протянув руку, чтобы погладить Зверя по волосам.

— Я волновался, — проворчал он.

— Я знаю, — сказала я. — Теперь перестань глупить и позволь им сделать свою работу, ладно?

Он кивнул.

— Обещаю, — произнес Кори.

А потом снова распахнул глаза.

— Табита? — позвал мужчина. — Ты в порядке? Тебе не больно?

— Я в полном порядке, — успокоила его я. — Засыпай. А я посижу тут, окей? У них

есть журналы. Я буду прямо здесь.

К сожалению, я не смогла просто посидеть и почитать журналы. Врач и медсестра набросились на меня, и через пять минут я уже лежала на кровати рядом с Кори, подключенная к своей собственной капельнице.

— Вы были обезвожены и все еще находитесь не в том состоянии, в котором мы хотели бы вас видеть, — сказал доктор. — Мы собираемся ускорить процесс восстановления и дать вам кое-какие мышечные релаксанты, хорошо? Вы и так были ограничены в движении некоторое время, так что рекомендуем вам просто неподвижно полежать и позволить своему телу расслабиться и восстановиться.

Я подчинилась их заботе, даже когда они сказали мне, что я не могла почитать журналы, потому что это навредит моим пальцам, о которых они очень волновались.

Наконец, я сделала то же самое, что посоветовала Кори, и провалилась в сон.

На следующее утро Кори и я проснулись одновременно.

Медсестры отказались пододвинуть поближе наши койки, заявив, что это нарушение правил противопожарной безопасности, но они раздвинули занавески ширмы, так что мы легко могли видеть друг друга, хотя все еще не имели никакого личного пространства.

Все сотрудники уговаривали нас поесть и от души извинялись за ужасную больничную яичницу, которую принесли нам.

Я не знала, как смогла бы ее проглотить, когда в палату как ангел милосердия влетела Кэнди с двумя пропитанными жиром бумажными пакетами из «Бодженглс» (Прим. Название закусочной с бургерами).

— Я не знала, что вы захотите, — сказала она нам обоим, — так что взяла всего понемножку. Я подумала, что остальное вы сможете отдать медсестрам. Накормить свой медперсонал всегда хорошая идея. Вы поймете, о чем я говорю, если когда-нибудь снова окажетесь в больнице.

— Боже мой, спасибо, мэм, — сказал Зверь, с полным ртом курицы.

Я выбрала яичную лепешку с колбасой и села на кровать, чтобы съесть их.

Пальцы слушались плохо, но я справилась, уронив лишь пару кусочков лепешки себе на грудь. Прогресс.

Кэнди несколько раз оглядывалась через плечо, пока хлопотала над нашей едой, и я, наконец, спросила ее, на что она смотрела.

— Девочек в эту палату не пускают, — сказала она. — Они сидят там, раскрашивая для тебя картинки. Я отдам их тебе, прежде чем уеду.

— К черту все это, — простонала я, откинула одеяло и спустила ноги с края кровати.

— Табита, — предостерегающе произнес Кори.

— Тише, ты. Я — не та, кого вчера прооперировали. Я в порядке. Оставайся на месте.

Он вроде поуспокоился.

Кэнди протянула мне руку, но ничего не сказала про пижаму, в которую я была одета уже вторые сутки, или про стойку с капельницей, которую толкала следом за мной. Это была та ее часть, которую раньше я видела нечасто, поэтому подумала, уж не придумала ли я себе ее заикленность на внешности. Или, возможно, она просто исчезла вместе с моим отцом.

— Остановись здесь, — сказала она и мягко подтолкнула меня сесть в кресло у окна.

Я подчинилась.

Даже при том, что я не хотела этого признавать, я с удовольствием воспользовалась предложенной передышкой. Мышцы тела, как и руки, ощущались воспаленными. Пройти

через всю комнату разом, оказалось для меня слишком утомительно.

Мачеха залезла в свою большую сумку, достала косметичку и расческу, а потом несколько раз пригладила ей мои волосы, после чего скрепила их несколькими блестящими зажимами. Я не протестовала, когда кисточкой она нанесла румяна мне на щеки и подкрасила губы блеском.

— Вот, — довольно произнесла она. — Так намного лучше. Это добавило немного румянца твоим щечкам.

Ладно.

Я не сошла с ума. Кэнди все еще была Кэнди.

Я вышла, чтобы поздороваться с девочками, готовая к слишком крепким объятиям для моих ноющих костей, переполненная радостью от мысли, что мой отец наконец-то будет привлечен к ответственности.

Я была свободной.

Эпилог

Один год спустя

Телефон завибрировал, и я взглянула на экран. Это просто Кэнди напомнила мне не забыть о школьном спектакле Кристал. Как будто я могла, девочки в принципе не говорили ни о чем другом.

Они не понимали, что прошел ровно год с того момента, как меня похитили. Я хотела, чтобы они были рядом, подумав, что мне будет трудно пережить годовщину, но, в конце концов, это был всего лишь еще один обычный день.

Мой отец все еще находился под стражей, и это было всем, что имело значение. Я не думала, что он освободится в ближайшие двадцать лет, даже если его поведение будет самым примерным.

Пока он находился в тюрьме, большинство моих страхов... испарились.

Я встала. Это было трудно, но не невозможно. Единственная вещь, которая удерживала меня на месте, заключалась в том, насколько удобным казался диван под стеганым одеялом матери Кори.

По пути на кухню я захватила пустую кружку из-под горячего какао.

Увидев Кори перед раковиной, я рассеянно похлопала его по попе и тут же оказалась зажата между ним и столом, когда попыталась поставить свою кружку в посудомоечную машину. Несколько капель шоколада приземлилось на открытую дверцу, и я наклонилась, чтобы вытереть их мягкой тряпкой.

— Мне казалось, что это должен делать я, — сказал он. Когда мужчина повернулся, то свет отразился в его глазах, а на лице расцвела яркая улыбка.

— Делать что? — спросила я, облокотившись на стойку позади него. — Оттирать какао?

— Щупать тебя за попку, пока ты моешь посуду, — сказал Кори.

— Ох, и правда. Вероятно, я — неадекватная девушка.

— Думаю, тут неадекватный только я, — произнес он, и его улыбка стала еще шире. — Я бы просто отправил тебя на кухню сделать со мной бутерброд (Прим. имеется в виду поза в сексе).

Я закатила глаза.

— Как две маленьких девочки заставили меня приготовить такую большую гору еды? —

он спросил.

— Ну, они хотели, чтобы были брауни, — сказала я.

— И никто из нас не смог отказать им?

— Что-то вроде этого, — признала я.

Кори нежно улыбнулся мне.

— Они — хорошие девочки, — сказал он. — Мы не должны их в чем-то ограничивать.

Они такие послушные. Я надеюсь, что наши дети будут точно такими же, как они.

— Так ты хочешь маленьких девочек? — спросила я.

— Я не могу решить, давай просто заведем десятерых детей, таким образом, у нас определенно будут оба варианта.

Я не смогла не рассмеяться.

— Это срабатывает не у всех. Далеко не у всех. Кроме того, я не уверена, что хочу десять детей.

— Прекрасно, хорошо. Восемь детей. Последнее предложение.

— Трое.

— По рукам.

Он потянулся, чтобы смахнуть упавшие мне на глаза волосы.

— Я серьезно, это не так работает, — произнесла я. Видимо, я не могла просто отпустить эту тему. — Ты легко можешь получить десять мальчиков или десять девочек, как и оба варианта. Ладно, может, не так легко. Есть небольшая разница. Зависит от сперматозоида, обладающего одной из...

Кори прервал меня поцелуем.

— Я очень, очень рад, что тебе нравятся свои классы по биологии, но я не хочу слышать о хромосомах, пока мою посуду.

— Ха! Я еще не заговорила о хромосомах. Ты запомнил.

— Да помогут мне небеса, — сказал он, вскинув руки вверх в драматичном жесте, а потом вернулся к мытью тарелок.

— Нравится обучаться своей новой профессии? — спросил он, когда я подхватила полотенце для посуды и принялась вытирать тарелки.

— Разумеется, — ответила я.

Я перевелась в местный колледж этой осенью. На специальность биолога. У меня было так много работы, которую я собиралась выполнить, и это было восхитительно.

— Эй, Табита, — произнес Кори, закрыв посудомоечную машину. — Я должен тебе кое-что сказать.

— Ладно, — сказал я, обернувшись и повесив полотенце на ручку посудомойки, чтобы не потерять его.

— Я работал кое над чем в последнее время, и девочки мне помогали, — сказал он.

— Ладно... — с небольшим сомнением ответила я. Я любила своих сестер, но не доверилась бы их выбору, если дело не касалось бы тортов и принцесс.

— Я купил для тебя кое-что, но мне предстояло выяснить, хочешь ли ты это, и если да, то найти правильный способ подарить тебе его.

— Ладно, — все так же настороженно произнесла я.

— Тогда я решил, что это не было правильным. Не хочу отдавать тебе его в какое-то особое время. Хочу, чтобы мы, как обычно, были дома или на кухне.

Я уставилась на него, открыв рот, когда Кори встал на одно колено и выудил из кармана

маленький мешочек.

— У меня не хватило фантазии купить для него коробочку, — сказал он, — но Кэнди помогла мне выбрать кольцо, а Карла и Кристал выбрали мешочек.

Когда он протянул его мне, я смогла рассмотреть влияние своих младших сестер в бледно-розовой вышивке на белой подарочной ткани. Она была изящной и красивой. Безусловно, такой, что сгодилась бы для принцессы. Слезы радости наполнили глаза.

К счастью, кольцо было простым. Один бриллиант и два небольших алмаза в тонкой золотой оправе.

— Оно идеально подходит, — сказала я, и мой голос был едва слышен.

— Так ты выйдешь за меня?

— Да, да, ДА, — закричала я и выпрямилась в полный рост, чтобы обнять руками Зверя за шею. Я любила то, как он ощущался у моей груди, его сильные руки и мощную грудь. От мысли провести остаток своей жизни с ним я почувствовала себя легкой, как пушинка.

Он рассмеялся, подхватил меня на руки и закружил.

— Мы помолвлены! — произнес он.

— Мы собираемся пожениться! — сказала я.

— Ладно, теперь вернемся к серьезному вопросу, — сказал Кори. Он усадил меня на столешницу и прижался своим лбом к моему, заглянув мне в глаза.

— Ну? — спросила я, начав нервничать.

— Нам положено пойти на ужин или заняться диким животным сексом?

— Сначала секс, потом ужин, — ответила я.

— Принято.

Он внес меня в нашу спальню и закинул на кровать, стараясь быть нежным. Как только я приземлилась, то приподнялась на локтях и принялась наблюдать за тем, как он избавлялся от своей одежды, и наслаждалась каждой новой обнаженной его частью, которая мне открывалась.

Я любила голого Кори.

Там тоже были шрамы, в некоторых местах намного страшнее, чем на его лице, но что еще более важным — мышцы на слегка загорелой коже, которые делали моего мужчину сексуальным.

Зверь уже был возбужденным и хотел меня, когда я выскользнула из одежды и бросила ее в сторону бельевой корзины. Даже до того, как он ко мне прикоснулся, я задрожала от предвкушения того, что должно было произойти.

Я наклонилась и приняла его длину в рот, дразня, посасывая и облизывая до тех пор, пока его большая ладонь не проскользнула между моих ног, чтобы подразнить меня в ответ.

Я ахнула вокруг его члена, и Кори ухмыльнулся мне, выглядя невыносимо самодовольным.

У него не заняло много времени подвести меня к краю, чтобы я начала извиваться напротив его дразнящих пальцев, едва не умоляя Зверя наполнить меня своим членом.

Кори лег на спину, и я перекинула свою ногу через его бедро, чтобы оседлать мужчину, скользя своей киской по его члену, пока терзала Зверя и себя этими движениями.

— Я не знаю, сколько еще смогу выдержать подобной пытки, — сказал он, и его голос звучал низким и грубым от желания. Кори заложил руки за голову точно так же, как делал это десятки раз, когда сдержанно трахал меня.

Я сдалась, приподняла бедра и позволила его неумолимому члену проскользнуть внутрь.

Мы оба застонали, когда он вошел до самого основания.

Он обхватил меня за бедра, пока толкался вверх, проникая внутрь меня снова и снова, а я была так близка к оргазму, что едва могла держаться прямо, мне не хотелось ничего больше, кроме как кончить.

Все это время Зверь скользил пальцем по моему клитору, и я выдохнула от облегчения, обняв мужчину и прижавшись к его груди, когда кончила от его толчков.

Ощущение того, как сжались вокруг его члена мои стеночки, после того, как я нашла свое освобождение, отправили Кори за грань, и он кончил внутри меня, вцепившись в мои бедра.

Когда мы легли на постель, Зверь мягко рассмеялся, пока я рисовала пальцами незамысловатый узор на его бицепсе.

— Что тебя так развеселило? — спросила я.

Он покачал головой, и мне пришлось пихнуть его локтем.

— Я просто счастлив, — произнес мужчина. — Ты согласилась стать моей женой.

Конец

Больше книг на сайте - Knigolub.net